

ISSN 2073-8315

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А.А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

2 (40)
2012

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Магілёў)
канд. гіст. навук дацэнт К.М. Бандарэнка (Магілёў)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук прафесар В.І. Рагаўцоў (Магілёў)
д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт В.В. Люкевіч (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я.В. Рубанава

Тэхнічны рэдактар *А.Л. Пазнякоў*
Камп'ютарны набор і вёрстка *А.Л. Пазнякоў*
Карэктар *Г.В. Карпянкова*

Падпісана да друку 31.07.2012 г.
Фармат 70x108^{1/16}. Папера афсетная. Гарнітура Petersburg.
Ум.-друк. арк. 8,4. Ул.-выд. арк. 7,0. Тыраж 100 экз. Заказ 278.

Установа адукацыі "Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.А. Куляшова", 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
ЛІ № 02330/278 ад 30.04.2004 г.

Надрукавана ў аддзеле аператыўнай паліграфіі
УА "МДУ імя А.А. Куляшова". 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.

© УА "МДУ імя А.А. Куляшова", 2012

ЗМЕСТ

СТРЭНКОЎСКИ С.П. Польская гістарыяграфія гарадскога самакіравання Беларусі ў канцы XIV – XVIII стст.	4
КЛИМУТЬ Л.Я. Конституцыйная рэформа 1834 г. в Бразіліі: прадпосылкі, сутнасць, ітогі	11
БЫЧОК С.М. Мемуары фельдмаршала В. Кейтэля як адзін з крыніцаў вывучэння сістэмы верхняга камандавання вермахта пачатку Другой сусветнай вайны і баявых дзеянняў на Усходнім фронце	20
АБРАМЕНКО М.Е. Медыцынскае абслужванне насельніцтва Беларусі ў абароннай зоне тыла груп арміяў “Цэнтр” (1941 – 1944 гг.).....	25
ДАВЫДОВА Л.А. Група “аграрных тэрырыстаў” – прадшэственніца Саюза сацыялістаў-рэвалюцыянераў (эсераў) максімалістаў	30
ДЗМІТРУК А.П. Механізм фарміравання партыі “Лагера Нацыянальнага Аб’яднання” на прыкладзе заходнебеларускіх зямель.....	34
АЛЕКСЕЙЧИКОВА Н.Н. Актовыя кнігі магілёўскага магістрата XVI – XVIII вв. як крыніца па гісторыі матрыманіяльнага паводзення жыхароў беларускіх гарадоў	39
КУЛАБУХОВА Е.В. Сацыяльна-палітычнае становішча Расійскай праваслаўнай царквы ў беларускіх губерніях у рэвалюцыі 1905 – 1907 гг.	45
СТАРАСЦЕНКА В.У. Ідэя талерантнасці ў айчынным рэнесансным гуманізме і праблема сацыяльнай практыкі верацярпімасці	53
ЕВАРОЎСКИ В.Б. Сярэднявечная штодзённая ў Беларусі: гісторыка-філасофская рэканструкцыя	60
СОСНОВСКАЯ О.А. Спецыфіка функцыянавання бэджывых тэкстаў у рэчывым абшчынні	67
РУДАЯ О.П. Літаратурная традыцыя як спосаб трансляцыі аўтарскай канцэпцыі асобы	71
ПАСЮТИНА Ю.Н. Романны герой: праблема тыпалогіі (на прыкладзе творчэства М.А. Шалохова)	76
ВАСИЛЕНКО Е.Н. Дыскурс як лінгвістычны феномен	81
ГРАДЮШКО А.А. Печатныя СМІ Магілёўскай абласці ў медыасферы інтэрнэту	86
ФЁДАРАВА Н.У. Фразеалагізмы беларускай літаратурнай мовы са значэннем прыняцця і ўдзелу адрасата ў маўленчым акце	91
КИСЕЛЬ Е.В. Функцыянальная семантызацыя і характарызацыя асобных месцаазначэнняў	94
ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ	101
SUMMARIES	102

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 930.2(438):94(476)“13/17”

С.П. СТРАНКОЎСКИ

ПОЛЬСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ГАРАДСКОГА САМАКІРАВАННЯ БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XIV – XVIII стст.

У артыкуле разгледжаны працы польскіх гісторыкаў, пачынаючы з Б. Граіцкага, П. Шчэрбіча, якія згрупаваны па часе правядзення іх даследаванняў і прыналежнасці да розных школ. Праведзена параўнанне поглядаў польскіх гісторыкаў у розныя перыяды, вылучаны падабенства і супрацьлегласці, зроблены высновы аб недахопах і станоўчых момантах даследаванняў. Адзначаны працы, якія дазваляюць правесці параўнанне працэсу развіцця самакіравання з польскімі гарадамі, даследаванні, якія носяць даведачна-інфармацыйны характар. Адзначаны спрэчныя пункты гледжання па асобных пытаннях, якія патрабуюць далейшага вывучэння.

Уводзіны

У польскай гістарыяграфіі пытанне гарадскога самакіравання і гарадскога права прадстаўлена дастаткова шырока. Гэта дае магчымасць высветліць погляды польскіх гісторыкаў на становішча самакіравання ў беларускіх гарадах і правесці параўнанне з уласна польскім гарадскім самакіраваннем.

Асноўная частка

Першыя нарысы гарадскога самакіравання мы знаходзім ужо ў працах Б. Граіцкага і П. Шчэрбіча XVI ст., якія пераклады выданняў нямецкага права дапаўнялі ўласнай практыкай і практыкай тагачасных магдэбургскіх судаў [1–8].

На хвалі распаўсюджвання ідэй Асветніцтва ў другой палове XVIII ст. у Рэчы Паспалітай рэзка ўзрастае цікаўнасць да прававога і эканамічнага стану дзяржавы. Праводзіцца сістэматызацыя заканадаўства і спробы яго ўдасканалення. Нарыс прававога становішча гарадоў і мяшчан канца XVIII ст. мы знаходзім у кнігах В. Скішэўскага “Prawo polityczne Narodu Polskiego” [9], Т. Астроўскага “Prawo cywilne albo szczegolne Narodu Polskiego”, у якіх пазначаны асаблівасці гарадоў ВКЛ [10].

У XIX ст. гісторыяй гарадоў займаліся прадстаўнікі гісторыка-юрыдычнай школы.

Ян Вінцэнт Бандтке, разглядаючы гісторыю развіцця гарадскога права ў Польшчы, адзначаў, што граматы на нямецкае права давалі не яго зборы і кнігі, а ўзор і прыклад звычайных правоў, а менавіта: вызваленне ад часткі або ўсёх падаткаў і павіннасцей, асобны суд, гарадскі ўрад, права прыняцця сваіх уставаў, права вызначэння і збору падаткаў на патрэбы горада [11, с. 85-92]. Сцвярджаў, што на момант адмены сеймам у 1776 г. Магдэбургскага права ў гарадах ВКЛ там было пад сто пяцьдзесят магдэбургій. Сам гэты акт лічыў вельмі шкодным для развіцця гарадоў [11, с. 150]. Ён жа разгледзеў сярод іншых адміністрацыйных і судовых устаноў гарадскія органы ўлады і суды ў розныя перыяды існавання Рэчы Паспалітай [12, с. 25-28; 192].

Міхал Балінскі паказаў у сваім творы гісторыю Вільні, парадак атрымання прывілеяў на Магдэбургскае права, канфірмацыйных актаў, змясціў у ім шэраг дакументаў, якія датычацца самакіравання горада [13].

Вялікая колькасць прац прысвечана ўласна польскім узорам гарадскога самакіравання, аднак уяўляе цікавасць у параўнальным плане. Пранікненне нямецкага права ў Польшчу, фарміраванне сістэмы ўласных судоў нямецкага права, прывілеі польскіх каралёў, звязаныя з гэтым працэсам, даследаваў у сваёй працы “O założeniu sądów wyższych prawa niemieckiego na zamku Krakowskim” Міхал Бабжынскі [14]. Антоні Зыгмунт Гельдль разглядае ўравававаны стан мяшчан Рэчы Паспалітай [15]. Нямецкае права і стан мяшчанства на момант пачатку распаўсюджвання нямецкага права ў ВКЛ выклаў Рамуальд Губэ [16]. Характарыстыку гарадской палітыкі Ягелонаў можна знайсці ў працы Ваўжынца Суравецкага “O upadku przemysłu i miast w Polsce” [17].

Вялікі ўклад у даследаванне самакіравання на нямецкім праве ўнёс У.А. Мацяёўскі. Ён лічыў, што “Магдэбургскае права схілялася да славянскіх звычаяў”. На яго думку, польскія манархі прыйшлі да высновы, што ў мэтах адбудовы гарадоў яны павінны быць адзелены ад воласці. Мяшчане ж жадалі пазбавіцца ад валаснога права, каб ім зручней было займацца рамяством і гандлем. Манархі, даючы нямецкае права гарадам, імкнуліся да збліжэння шляхты і мяшчан, сцвярджае У.А. Мацяёўскі. Разглядаючы гарады “Літвы”, гісторык пісаў, што і да набывання магдэбургскага права яны мелі кіраванне ў асобе войта, а мястэчкі, якія рэдка карысталіся нямецкім правам, усё ж такі мелі льготы. У працы ёсць значныя хібы ў фактах і датах [18].

У пачатку XX ст. з’яўляецца шэраг прац, у якіх гаворка ідзе аб прававым стане асобных гарадскіх паселішчаў. Пшэмыслаў Дамбоўскі разглядае ўрававаны права прывілеяваных гарадоў, дадзеныя ім сеймавымі канстытуцыямі [19, с. 165-170]. Аляксандр Ябланоўскі даў нарыс развіцця падляшскіх гарадоў, у тым ліку і іх прывілеяў, у сваёй працы, прысвечанай Падляшшу ў XVI ст. [20, с. 78-95; 21, с. 53-78].

Гістарыяграфія Другой Рэчы Паспалітай таксама змяшчае шэраг даследаванняў гісторыі гарадскога самакіравання.

Станіслаў Кутшэба лічыў, што гарады ў ВКЛ з’явіліся не па прычыне паступовага развіцця, а па прычыне рэцэпцы іншаземных устанавленняў, а менавіта права нямецкіх гарадоў. Таму ў гарадах Беларусі і Літвы адразу ўсталёўваліся гатовыя ўзоры, якія меліся ў Прусіі і Польшчы. С. Кутшэба сцвярджаў, што панаванне натуральнай гаспадаркі прывяло да вельмі слабага развіцця гарадоў і мяшчанства ў ВКЛ. На думку гісторыка, гарады, якія засноўваліся на нямецкім праве, атрымалі лакацыйныя прывілеі на Хэлмінскім або Шрэдскім праве, а кіраваліся правам, заснаваным на Саксонскім Зярцале і Магдэбургскім праве. Пры гэтым насельніцтва гарадоў было не нямецкім, а польскім і рускім. Арганізацыя ўлады ў горадзе гісторык поўнасьцю атаясамліваў з польскімі ўзорамі. На чале горада змяшчаў раду, якая была “органам самакіравання і аўтаноміі”, выбіралася войтам і паспольствам, а сама выбіралася бурмістраў. Побач з радаю былі войт і лава: войт быў дзедзічным, а лаву, як судовы орган, выбіралася рада [22, с. 70-73].

Іва Яворскі разглядаў развіццё магдэбургскага ладу на Беларусі на прыкладзе Вільні, Берасця і Друі [23]. Іх рысы самакіравання ён распаўсюджаў на ўсе астатнія гарады ВКЛ ягелонскага перыяду.

І. Яворскі, аналізуючы прывілеі на Магдэбургскае права гарадам ВКЛ, гаворыць, што першыя з іх былі вельмі беднымі па змесце: надавалі нямецкае права, акрэслівалі стан горада і яго адносіны з службоўцамі дзяржавы. Глуначыць І. Яворскі гэта тым, што спасылка ў граматах на польскія гарады давала поўны

ўзор самакіравання, правоў і абавязкаў горада. Невялікую колькасць згадак у прывілеях пра землі горада гісторык тлумачыць тым, што ў большасці яны даваліся ўжо існуючым гарадам. У сувязі з адрозненнямі рэальных абставін у ВКЛ у параўнанні з Польшчай уладам, якія хацелі перанесці сюды арганізацыю польскіх гарадоў поўнасьцю, прыходзілася яе змяняць, дапаўняць, “латаць”. Найбольш падрабязна Яворскі разглядае прывілеі ў галіне павіннасцей, падаткаў, эканомікі гарадоў [24].

Працягваецца разгляд гістарычнага развіцця асобных гарадоў ВКЛ, у тым ліку і іх самакіравання. Даследуючы гісторыю Вільні, Уладзіслаў Каваленка гаворыць аб тым, што прывілеі, дадзеныя гарадам, вылучалі іх з вясковага акружэння, падымалі на ступені атрымання магдэбургскіх прававых нормаў, садзейнічалі развіццю мяшчанскага саслоўя. Межы прывілеяванасці пры гэтым вызначала “ласка пануючага” [25, с. 10]. Ота Хедэман у сваім творы разглядаў самакіраванне Дзісны і Друі, параўноўваў яго ў вялікакняжацкім і прыватнаўласніцкім уладаннях, некалькі ідэалізуючы яго [26]. Звесткі па гарадскіх паселішчах Ваўкавыскага рэгіёна XVII ст. прыводзяцца ў артыкуле Стэфана Калянкоўскага “Powiat Wołkowyski w końcu w. XVII” [27].

Адной групе прывілеяў – прывілеям на карыстанне лясамі, сенажацямі, рыбную лоўлю – прысвечана праца Генрыка Лаўмяньскага «„Whody” miast litewskich» [28]. Севярын Віславух таксама разглядае адзін від павіннасцей гарадоў – камунікацыйныя [29].

Асобныя працы гэтага перыяду можна выкарыстаць у параўнальным плане. Агульны нарыс развіцця Магдэбургскага права ў Польшчы можна знайсці ў працы Яна Птасьніка “Miasta i mieszczaństwo w dawnej Polsce” [30]. Оскар Лангэ прааналізаваў лакацыю вялікапольскіх гарадоў на нямецкім праве [31].

У пасляваенны час тэма магдэбургскага самакіравання закранаецца ў працах Станіслава Александровіча [32–36]. У яго артыкулах падаюцца даты надання нямецкага права гарадскім паселішчам. Ён адзначае, што малая колькасць прывілеяў на Магдэбургскае права да канца XIV ст. – сведчанне слаблага яшчэ развіцця гарадоў ВКЛ [34, с. 48]. С. Александровіч лічыць прычынай надання Магдэбургскага права рост значэння асобных гарадоў і імкненне іх жыхароў атрымаць “прывілеі на гарадское права, якія б прызналі за гарадамі самакіраванне, уласны суд”, сцісла вызначылі б падаткі гараджан на карысць гаспадара і дзяржавы і вырашылі асобныя гаспадарчыя пытанні. Манархі ж імкнуліся гэтым шляхам палепшыць становішча гарадоў і павялічыць даходы свайго скарба [33, с. 144]. С. Александровіч адзначае, што ў ВКЛ, у адрозненне ад Польшчы, гарадское права мелі толькі найбольшыя гарады, некаторыя мястэчкі, астатнія ж не адрозніваліся па прававым становішчы ад вёсак, аднак пры гэтым дадае, што “элементы самакіравання ў гарадах калі-некалі з’яўляліся перад атрыманнем гарадскіх правоў” [33, с. 147].

Акрамя таго, С. Александровіч не пагаджаецца з С. Кутшэбам, гаворачы, што нельга лічыць паўстанне гарадоў вынікам рэцэпцыі замежнага права, што адбывалася не паўстанне, а прававое вылучэнне гарадоў і стварэнне асновы для самакіравання. Выключэнне пры гэтым складала толькі Падляшша, дзе адчуваўся значны ўплыў Мазовіі і адбывалася польская каланізацыя. Этапамі развіцця гарадскога права было ўстанаўленне вялікімі князямі войтаў і лаўнікаў як элемента ўласнага кіравання і суда, а затым – наданне прывілеяў на Хэлмінскае, а потым Магдэбургскае права ці адразу на Магдэбургскае права, што было значна часцей. У наданні нямецкага права магло быць таксама два этапы – наданне

“меншага” і поўнага Магдэбургскага права. Пры гэтым, па словах С. Александровіча, нават поўнае Магдэбургскае права не вызваляла гараджан ад шэрага павіннасцей на карыць дзяржавы. С. Александровіч адзначае таксама, што і без увядзення Магдэбургскага права ў беларускіх гарадах утвараліся формы самакіравання, якія ён дэманструе на прыкладзе Оршы (войт і шэсьць лаўнікаў, потым войт і чатыры сотнікі), што ў Магілёве, напрыклад, суіснавалі інстытуты самакіравання на нямецкім праве і архаічныя яго інстытуты (сотнікі і дзесятнікі) [35, с. 72-77].

Значны ўклад у даследаванне гісторыі самакіравання беларускіх гарадоў унёс Юльёш Бардах. Ён адзначае спецыфічныя рысы гарадоў на Магдэбургскім праве (прафесійную структуру насельніцтва, пабудову, арганізацыю асобнай улады і суда, асобнае правае становішча насельніцтва), якія замацоўваліся лакальнымі дакументамі – “прававым выразам адасаблення горада ад астатняй тэрыторыі, а мяшчанства як саслоўя ад астатняга насельніцтва”. Даследчык выдзяляе дзве ступені Магдэбургскага права – малое і вялікае [37, с. 48]. Магдэбургскае права больш адпавядала таварна-грашовым адносінам. Распаўсюджанне Магдэбургскага права ў Вялікім Княстве Літоўскім Ю. Бардах разглядае як частку ўсеагульнага цэнтральна- і ўсходнееўрапейскага працэсу рэцэпцыі нямецкага права, а таксама як вынік дзейнасці гаспадара, мяшчанства ж пачало дабівацца яго толькі з другой паловы XVI ст. [38, с. 24, 33]. Ю. Бардах выдзяляе наступныя адрозненні ў самакіраванні беларускіх гарадоў у параўнанні з польскімі: Магдэбургскае права з’яўлялася выключна рысай гарадоў, вёскі яго не мелі; малое распаўсюджанне яго ва ўсходняй Беларусі як вынік жыццяздольнасці рускай воласці, цэнтрам якой быў горад, а Магдэбургскае права гэты валасны лад руйнавала і аслабляла пазіцыі мяшчанства; тры этапы распаўсюджання нямецкага права (канец XIV – пачатак XV ст., 1492 – 1505 гг., другая палова XVI – XVII стст.); наяўнасць гарадоў, якія не мелі Магдэбургскага права, але набліжаліся да прывілеяваных гарадоў у павіннасных пытаннях і войтаўскай арганізацыі; дваістасць упарадкавання і права гарадоў; рэцэпцыя без удзелу этнічных нямецкіх элементаў [38, с. 27, 28, 31, 33, 45, 50]. Ю. Бардах выдзяляе ў наданні гарадскіх правоў два этапы: 1) аддзяленне ад воласці, акрэсленае эканамічнае ўпарадкаванне, увядзенне войтаўства; 2) увядзенне ўласна Магдэбургскага права. Даследчык лічыць, што войт прадстаўляў гаспадара, не ўваходзіў у магістрат і што арганізацыя гарадской улады залежала ад велічыні горада, яго этнічна-рэлігійнага складу, суадносін сацыяльных сіл [38, с. 29, 39, 40].

Мацей Нойман даследаваў склад фармуляраў Магдэбургскіх грамад, дадзеных гарадам Беларусі і Падляшша [39, с. 41-46]. Уладзімеж Ярмолік разглядае працэс развіцця гарадскога права на прыкладзе 24 паселішчаў Падляшша, якое пасля 1569 г. увайшло ў склад Кароны. Лічыць, што ў першай палове XV ст. пад мазавецкім уплывам гэта было Хэлмінскае права, а з канца гэтага стагоддзя – Магдэбургскае права. Тады ж адбывалася і замена Хэлмінскага права Магдэбургскім у пэўных гарадах. У большасці сваёй нямецкае права набывалі ўжо існаваўшыя гарадскія паселішчы, некаторыя ператвараліся ў гарады з сёл або засноўваліся на “сырым карані”. Напачатку самакіраванне было прадстаўлена войтамі і надавалася толькі перасяленцам, а затым ужо распаўсюджвалася на астатнюю частку жыхароў, у тым ліку і на “рускіх”. Распаўсюджанне Магдэбургскага права ў ВКЛ, на думку У. Ярмоліка, наогул пачыналася з заходняй часткі [40].

Значны масіў утвараюць даследаванні польскіх гісторыкаў, прысвечаныя развіццю самакіравання ўласна польскіх гарадоў. Вялікі ўклад у даследаванне нямецкага права польскіх гарадоў і вёсак унеслі Г. Самсановіч [41–44],

М. Багуцка [41, 45–49], С. Курась [50], З. Рымашэўскі [51], Р. Шчыгел [52–57], Б. Зентара [58]. Іх працы даюць шырокія магчымасці для аналізу працэсу распаўсюджвання нямецкага права ў Польшчы і параўнання яго з аналагічным працэсам у ВКЛ. Побач з комплекснымі даследаваннямі мелі месца і працы, у якіх закранаюцца асобныя аспекты гарадскога самакіравання. Ролю гарадской абшчыны ў гарадах Польшчы з Магдэбургскім правам даследавала Крысціна Камінская [59]. Выданню Тухольчыкам крыніц Магдэбургскага права і параўнанню іх з першакрыніцамі прысвяціў сваё даследаванне Уладзіслаў Баярскі [60]. Збышак Гурчак разглядае развіццё вялікапольскіх мястэчак у познім Сярэднявеччы [61].

Вялікую цікаўнасць для даследавання гарадскога самакіравання на Беларусі ўяўляюць выданні XIX – пачатку XX стст., якія маюць даведчна-энцыклапедычны характар. Даведчны матэрыял пра развіццё гарадоў, у тым ліку іх самакіраванне, можна знайсці ў такіх выданнях, як Т. 3 “Starozyna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym” [62]; “Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich” (Т. 1–15, Warszawa, 1880 – 1902) [63]. Звесткі пра органы гарадскога самакіравання і іх службоўцаў змяшчае “Encyklopedia staropolska” (Т. 1–4, Warszawa, 1900 – 1904) [64]. Слоўнікі актавай мовы маюцца ў выданнях Баляслава Уланоўскага [65], Зыгмунта Цаліхоўскага [66].

Заклучэнне

Падводзячы вынік, трэба адзначыць вялікі ўклад польскіх гісторыкаў у даследаванне гарадскога самакіравання Рэчы Паспалітай у цэлым і Беларусі ў прыватнасці ў канцы XIV – XVIII ст. Пачынаючы з апісальных прац Скішэтускага і Астроўскага, адбывалася назапашванне фактычнага матэрыялу, які стварыў аснову для далейшых даследаванняў. У XIX ст. пануючым быў фармальна-юрыдычны падыход да праблем гарадскога самакіравання, яго прававых падстаў. Да Другой сусветнай вайны панавалі погляд на вызначальны ўплыў польскіх узораў на канкрэтныя формы і змест самакіравання гарадоў ВКЛ. Гэта пазіцыя знайшла ўвасабленне ў творах С. Кутшэбы, які амаль адмаўляў беларускім гарадам у наяўнасці ўласных асаблівасцей самакіравання і гарадскога права. Змена метадалагічных падыходаў у творах пасляваеннай польскай гістарыяграфіі дазволіла такім славетным гісторыкам, як С. Александровіч і Ю. Бардах зрабіць шэраг важных высноў па станаўленні, структуры і дзейнасці гарадскога самакіравання Беларусі. Пры гэтым асобныя тэзісы, як, напрыклад, пра існаванне вялікага і малага, ці поўнага і няпоўнага Магдэбургскага права, здаюцца даволі спрэчнымі і патрабуюць далейшага вывучэння.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Groicki, B.** Artykuły Prawa Magdeburskiego ktore zową Speculum Saxonum z Lacińskiego Języka na Polskie przelozone y znowu Drukowane / B. Groicki. – Kraków, 1565.
2. **Groicki, B.** Porządek sądów miejskich / B. Groicki. – Kraków : Drukował Łazarz Andrusowicz, 1559.
3. **Groicki B.** Reyestr do Porządku y do Artykułów Prawa Magdeburskiego y Cezarskiego / B. Groicki. – Kraków, 1567.
4. **Groicki, B.** Ten postępek wybran iest z Praw Cezarskich / B. Groicki. – Kraków, 1559.
5. **Groicki, B.** Tytuły Prawa Magdeburskiego do Porządku y do Artykułów pierwey po Polsku wydanych / B. Groicki. – Kraków, 1575.
6. **Groicki, B.** Ustawa płacey u Sądow w Prawie Magdeburskim / B. Groicki. – Kraków, 1559.

7. **Szczerbicz, P.** Ius municipale, to jest prawo miejskie magdeburskie nowo z łacińskiego i niemieckiego na polski język [...] przełożone / P. Szczerbicz. – Lwow, 1581. – 237 p.
8. **Szczerbicz, P.** Speculum Saxonum albo Prawo Saskie y Maydeburskie, porządkiem obiecada z łacińskich y niemieckich exemplarzow zebrane, a na polski język [...] przełożone [...] / P. Szczerbicz. – Lwow, 1581.
9. **Skrzetuski, W.** Prawo polityczne Narodu Polskiego / W. Skrzetuski. – Warszawa : Drukarnia J-K-Mci y Rzeczypospolitey u XX. Sclarum Piarum, 1782. – T. 2. – P. 90–148.
10. **Ostrowski T.** Prawo cywilne albo szczegolne Narodu Polskiego / T. Ostrowski. – Warszawa: Drukarnia J-K-Mci y Rzeczypospolitey u XX. – Sclarum Piarum, 1784. – P. 29–39.
11. **Bandtkie, J.W.** Zbiór rozpraw o przedmiotach prawa polskiego / J.W. Bandtke. – Warszawa. – Wilna: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego Imper. – Wilen. Uniwer. Typografa, 1812. – 211 p.
12. **Bandke, J.W.** Rozprawy o prawie i sądownictwie karzącem i o urzędach w dawnej Polsce / J.W. Bandtke. – Warszawa : Drukarnia Banku Polskiego, 1868.
13. **Baliński M.** Historia Miasta Wilna / M. Baliński. – Tom 1 – 2. – Wilno : Drukiem Antoniego Marcinowskiego, 1836.
14. **Bobrzyński, M.** O założeniu sądów wyższych prawa niemieckiego na zamku Krakowskim / M. Bobrzyński. – Kraków : Drukarnia Uniwersytetu Jagellońskiego, 1875.
15. **Helcl, A.Z.** Pism pozostałych wydanie pośmiertne / A.Z. Helzl. Tom 1. – Kraków, 1874. – P. 81–89.
16. **Hube, R.** Sady ich praktyka i stosunki prawne spoleczeństwa w Polsce ku schyłkowi 14 wieku / R.Hube. – Warszawa : Redakcyja Biblioteki Umiejętności Prawnych, 1886. – P. 17–20, 53–55.
17. **Surowiecki, W.** O upadku przemysłu i miast w Polsce / W. Surowiecki. – Poznań : Nakładem i drukiem J.I. Kraszewskiego (Dr.W. Łebiński), 1886.
18. **Macejowski, W.A.** Historia miast i mieszczan w kraich dawnego państwa polskiego od czasów najdawniejszych aż do połowy XIX w. / W.A. Macejowski // Roczniki towarzystwa przyjaciół nauk poznańskiego. – Poznań, 1890. – T. XVII. – Z. 2.
19. **Dąbkowski, P.** Prawo prywatne polskie / P. Dąbkowski. – T. 1. – Lwów : Towarzystwa dla poperania nauki polskiej, 1910.
20. **Jabłonowski, A.** Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym / A. Jabłonowski. – Tom VI. Podlasie (województwo). – Warszawa : Skład główny u Geebethnera i Wollfa, 1910. – Cz. III.
21. **Jabłonowski, A.** Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym / A. Jabłonowski. – Tom VI. Podlasie (województwo). – Warszawa : Skład główny u Geebethnera i Wollfa, 1909. – Cz. II.
22. **Kutrzeba, S.** Historia ustroju Polski w zarysie / S. Kutrzeba. – Tom drugi. Litwa. Wydanie drugie. – Lwów i Warszawa : Księgarnia polska Bernarda Połonieckiego, 1921.
23. **Jaworski I.** Studia nad ustrojem miast na prawie niemieckim w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Jagiellońskiej / I. Jaworski // Rocznik Praniczo-Wileński. – Wilno, 1931. – T. 5. – P. 297–352.
24. **Jaworski, I.** Przywileje miejskie na prawo niemieckie w Wielkim Księstwie Litewskim / I. Jaworski // Rocznik Prawniczo-Wileński. – Wilno, 1929. – T. 3. – P. 48–61.
25. **Kowalenko, W.** Geneza udziału stołecznego miasta Wilna w sejmach Rzeczypospolitej / W. Kowalenko // Atheneum Wileńskie : Wydawnictwo Wydziału III Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie. – Wilno. – R.3, 1925 – 1926, #10-11. – P. 327–373. Atheneum Wileńskie : Wydawnictwo Wydziału III Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie. – Wilno. – R. 4, 1927. – # 12. – P. 27–137.
26. **Hedemann, O.** Druja / O.Hedemann. – Wilno : Zorza, 1934.
27. **Kolankowski, S.** Powiat Wołkowycki w końcu w.XVII / S. Kolankowski // Atheneum Wileńskie Wydawnictwo Wydziału III Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie. – Wilno. – R. 14, 1939. – Z. 1. – P. 249–261.
28. **Łowmiański, H.** „Whody” miast litewskich” / H. Łowmiański // Atheneum Wileńskie : Wydawnictwo Wydziału III Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie. – Wilno. – R. 1. – 1923. – #3-4. – P. 398–466. – R. 2, 1924. – # 5-6. – P. 70–99.
29. **Wyslouch, S.** Posługi komunikacyjne w miastach WKL na prawie magdeburskim / S. Wyslouch. – Wilno, 1936.

30. **Ptaśnik J.** Miasta i mieszczaństwo w dawnej Polsce / J. Ptaśnik. – Kraków, 1934.
31. **Lange, O.** Lokacja miast Wielkopolski właściwej na prawie niemieckim w wiekach średnich (z mapą) / O. Lange // Pamiętnik historyczno – prawny pod redakcją Przemysława Dąmbkowskiego. – Tom 1. – Zeszyt 5. – Lwów, 1925.
32. **Aleksandrowicz, S.** Miasteczka Białorusi i Litwy / S. Alexandrowicz // Akta Baltiko-Sławika. – 1970. – #7.
33. **Aleksandrowicz, S.** Powstanie i rozwój miast województwa Podlaskiego / S. Alexandrowicz // Akta Baltiko-Sławika. – 1964. – # 1.
34. **Aleksandrowicz, S.** Miasta Białorusi w XVI i pierwszej połowie XVII wieku. Rec.: Экономическое развитие городов Белоруссии в 16 – 1 пол. 17 в. – Минск, 1966. – 225 с. / S. Alexandrowicz // Kwartalnik historyczny. – R. LXXV, – Warszawa, 1968. – # 2. – P. 411–420.
35. **Aleksandrowicz, S.** Gospodarcze, prawne i etniczne osobliwości sieci miejskiej ziem Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI – XVII w. / S. Alexandrowicz // Miasto i kultura ludowa w dziejach Białorusi, Litwy, Polski i Ukrainy. Red. J. Wyrozumski. – Kraków, 1996. – P. 61–89.
36. **Alexandrowicz, S.** Städte in den weissrussischen Gebieten des Grossfürstentums Litauen (15. bis 18. Jahrhundert) / S. Alexandrowicz // Handbuch der Geschichte Weissrusslands / Hrg.: D. Beyrau, R. Linder. – Gottingen : Vandenhoeck&Ruprecht, 2001. – P. 276–290.
37. Historia ustroju i prawa polskiego / J. Bardach, B. Leśnodorski, M. Pietrzak. Wydanie 4. – Warszawa : Wyd-wo Prawnicze PWN, 1999. – 655 p.
38. **Bardach, J.** Miasta na prawie magdeburskim w Wielkim Księstwie Litewskim od schyłku XIV do połowy XVII wieku / J. Bardach // Kwartalnik historyczny. – R.87. – № 1. – Warszawa, 1980.
39. Беларускі горад у часе і прасторы: 500 гадоў Полацкай магдэбургіі: зборнік навуковых прац / Полацк. дзярж. ун-т, Ін-т гісторыі НАНБ. – Наваполацк : ПДУ, 2001. – 292 с.
40. **Jarmolik, W.** Rozwój niemieckiego prawa miejskiego na Podlasiu do Unii Lubelskiej 1569 r. / W. Jarmolik // Przegląd historyczny. – T. LXXIII. – Z. 1-2. – Warszawa, 1982. – P. 23–45.
41. **Bogucka, M.** Dzieje miast i mieszczaństwa w Polsce przedrozbiorowej / M. Bogucka, H. Samsonowicz. – Wrocław, 1986.
42. **Samsonowicz, H.** Kultura prawnicza miast polskich w średniowieczu / H. Samsonowicz // *Mente et litteris. O kulturze i społeczeństwie wieków średnich.* – Poznań, 1984. – P. 319–323.
43. **Samsonowicz, H.** Z zagadnień ustrojowych miasta średniowiecznego / H. Samsonowicz // *Wiekі średnie. Medium aevum. Prace ofiarowane T. Manteufflowi w 60 rocznicę urodzin.* – Warszawa, 1962. – P. 151–157.
44. **Samsonowicz, H.** Samorząd miejski w dobie rozdrobienia feudalnego w Polsce / H. Samsonowicz // *Polska w okresie rozdrobienia feudalnego / Pod red. Henryka Lowmiańskiego.* – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1973. – P. 133–157.
45. **Bogucka, M.** Miasta a władza centralna w Polsce i w Europie wczesnonowożytnej (XVI – XVIII w.) / M. Bogucka // *Wydział I Nauk Społecznych PAN. Historia.* – Zeszyt 4. – Warszawa, 2001. – 47 p.
46. **Bogucka, M.** Miasta a życie polityczne w Polsce XVI – XVII wieku / M. Bogucka // *Władza i społeczeństwo w XVI i XVII w.* – Warszawa, 1989. – P. 39–46.
47. **Bogucka, M.** Miejsce mieszczanina w społeczeństwie szlacheckim: atrakcyjność wzorców życia szlacheckiego w Polsce XVII wieku / M. Bogucka // *Społeczeństwo staropolskie.* – Warszawa, 1976. – T. 1. – P. 185–199.
48. **Bogucka, M.** Mieszczaństwo Warszawy w XVI i w pierwszej połowie XVII w. / M. Bogucka // *Społeczeństwo Warszawy w rozwoju historycznym.* – Warszawa, 1977. – P. 393–421.
49. **Bogucka, M.** Miasta Europy środkowej w XIV – XVII w. Problemy rozwoju / M. Bogucka // *Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych.* – T. XLII. – 1981. – P. 5–23.
50. **Kuraś, S.** Przywileje prawa niemieckiego miast i wsi Małopolskich XIV – XV wieku / S. Kuraś. – Wrocław, 1971.

51. **Rymaszewski, Z.** Miejskość czy wiejskość prawa niemieckiego w Polsce / Z. Rymaszewski // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne. – Łódź, 1970. – Seria 1. – Zesz. 69. – P. 65–85.
52. **Szczygieł, R.** Lokacje miejskie w dobrach królewskich Małopolski w XVI wieku / R. Szczygieł // Droga historii. Studia ofiarowane J. Szymańskiemu w 70-tą rocznicę urodzin. – Lublin, 2001. – P. 175–184.
53. **Szczygieł, R.** Miasta polskie za ostatnich Jagiellonów / R. Szczygieł // Przegląd badań // Rocznik Lubelski. – 1968. – T. XI. – P. 127–151.
54. **Szczygieł, R.** Miasto w późnym średniowieczu. Lokacja na prawie niemieckim / R. Szczygieł // Chełm i Chełmskie w dziejach. Red. R. Szczygieł. – Chełm, 1996. – P. 27–49.
55. **Szczygieł, R.** Wpływ konfliktów wewnętrznych w miastach polskich XV – XVI wieku na zmiany struktur społecznych / R. Szczygieł // Stare i nowe struktury społeczne w Polsce. – T. 1. – Lublin, 1994. – P. 39–50.
56. **Szczygieł, R.** Wpływ unii Polski z Litwą na rozwój urbanizacji pogranicza obydwu państw od końca XIV do XVI wieku / R. Szczygieł // Stare i nowe struktury społeczne w Polsce. – T. 3. / Red. W. Misztol, J. Styk. – Lublin, 2002. – P. 137–145.
57. **Szczygieł, R.** Wpływ właścicieli na skuteczność lokacji miast prywatnych w XV i XVI wieku. Etapy urbanizacji Uchar / R. Szczygieł // Res Historica. – Tom 23. – Lublin, 2006. – P. 19–27.
58. **Zientara, B.** Źródła i geneza “prawa niemieckiego” (ius Teutonicum) na tle ruchu osadniczego w Europie zachodniej i środkowej w XI – XII w. / B. Zientara // Przegląd historyczny. – Warszawa, 1978. – T. LXIX. – P. 17–69.
59. **Kamińska, K.** Communitas Civium w miastach polskich rządzących się prawem magdeburskim / K. Kamińska // Acta Universitatis Nicolai Copernici. – Prawo XXX. – Nauki humanistyczno-społeczne. – Zeszyt 218. – 1990. – P. 25–37.
60. **Bojarski, W.** Speculum Saxonum i Ius municipale jako źródła prawa w dziejach Tucholczyka / W. Bojarski // Acta Universitatis Nicolai Copernici. – Prawo XXX. – Nauki humanistyczno-społeczne. – Zeszyt 218. – 1990. – P. 39–56.
61. **Górczak, Z.** Miasteczka Wielkopolskie w późnym średniowieczu / Z. Górczak // Poznański rocznik archiwalno-historyczny. – Rocznik X/XI. – 2003/2004. – P. 17–26.
62. **Baliński, M.** Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym / M. Baliński, T. Lipiński. – Warszawa, 1885. – Wyd. 2. – T. 4.
63. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich / wydany pod redakcją Filipa Sulimierskiego, Bronisława Hlebowskiego, Władysława Walewskiego. – Warszawa : Nakładem Filipa Sulimierskiego i Władysława Walewskiego, 1880 – 1902.
64. **Głóger, Z.** Encyklopedia staropolska ilustrowana / Z. Głóger. T. 1-4. – Warszawa : Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900 – 1904.
65. Sześć broszur politycznych z XVI i początku XVII stulecia. – Kraków : Polska akademia umiejętności, 1921. – P. 281–305.
66. Słowniczek łacińsko-polski wyrazów prawa magdeburskiego z wieku XV. – Poznań : Biblioteka Kórnicka, 1875.

Паступіў у рэдакцыю 01.07.2011 г.

УДК 94(81) “18”

Л.Я. КЛИМУТЬ

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 1834 г. В БРАЗИЛИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ, СУЩНОСТЬ, ИТОГИ

Статья посвящена Дополнительному акту 1834 г., ставшему поправкой к Конституции Бразилии. В ней исследованы предпосылки, сущность и последствия реформы для истории страны. Автор подчеркивает, что введение Дополнительного акта 1834 г. напрямую было связано с политической борьбой в эпоху регентства.

Введение

Формирование нового независимого государства нередко сопряжено с трудностями. Это длительный и непростой процесс. Если рассматривать проблему создания Бразилии из бывшей колонии Португалии в ее историческом контексте, то сразу становится очевиден ряд отличий от соседних стран бывшей испанской Америки, определявших, прежде всего, тем, что здесь сохранялась монархия. Данная статья посвящена реформе Конституции Бразилии, которая имела весьма серьезные последствия для формирования государства и сыграла свою роль в том, какой эта страна является сейчас. Для того чтобы полнее раскрыть сущность проблемы, в статье также уделено внимание историческим условиям, в которых происходило реформирование конституции, предпосылкам и результатам реформы.

Истории Бразилии в целом и имперского периода в частности уделялось немного внимания в советской науке в силу определенных идеологических установок. В современной российской латиноамериканистике история Бразилии этого периода пока изучена мало. Все это делает тему данной статьи еще более актуальной.

Основная часть

Что же собой представляла Бразилия в начале XIX века? Согласно «Кембриджской истории Латинской Америки» ко времени получения независимости в 1822 г. в Бразилии проживало 4–5 млн человек, из них около 800 000 – коренного населения [1, с. 679]. Плотность населения была неравномерной, наибольшая концентрация наблюдалась на Атлантическом побережье. Единственной густо населенной внутренней провинцией можно считать Минас-Жерайс – центр добычи золота в XVIII в.

Крупнейшим городом была столица Рио-де-Жанейро, в которой проживало около 100 000 человек. Второе место занимал Салвадор (60 000) [1, с. 679]. Меньше трети населения было белым. Большинство составляли чернокожие и мулаты. Количество рабов в 1823 г. оценивается в 1 147 515 человек, т.е. 30% населения. По этому же источнику общее количество населения – 3 960 866 человек [2]. Большая часть рабов проживала в 5 из 18 провинций: Мараньян, Пернамбуку, Баия, Минас-Жерайс и Рио-де-Жанейро.

Хотя Бразилия потеряла свою монополию на производство сахара еще в XVII в., ко времени получения независимости сахар составлял 40% ее экспорта, хлопок – 20%. Однако наблюдается новая и, наверное, самая важная тенденция – увеличение экспорта кофе. В 1820 г. кофе составлял уже 20% бразильского экспорта [1, с. 680-681]. Для понимания ситуации важно отметить, что производственный сектор экономики был почти полностью в руках бразильцев, но торговлю контролировали иностранцы. В тех провинциях, где развивалось экспортное сельское хозяйство, а именно северо-восток (Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу), сложились сельские олигархии.

Но в Бразилии 1822 г. не было единства и не зародилось еще национальное самосознание. Достигнутая в 1822 г. независимость была неполной. Возможно, одной из основных причин более медленного складывания самосознания было то, что благодаря присутствию португальского принца переход к независимости произошел относительно мягко и сохранялась политическая и социальная стабильность.

В то же время не последнюю роль в событиях после независимости сыграла личность Дона Педру. Бразильцы того времени подозревали Педру в абсолюти-

стских устремлениях, а то, что император не порывал связи с Португалией, воспринималось бразильцами как защита португальских интересов и вызывало боязнь возврата к колониальному времени. Неудивительно поэтому, что правление Педру I было периодом постоянной политической напряженности и конфликтов, кульминацией которых стало его отречение в апреле 1831 г.

То, каким будет новое Бразильское государство, было предметом серьезных споров. Первая половина 1823 г. была отмечена ростом оппозиции императору. Как указывает М.В. Кирчанов, “политический национализм сторонников независимости Бразилии должен был рано или поздно столкнуться с политическими амбициями Педру” [3, с. 27]. Дон Педру понимал, что оттягивать проблему оформления государственности Бразилии далее невозможно, и основал Государственный совет, который должен был написать проект Конституции. Особенностью бразильской политической системы по этой Конституции было введение еще одной ветви власти – модераторной, или посреднической (некоторые исследователи также называют ее сдерживающей [3, с. 27]). Она давала императору право распускать палату депутатов и назначать выборы. В целом Конституция отражала высокую степень политической централизации: император назначал президентов провинций, провинциальные и муниципальные советы обладали лишь ограниченной властью. Это была самая длительная Конституция Бразилии, она была создана по образцу французской конституции 1814 г. и устанавливала наследственную католическую монархию во главе с императором.

Таким образом, роспуск Учредительной ассамблеи и принятие новой Конституции в марте 1824 г. начали новый этап в государственном строительстве Бразилии. Этот этап характеризовался ухудшением отношений между императором и его подданными. Недовольство выливалось в антипортугальские чувства, связанные с опасениями восстановления Португальской империи. Эти настроения проявились в восстаниях в Баии (1823) и в Пернамбуку (1824). Последним руководил радикально настроенный священник Фрей Канека. Из его высказываний становится ясно, что повстанцы воспринимали Конституцию как ограничение политической свободы Бразилии, так как ее провинции лишены автономии и полностью зависят от центральной исполнительной власти, которую Канека определил как вид “Азиатского деспотизма” [4, с. 67-75]. В либеральных кругах общества все более укреплялось мнение, что Педру действует в интересах португальцев, а его кабинет был, по существу, “португальским” [1, с. 685]. Бразильцы были уверены, что для Педру I национальные интересы Бразилии значат меньше, чем его династические интересы. Не стоит забывать и о том, что между императором и депутатами не было согласия по вопросу работоторговли. Кроме того, не в пользу императора сыграла его неудачная и весьма затратная политика в Рио-де-Ла-Плате.

Однако было бы ошибочно предполагать, что Дона Педру поддерживали только португальцы. Бразильская элита считала монархическую форму правления гарантией стабильности, единства и порядка, и в обществе в целом идея монархии оставалась популярной. А Педру, герой борьбы за независимость и представитель дома Браганза, был единственным реальным претендентом на престол.

Ряд причин определял симпатии бразильцев в пользу монархии. Прежде всего, это уже названное беспокойство элиты, наблюдавшей, что творится в соседних бывших испанских колониях, и не желавшей оказаться в таком же политическом, социальном и экономическом хаосе. Только нейтральная единица, полностью независимая от партий, групп и противостоящих идеологий, могла

гарантировать стабильность страны без ущерба свободе ее граждан в соответствии с либерализмом того времени. Этот аспект подробно исследует Рикарду Саллес в своем труде “Имперская ностальгия” [5, с. 55].

Следующий немаловажный фактор – это приверженность монархической традиции. Монархия была единственным способом сохранить идентичность бразильского народа, происходившего из трех различных этнических групп (европейцы, африканцы и коренные американцы). Как пишет Жозе Карвалью, сильная привлекательность монархии для народа и более чем 300-летняя традиция (или 700-летняя с учетом португальской истории) дали возможность принцу Педру сыграть роль символа национального единства [6, с. 19]. Монархический режим, сохранившийся на бразильской почве, был “силой преемственности и традиции” [7, с. 128]. Кроме того, сыграл свою роль и тот факт, что Педру был героем борьбы за независимость Бразилии.

Третьим фактором в пользу монархии была необходимость учитывать политику основных европейских государств того времени. Бразильцы опасались, что европейские страны будут стремиться доминировать над молодой южноамериканской нацией, поэтому стремились избежать принятия республиканской формы и территориального распада на мелкие республики, слабые и постоянно соперничающие друг с другом. Сохранение монархии с монархом европейского происхождения во главе выполняло роль сдерживающего средства.

В целом, как видим, существование сильной оппозиции не означало, что в 1820-х гг. бразильская элита как класс выступала против императора. Кроме того, в стране были и абсолютисты, идеалом которых в любом случае оставалась монархия. Таким образом, Бразилия выбрала репрезентативную конституционную монархическую систему [8, с. 71]. Имперский режим основывался на идее о том, что суверенность (власть) заключена в народе, а не в государстве, символически представленном императором. В конституции это выражалось в том, что и император, и Генеральная ассамблея были представителями бразильского народа. Монарх представлял постоянные, общие интересы народа в целом, а Ассамблея представляла частные, временные, насущные интересы. Но император не был сувереном страны; сувереном был бразильский народ, который делегировал эту роль императору, как и Генеральной Ассамблее [8, с. 72].

Однако именно император был главой и государства, и правительства. На самом деле это был уникальный и особенный режим: президентская монархия. При этом индивидуальные гарантии были прописаны в Конституции и уважались. Император не мог действовать в тех областях, которые относились к компетенции законодательных органов и судебной власти, например, создавать законы или судить и выносить приговор. Ряд исследователей отмечают гибкость бразильской Конституции в смысле ее юридической интерпретации, которая предоставляла возможность создания особой парламентской модели [9, с. 261; 10, с. 233; 11, с. 233].

Модераторная власть также была важной составной частью этой государственной системы. Она была тем клапаном, “через который могла выйти парламентская анархия” [7, с. 125], другими словами, это минимизировало ущерб, вызванный спорами между соперничающими политическими фракциями. Жуан Камиллу Торрес считает модераторную власть вполне адекватной ситуации, т.к. монарх не принадлежал ни к каким фракциям, мог не беспокоиться о преемственности и знал, что обеспечить будущее своих преемников – значит сохранять мир и процветание страны [8, с. 80].

Хотя многие бразильцы не стали бы поддерживать открытое восстание против императора из боязни уничтожить саму Бразилию, пропасть между Доном Педру и большинством его подданных расширилась.

Во второй половине 1820-х гг. развитие Бразилии отмечено глубоким внутривластным кризисом. После смерти Дона Жуана в 1826 г. все более открыто стали раздаваться обвинения в адрес Дона Педру в том, что он хочет стать королем Португалии и присоединить к ней Бразилию. Экономическое и финансовое положение также было непростым. Хотя экспорт кофе стабильно рос, цены на основные экспортные товары в 1820-х гг. снижались [1, с. 689]. Дону Педру пришлось выпустить медные монеты, что привело к инфляции и появлению фальшивых монет. В 1829 г. был даже закрыт Банк Бразилии.

Политический кризис усугубляло народное недовольство. Независимость вызвала большие ожидания, а затем – вполне объяснимую фрустрацию. В таких условиях росли обвинения в адрес португальцев, которые контролировали многое в стране, а также в адрес императора, которого обвиняли в связях с его соотечественниками. Звучали требования изгнать португальцев.

Толчком к переходу от оппозиции к открытому восстанию стал кризис абсолютной монархии во Франции. В середине марта 1831 г. произошли знаменитые столкновения между сторонниками и противниками императора, получившие название “Ночь битых бутылок”. Поведение Дона Педру в сложившихся обстоятельствах было непоследовательным: сначала он подумывал о создании либерального “бразильского” кабинета, но затем внезапно заменил его более “португальским” кабинетом. Это и стало толчком к окончательному кризису Первой империи. Оказавшись без поддержки армии, но не желая уступать давлению, император отрекся от престола в пользу своего 5-летнего сына Педру. Толпа тут же провозгласила Педру императором. Поскольку он был еще очень мал, был создан Регентский совет.

Таким образом, период с 1831 по 1840 г. известен как период регентства. Именно в этот период и идет так называемая “борьба за Конституцию” и за пути дальнейшего развития Бразилии. Это было сложное время для Бразилии. М.В. Кирчанов пишет, что Бразилия функционировала как разорванная империя [3, с. 21]. На взгляд Л. Бетелла, отречение Дона Педру I, португальского принца, который привел Бразилию к независимости в 1822 г., в пользу сына, родившегося в Бразилии, означало национализацию трона и представляло собой завершение процесса независимости [1, с. 693].

Реакцией на отречение стали восстания, которые быстро были подавлены. Они были городскими и не связанными с республиканскими идеями. Общая черта восстаний в Рио-де-Жанейро, Салвадоре, Баии и Ресифи – антипортугальские настроения и поддержка федеративной политической структуры. Участие в восстании рабов способствовало то, что они расценили отречение императора как предвестие их освобождения.

Однако были и восстания в пользу восстановления на троне Педру I, например, война Кабанос в Пернамбуку (1832 – 1835). Ее движущими силами были мелкие землевладельцы, крестьяне, индейцы, рабы и поначалу некоторые сеньоры ди энженью. Только когда епископу Олинды удалось убедить повстанцев, что Педру I умер, а Педру II является законным императором, многие бунтовщики сложили оружие. В данном случае восставшие сражались за религию и императора, однако этот исторический эпизод скорее является исключением из правила, в целом же преобладали как раз противоположные настроения.

“Наибольшую выгоду от отречения императора и введения регентства получили те слои, которые поддерживали независимость от Португалии в 1822 г., но выступали против абсолютизма, излишней централизации власти и португальской политики и португальских симпатий императора” [1, с. 695]. Эти бразильцы называли себя “модерату” (умеренные), чтобы отличаться от крайних либералов или радикалов, среди которых были республиканцы. Они основывались на масонской традиции в создании своих организаций. В социальном отношении большинство были землевладельцы и рабовладельцы. Среди лидеров выделялись Бернарду Перейра ди Васконселос, Диогу Фейжо и Эваристу да Вейга. Под влиянием французских и американских идей они выступали за либеральные изменения в Конституции в направлении большей централизации, но всегда в рамках монархической модели. Некоторые были приверженцами федерализма по образцу США.

В целом первую половину 1830-х гг. можно охарактеризовать как период либеральных реформ. Главной движущей силой реформ 1831 – 1835 гг. была борьба за власть в провинциях и борьба против абсолютистского правительства. Регентство фактически само оттолкнуло от себя либералов, разочарованных тем, что первые шаги регентского правительства были направлены не против абсолютистских элементов в обществе, а против его бывших союзников.

Судебная власть и армия в глазах либералов представляли собой португальский колониализм, поэтому среди первых мер были реформирование старой судебной системы и создание Национальной гвардии на основе довольно демократичного имущественного ценза.

В 1830 г. был издан либеральный Уголовный кодекс, целью которого, среди прочего, было защитить политическую оппозицию от произвольных мер правительства, в частности военных судов. В 1832 г. был введен Кодекс уголовных процедур, который усиливал полицейскую и судебную власть мировых судей. Также Кодекс создавал новую должность профессионального судьи округа, назначаемого президентом провинции. Либералы видели в избираемых мировых судьях и жюри присяжных важнейший инструмент защиты личной свободы.

Статьи конституции, считавшиеся несовместимыми с либеральной системой, были пересмотрены. До этого, еще в 1831 г., регенты лишились права посреднической власти. Теперь же практически все полномочия, за исключением права назначать министров, сенаторов и президентов провинций, перешли к парламенту, от которого регенты почти полностью зависели. Таким образом, можно считать, что начало 1830-х гг. было периодом верховенства законодательной ветви власти.

Однако реформа самой Конституции оказалось нелегким делом. Самые горячие дебаты велись вокруг посреднической власти, Государственного совета и пожизненного назначения сенаторов, спорами сопровождались и попытки усилить власть провинциальных институтов. Сенат возражал против большинства реформ, и его споры с палатой депутатов заняли почти три года. Наконец был принят компромиссный билль, приведший затем к Дополнительному акту в августе 1834 г.

Посредническая власть оставалась (но не в руках регентства), и сохранялся Сенат. Хотя президентов провинций продолжали назначать, провинциальные ассамблеи получили значительно большую власть. Кроме того, был решен вопрос о разделении доходов между центральным правительством и провинциями. В апреле 1835 г. регентом был избран либеральный священник и министр юсти-

ции Диогу Фейжо (к обязанностям приступил в октябре 1835 г.). Он правил авторитарно, не считаясь с Генеральной ассамблеей, и даже вступил в конфронтацию с Папой Римским, пытаясь отменить целибат в Бразилии.

В течение следующих двух лет (1835 – 1837) Бразилией управлял ряд либеральных кабинетов, но можно сказать, что пик движения за либеральную реформу подошел к концу. Оба аспекта либеральной борьбы – антиабсолютизм и антицентрализация – частично были удовлетворены. Однако самые радикальные требования потерпели поражение, т.е. в итоге умеренные либералы победили и радикалов, и абсолютистов. А смерть Педру I в сентябре 1834 г. уничтожила основания для существования реставрационистской партии. Разделение политических сил закончилось [1, с. 699].

Однако перенос либеральных идей и институтов в Бразилию не принес ожидаемых плодов. Расширение власти провинциальных органов имело свою негативную сторону. Избираемые мировые судьи зависели от местных боссов, а часто сами были представителями местной доминирующей элиты. Сложилась система, в которой главную роль в карьере играла взаимная поддержка. Хорошо известно, например, что мировые судьи защищали фальшивомонетчиков и работоторговцев. Кроме того, новые чиновники не были профессионально подготовлены к выполнению своих обязанностей, часто они даже не знали законов. Чиновники на местах не могли стать посредниками в местных конфликтах или в конфликтах могущественных боссов с центральным правительством, так как они сами принадлежали к местным фракциям и были включены в борьбу за власть. Доходило до того, что жюри присяжных редко рекомендовали суровые наказания из страха перед последствиями, если осужденный был связан с тем или иным кланом. Такая безнаказанность была обычным делом и в уголовных делах, к которым теперь относилась работоторговля, и в политических, когда лидеры восстаний отделялись легкими наказаниями или даже бывали оправданы. Необходимо подчеркнуть, что мягкие приговоры касались всех, независимо от богатства, поскольку в Бразилии редкий человек не имел связей или покровителей в верхах.

Еще одна серьезная проблема заключалась в том, что Акт передавал ассамблеям контроль над провинциальными и муниципальными делами и право назначать чиновников. Поскольку положения Акта были изложены в весьма расплывчатых терминах, возникла проблема интерпретации разделения власти между ассамблеями и центральным правительством. Ассамблеи расценили реформу как передачу им полной власти в провинциях. Некоторые ассамблеи даже создавали должности и назначали местных мэров. Единственными должностями, в которые они не вмешивались, были судьи апелляционного суда, персонал армии и флота и сами провинциальные президенты. Но они могли номинировать вице-президентов, которым нередко предоставлялась возможность осуществлять власть, т.к. президенты подолгу отсутствовали, заседая в национальном парламенте в Рио-де-Жанейро.

“Меры, предпринятые либералами, которые пришли к власти в 1831 г., и политическая децентрализация, начавшаяся после 1834 г., способствовали усилению борьбы за власть между фракциями внутри провинциальной сельской олигархии и облегчали ее. А это открыло дорогу к социальным конфликтам, которые были шире, глубже и опаснее для существующего порядка, чем все то, что происходило сразу же после кризиса 1831 г.” [1, с. 702]. Хрупкое политическое единство империи находилось под серьезной угрозой. Непосредственным

результатом Акта 1834 г. можно назвать взрыв местных восстаний. В 1835 г. разразились провинциальные восстания на крайнем севере и крайнем юге страны – в штатах Пара и Риу-Гранди-ду-Сул. За ними последовали восстания в Баии (1837) и Мараньяне (1838). Их объединяет то, что все они были федералистскими, а некоторые, включая самые серьезные и продолжительные, имели сепаратистскую окраску.

Разочарование осуществлением на практике либеральных реформ 1831 – 1834 гг. и волна восстаний, охвативших страну, способствовали ускорению организации политических сил и формированию двух партий – Консервативной и Либеральной, которые будут доминировать в политике в период Второй империи.

Критика либеральных реформ раздавалась уже в 1835 г. Вскоре сформировалась идея “регрессу” – возвращения к порядку. Возникла сильная группа оппозиции, вскоре ставшая большинством в палате депутатов и составлявшая ядро будущей Консервативной партии. Фейжо, неспособный справиться с оппозицией в конгрессе, в немалой степени из-за своего собственного авторитарного характера, и под тяжестью обвинений по поводу того, что он с недостаточной энергией разбирается с восстанием в Рио-Гранди-ду-Сул, среди лидеров которого был один из его кузенов, в сентябре 1837 г. подал в отставку. Состоялось новое избрание регента, и результаты показали, что новая консервативная тенденция преобладает во всем государстве [1, с. 710]. Выборы новой законодательной власти уже шли в том же направлении: были переизбраны все лидеры оппозиции.

Следует отметить, что Бразилия в конце 1830-х – начале 1840-х гг. находилась в весьма сложном положении не только из-за многочисленных восстаний и экономических проблем. Сами высшие классы еще не были готовы мыслить в терминах управления посредством государства. Поскольку не совпадали интересы, например, землевладельцев и торговцев, не могло быть и речи о выработке какого-либо консенсуса касательно государственной модели, наилучшим образом защищающей их интересы. Фактором, изменившим сознание правящих классов, стал новый экономический бум, основой которого был кофе. Экономические интересы способствовали сближению политических интересов и формированию в своем роде политического самосознания у бразильской элиты, а затем и осознанию необходимости новой централизации страны. Личные интересы и нужды государства совпали здесь наилучшим образом. Кроме того, не будем забывать и об идеологической работе и пропаганде через газеты, формировавшие общественное мнение.

Первым регрессионистским законом была “интерпретация” Дополнительного акта в мае 1840 г., в результате чего значительно ограничивалась власть провинциальных ассамблей. В ответ на эти меры либеральное меньшинство в палате депутатов решило продвигать идею досрочного совершеннолетия императора. Это предложение не было чем-то абсолютно новым, после 1835 г. не однажды звучало мнение о том, что признание императора совершеннолетним усилило бы легитимность центрального правительства. Однако в 1840 г. меняется подоплека этой идеи. Если раньше ее поддерживали консерваторы, считавшие необходимой централизацию власти, то теперь ее начали пропагандировать либералы, выступавшие за большую автономию провинций и рассчитывавшие в этом, по-видимому, на малолетнего императора.

В целом реформы были достаточно обширными. Был восстановлен контроль центрального правительства над административной и судебной структурой империи, правительство опять начало увеличивать размер армии [1, с. 714-715].

В 1844 г. либералы опять пришли к власти. Таким образом, страх перед постоянной монополией власти консерваторами был уничтожен, и начала создаваться система, в которой обе партии или коалиции попеременно сменяли друг друга у власти. При этом либералы нашли полезным сохранить регрессионистские законы 1840 – 1841 гг., чтобы усилить закон и порядок, осуществлять патронаж и выигрывать выборы.

Заклучение

Будучи изначально поправкой к Конституции, Дополнительный акт 1834 г. оказался определяющим документом для дальнейшей судьбы Бразилии. Главной движущей силой либеральных реформ, частью которых был и Акт 1834 г., была борьба за власть в провинциях и борьба в городах против абсолютизма. Либеральные реформы повлекли обострение этой борьбы и привели Бразилию на грань распада на отдельные мелкие государства.

В то же время введение в действие Дополнительного акта способствовало организации политических сил на идеологической основе: произошло явное разделение на консерваторов и либералов, и возникли соответствующие фракции в палате депутатов (а в будущем и партии). Поляризация способствовала более ясной выработке основополагающих положений того или иного политического течения. В свою очередь, осознание правящим классом размаха народной борьбы и сползания страны в пучину анархии помогло объединить усилия для выхода из ситуации. Фактически с 1837 г. консерваторы начали процесс политической централизации страны. В этом процессе путем проб и ошибок выработалась система ротации власти между консерваторами и либералами, что позволило Бразилии сохраниться как стране и обеспечить различным секторам общества (но не всем) участие в политической жизни.

Таким образом, Дополнительный акт 1834 г. и ряд сопутствовавших ему либеральных реформ, с одной стороны, ввергли страну в период нестабильности и напряженной борьбы за власть, но, с другой стороны, результаты этих реформ изменили мировоззрение бразильцев и способствовали выработке новых способов решений политических проблем. От вооруженной борьбы, разрывавшей общество, Бразилия постепенно переходила к сотрудничеству на политической арене. То, что могло бы погубить Бразилию, открыло путь к ее спасению и дорогу к капиталистической модернизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Cambridge History of Latin America: in 10 v. / edited by L. Bethell. – Cambridge University Press, 1985. – V. 3 : From Independence to c. 1870 / L. Bethell. – 1985. – 919 p.
2. Memoria Estatística do Imperio // Kevisla do Institute Histórico e Geográfico Brasileiro. – LVIII. – I. – 1959. – P. 91–99.
3. **Кирчанов, М.В.** Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж : Научная книга, 2008. – 155 с.
4. **Frei Caneca.** Ensaios políticos / Frei Caneca. – Rio de Janeiro, 1976. – 106 p.
5. **Salles, R.** Nostalgia Imperial / R. Salles. – Rio de Janeiro : Topbooks, 1996. – 212 p.
6. **Carvalho, J.M. de.** A Monarquia brasileira / J.M. de Carvalho. – Rio de Janeiro : Ao Livro Técnico, 1993. – 186 p.
7. **Sousa, G.** Introdução à história do Direito Político Brasileiro / G. Sousa. – 2 ed. – São Paulo : Saraiva, 1962. – 128 p.
8. **Torres, J.C.** A democracia coroada / J.C. Torres. – 2 ed. – Petrópolis : Vozes, 1964. – 568 p.

9. **Holanda, S.B. de.** O Brasil Monárquico: o processo de emancipação / S.B. de. Holanda. – 4. ed. – São Paulo: Difusão Européia do Livro, 1976. – 410 p.
10. **Lima, O.** O movimento da independência / O. Lima. – 6 ed. – Rio de Janeiro : Topbooks, 1997. – 493 p.
11. **Bonavides, P.** Reflexões: política e direito / P. Bonavides. – 2 ed. – Fortaleza : Imprensa Universitária, 1978. – 425 p.

Поступила в редакцию 19.10.2011 г.

УДК 94(47+57)“1939/1943”

С.М. БЫЧОК

МЕМУАРЫ ФЕЛЬДМАРШАЛА В. КЕЙТЕЛЯ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ВЕРМАХТА НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

В статье освещаются основные геополитические, персоналистские и иные сюжеты, касающиеся истории предвоенного политического кризиса в Европе (1938 – 1939 гг.), начального этапа Второй мировой и Великой Отечественной войн (1939 – 1940 и 1941 – 1943 гг.), содержащиеся в малоизвестных и фрагментарно используемых до недавнего времени в научной литературе мемуаров высшего после А. Гитлера военного руководителя Третьего рейха, фельдмаршала Вильгельма Кейтеля. Автор предпринимает попытку показать ценность этого мемуарного источника для изучения истории создания системы верховного командования вермахта, принятия стратегических решений в ставке А. Гитлера относительно операций немецких войск на Восточном фронте, актуальность воспоминаний фельдмаршала в свете радикальной трансформации концепции истории Великой Отечественной войны в современной отечественной историографии.

Введение

Аксиоматично утверждение, что при изучении глобальных по масштабу исторических событий мемуарные свидетельства очевидцев имеют столь же ценное, как и документальные источники, значение. Конечно же, в них ощущается сильное субъективное влияние (как, впрочем, и в документах, имеющих, как правило, конкретное авторство). Однако стремящийся к адекватному изучению исследователь обязан анализировать всю совокупность разноречивых источников, строго соблюдать сформулированный в давние времена основополагающий принцип объективности: “Да будет выслушана и другая сторона”. Формально ему следуя, отечественные историки в советские годы, борясь с мифами т.н. буржуазной историографии, широко цитировали мемуары бывших военачальников вермахта: Г. Гудериана, Э. Манштейна, О. Фриснера, Фр. Гальдера, Ф. Видемана, А. Тишпельскирха и др.

Мемуарам высшего (после Гитлера) военного руководителя рейха фельдмаршала В. Кейтеля не повезло. Изданные за рубежом, они были неизвестны отечественным читателям и большинству профессиональных историков до конца XX в. Тому были свои причины. Во-первых, в самом нацистском рейхе за Кейтелем закрепилась презрительная характеристика “Лакейтель”. Большинство представителей генералитета считали главной чертой фельдмаршала, занимавшего пост начальника штаба Верховного командования вермахта (ОКВ), рабс-

кую преданность Гитлеру. Справедливости ради отметим, что сам В. Кейтель давал основание так думать. На допросе 3 августа 1945 г. в Нюрнберге он дал себе такую оценку: “Я был бесконечно преданным оруженосцем Адольфа Гитлера, мои политические взгляды должны были быть национал-социалистическими” [1, с. 28]. Это, бесспорно, имевшее место обстоятельство превращало мемуарные свидетельства В. Кейтеля в глазах историков в ничтожный и ангажированный источник.

Во-вторых, В. Кейтель в профессиональном смысле (как офицер штаба) представлял из себя специалиста с посредственными оперативно-тактическими способностями, находясь в “тени” своего более талантливого подчиненного – начальника управления оперативного планирования ОКВ генерала А. Йодля. На этом основании интересовавшиеся конкретным ходом и исходом важнейших стратегических операций вермахта историки не жаловали воспоминания фельдмаршала, написанные им второпях и незадолго до казни по приговору международного Нюрнбергского трибунала в 1946 г. и, что самое главное, посвященные отношю не собственно военным операциям вермахта. На наш взгляд, подобное отношение к этому мемуарному источнику представляется несправедливым по целому ряду причин.

Основная часть

Если не отрицать очевидное, а именно функциональную и элементную схожесть политических систем в целом, и организацию военного управления в частности, в 1941 – 1945 гг. в Германии и СССР (почему это подобие имело место – тема отдельного разговора), становится ясно, что полководческих способностей и оперативного мышления от В. Кейтеля на его посту, в общем-то, не требовалось. Как Сталин в Ставке Верховного Главнокомандования, так и Гитлер в ОКВ (тоже фактически ставка) определяли геополитическую стратегию войны, которую на штабных картах воплощали в планах операций их талантливые подчиненные (Жуков, Василевский, другие советские генералы – в Ставке и Генштабе РККА, А. Йодль, Ф. Паулюс, Рунштедт, Гальдер, Браухич, Редер, Геринг и др. – в ОКВ и ОКХ (Генштабе сухопутных войск), а также в штабах ВВС и ВМФ Третьего рейха. По признанию В. Кейтеля, он нужен был нацистскому вождю в этой должности (начальника штаба ОКВ) для другой роли [1, с. 176-178]. Фельдмаршал справедливо, с учетом усложнившейся структуры вооруженных сил Германии (в сравнении с временами Первой мировой войны) и наличия сильнейшего идеологического компонента в руководстве вермахтом после установления фашистской диктатуры, считал своей важнейшей функцией кропотливую работу по рациональному разделению функций между руководящими структурами всех родов вооруженных сил рейха, в чем он проявил недожиданные организаторские способности [1, с. 37-38]. В итоге конечную цель своей деятельности Кейтель видел в обеспечении через ОКВ неограниченного единоначалия А. Гитлера (в противовес “фронде” части генералов), которого он искренне считал непревзойденным политическим стратегом и единственно возможным в условиях нацистской Германии верховным главнокомандующим. Не только подчиняться неизбежному течению событий в силу данной им германскому государству воинской присяги, но и обязанность, по возможности, влиять на его ход – такова, на наш взгляд, основная оправдательная идея мемуаров фельдмаршала, испившего горькую чашу позора для любого военачальника, подписав акт о капитуляции собственной страны и армии 8 мая 1945 г.

Чтобы окончательно завершить сюжет о якобы никчемности деятельности В. Кейтеля и его мемуаров, господствующий в зарубежной (и с ее подачи – в отечественной) историографии, прибегнем к одной из реально существующих исторических аналогий. К примеру, среди блестящих историков России начала XX в. (Шахматов, Павлов-Сильванский, Лаппо-Данилевский и др.) ученик Ключевского, лидер партии кадетов П. Милуков видится в лучшем случае “крепким середнячком”. Однако его “Очерки русской культуры” и другие исторические исследования вошли в антологию дореволюционной русской историографии. Рассуждая подобным образом, правомерно утверждать, что и Кейтель, незаметный на фоне таких маститых полководцев и штабных стратегов, как фон Бок, фон Браухич, А. Йодль, Ф. Гальдер, В. Цейтлер, Ф. Паулюс, жестоко страдающий от оскорбительных характеристик вроде “начальника имперской бензоколонки”, проделал колоссальную черновую работу по улаживанию конфликтов между генералами, подразделениями штабов различных родов войск, неустанно отшлифовывал разделение функций управлений ОКВ, смягчал путем переговоров трения Германии с ее союзниками, наконец, снижал в роли “буфера” градус напряженности между Гитлером и частью генералитета, обвинявшей фюрера в военном дилетантизме. Следовательно, В. Кейтель внес свой весомый вклад в превращение вермахта после побед первого этапа мировой войны (1939 – 1940 гг.) в отлаженный механизм агрессии и сильнейшую на тот момент армию мира.

Написанные простым языком (без традиционной стилистической обработки литературным агентом, в отличие от мемуаров его упомянутых выше коллег) и поэтому не грешащие двусмысленностью оценок, мемуары В. Кейтеля представляют для изучения функционирования системы военно-политического руководства рейха и вермахта, роли субъективных причин в принятии роковых для нацистской Германии геополитических и военных решений, приведших немецкий народ к катастрофе весной 1945 г.

По жанру “Мемуары фельдмаршала” следует отнести к историческим запискам, в которых формально-хронологически автор изложил свою версию событий предвоенного (1938 – август 1939 гг.) периода и первого этапа Второй мировой войны вплоть до уничтожения группировки немецких войск во главе с Ф. Паулюсом в январе 1943 г. Характер этого жанра воспоминаний определил множественность сюжетных линий в тексте, поэтому, на наш взгляд, целесообразно выделить из них основные. Адекватнее всего это сделать, сформулировав те вопросы истории Второй мировой войны, по которым между отечественной и западной историографией происходили и происходят до сих пор ожесточенные споры.

На наш взгляд, в мемуарах фельдмаршала основная сквозная тема – это взаимоотношения Гитлера как высшего военного руководителя и немецкого генералитета, включающая в себя и другие аспекты истории военного времени. В отечественной историографии (прежде всего, советского периода) этот сюжет трактовался единообразно и в однозначно негативном ключе. А именно: немецкий офицерский и генеральский корпус был верным слугой нацистского режима, целиком подчинился национал-социалистической идеологии, а значительная его часть разделяла идеи “коричневого” движения; прусский милитаризм органично совместился с “расовой” теорией германского фашизма. Поэтому, пока вермахту на фронтах Второй мировой войны сопутствовал успех (1939 – декабрь 1941 гг.), глубоко скрываемаая неприязнь к Гитлеру как к “Парвеню” и дилетанту в военном деле у немецких генералов выливалась в бесполезную “фрон-

ду” (образно говоря, “кукиш в кармане”), не представляя из себя реального сопротивления режиму. Покушение же на Гитлера 20 июля 1944 г. являлось всего лишь попыткой генеральской оппозиции “сбросить балласт” с тонущего корабля нацистской агрессии с целью перекрыть геополитический расклад сил во Второй мировой войне, развалить антигитлеровскую коалицию и совместно с бывшими союзниками СССР остановить возмездие, надвигавшееся с востока на Германию в виде победоносной Советской армии [2–5]. При этом отечественная историография советского периода, а по инерции и значительная часть современных российских историков, обходит смысл аналогичных событий, имевших место в СССР в период “большого террора” 1937 – 1938 гг. Речь идет о печальном знаменитом процессе лета 1937 г. против высшего руководства РККА во главе с маршалом М.Н. Тухачевским (т.н. “военно-фашистский заговор в Красной Армии”, который трактуется как часть общей компании подавления реальной и “мнимой” оппозиции сталинскому режиму, сплочения советского общества на ортодоксальной идеологической большевистской платформе). Как сегодня известно, на самом деле это было подавление гипотетически готовящейся попытки военным путем изменить персональный состав политического руководства страны и затормозить процесс превращения СССР в тоталитарное государство. Цель – избежать нежелательных исторических параллелей с нацистской Германией здесь – просматривается вполне ясно. В мемуарах В. Кейтеля вырисовывается иная, как кажется, более объективная картина генеральской оппозиции А. Гитлеру, нежели та, что была написана “специалистами” по критике так называемых “буржуазных фальсификаций” истории СССР в западной историографии, существование которой (оппозиции), а также раскол между фюрером и его военачальниками фельдмаршал считает основной причиной поражения Германии в войне [1, с. 122]. Изложение истории создания ОКВ во главе с Гитлером и В. Кейтелем начинается с главы “Кризис Бломберга-Фрича”, 1938 г.” [1, с. 32-55]. Эти два высших военных чина рейхсвера и тогдашний начальник ОКХ генерал Бек стали первыми жертвами гитлеровской чистки командного состава немецкой армии вовсе не случайно: неутраченная горечь от поражения Германской империи в Первой мировой войне, привычка к былой (во времена кайзера) независимости высшего слоя военной касты в правящей элите Германии с конца XIX в. до прихода нацистов к власти, “табу” в отношении самой мысли войны на два фронта делали этих военачальников убежденными противниками подчинения вермахта и его генералитета нацистскому руководству Третьего рейха. А именно эту цель и преследовало создание ОКВ с верховным главнокомандующим А. Гитлером во главе. Ревностным проводником этой идеи в жизнь как раз и оказался опытный организатор и штабист, будущий фельдмаршал В. Кейтель, искренно, как следует из всей тональности мемуаров, преклонявшийся перед незаурядным интеллектом (дьявольским по сути) и необычайной силой воли фюрера. Тем не менее, Кейтель высказывает сожаление об устранении трех самых заметных военачальников от руководства вермахтом, ибо с этого момента оппозиция генералитета, внешне покорного приказам нацистского фюрера, становится фактом и естественным образом ведет к заговору 20 июля 1944 г. (взрыву в Ставке в Восточной Пруссии), идейным вдохновителем и одним из главных действующих лиц которого стал как раз генерал-полковник Бек [1, с. 52-53]. В. Кейтель не мог знать то, что стало известно историкам в послевоенные годы: до покушения барона В. Штауффенберга на жизнь А. Гитлера, в период с января 1942 г. до лета 1944 г., его пытались устранить таким образом еще пять раз [6, с. 308-313].

Следовательно, вопреки утверждениям советской историографии, генеральская оппозиция Адольфу Гитлеру – реальность, а не миф, хотя это и не отменяет факта превращения вермахта, согласно логике войны на уничтожение против СССР, в столь же преступную организацию, как СС, НСДАП, гестапо и другие структуры нацистского государства. Эту логику, на наш взгляд, убедительно описал в мемуарах фельдмаршал В. Кейтель, что придает им очевидную ценность для исторических исследований. Любопытно в этой связи отметить, что после физического устранения гипотетического заговора в 1937 г. во главе с маршалом М. Тухачевским и массовой чистки в РККА советские военачальники были приведены в состояние полной покорности сталинскому руководству. В отличие от германского генералитета – профессиональной военной касты с многовековыми традициями, советский офицерский и генеральский корпус в подавляющем большинстве вышел из социальных низов и поэтому фактически поголовно исповедовал коммунистическую идеологию. Видимо, по этой причине он оказался неспособен на протяжении всей последующей советской истории играть самостоятельную политическую роль и на такую масштабную акцию, как заговор немецких военных 20 июля 1944 г.

Вторая заметная тема мемуаров В. Кейтеля – предыстория “восточного похода” вермахта и роль советско-германской войны 1941 – 1945 гг. в крушении Третьего рейха [1, с. 141-227]. Этот сюжет менее значим, хотя и содержит весьма любопытные наблюдения за обстановкой в ставке А. Гитлера и отношением немецких генералов к стратегической идее нацизма – войне против СССР. Здесь фельдмаршал не оригинален и заочно солидаризируется с выводами в послевоенных мемуарах, выражаясь лексиконом советской историографии, “недобитых” немецких военачальников, что лишний раз доказывает источниковую ценность его воспоминаний.

Интерес представляют рассуждения В. Кейтеля о превентивном характере нападения Германии на СССР 22.06.1941 г. [1, с. 160-161]. Сегодня эта часть мемуарных свидетельств фельдмаршала вполне может быть использована для аналитического изучения предыстории гитлеровского нападения на СССР, поскольку с середины 90-х гг. XX в. в отечественной историографии в свете новых фактов и открывшихся документов происходит радикальная трансформация концепции истории начального этапа и всей Великой Отечественной войны.

Заключение

Подытоживая сказанное, представляется верным утверждать, что забытые на долгие годы “Мемуары фельдмаршала” В. Кейтеля обладают определенной документальной ценностью и должны находиться в научном обороте наряду с другими широко известными свидетельствами и воспоминаниями очевидцев драматических событий того времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Кейтель, Вильгельм.** Мемуары фельдмаршала. Победы и поражения вермахта. 1938 – 1945 / Вильгельм Кейтель ; перевод с англ. – М. : Центр полиграф, 2004. – 351 с.
2. **Безыменский, Л.А.** Германские генералы – с Гитлером и без него / Л.А. Безыменский. – М. : Мысль, 1964. – 532 с.
3. **Проектор, Д.М.** Агрессия и катастрофа / Д.М. Проектор. – М. : Наука, 1972. – 767 с.
4. **Проектор, Д.М.** Фашизм: путь агрессии и гибели / Д.М. Проектор. – М. : Наука, 1989. – 693 с.

5. **Мельтюхов, М.И.** Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939 – 1941 гг. (Документы, факты, суждения) // М.И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2002. – 543 с.
6. **Кларк, Алан.** План “Барбаросса”. Крушение III рейха. 1941 – 1945 / Алан Кларк. – М. : Центрполиграф, 2001. – 491 с.

Поступила в редакцию 26.12.2011 г.

УДК 61:940.53(476) “1941 – 1944”

М.Е. АБРАМЕНКО

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ОХРАННОЙ ЗОНЕ ТЫЛА ГРУППЫ АРМИЙ “ЦЕНТР” (1941 – 1944 гг.)

В статье раскрывается одна из сторон повседневной жизни населения Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации, в частности проживающего в охранной зоне группы армий “Центр”. Тема оказания медицинской помощи населению в условиях постоянной угрозы террора и насилия, тотального разрушения и голода не имеет обширной историографии. В статье анализируется деятельность функционирующей на уцелевшей советской материальной базе, но уже подконтрольной оккупационной власти системе здравоохранения. Автором обоснованно делается вывод, что существующая тогда система медицинского обслуживания неминуемо шла к разрушению, поскольку фашистская доктрина войны базировалась на прямом физическом истреблении народов СССР, в том числе и белорусов.

Введение

Для неискушенного читателя название статьи может вызвать недоумение: какое уж там медицинское обслуживание могло существовать в тот тяжелейший период народного бедствия, война ведь. И будет не прав. Оно существовало, другое дело, в каких формах, кем оно было организовано и какие результаты имело. До недавнего времени историками довольно неплохо раскрыта тема организации медико-санитарных служб в партизанских отрядах и соединениях. И это объяснимо. Медицинские службы обслуживали в первую очередь своих бойцов и командиров, обеспечивая тем самым необходимую боеспособность, и в целом со своей задачей справились успешно. В немалой степени благодаря этому партизанское движение, представляющее собой наиболее сознательную и патриотическую часть населения, сыграло свою важную роль в изгнании оккупантов с территории Беларуси.

Основная часть

Менее известно о повседневной жизни населения, оказавшегося к осени 1941 г. на оккупированной территории Беларуси. Созданное 17 июля того же года Министерство по делам оккупированных восточных областей, несколько корректируя первоначальные планы, образовало «Генеральный округ “Беларусь”», составлявший примерно четвертую часть всей довоенной территории республики. Остальная часть была разделена между другими административными единицами. Территории же Витебской, Могилевской, почти всей Гомельской, восточные районы Минской и несколько районов Полесской областей были отнесены к области армейского тыла группы армий “Центр”.

В отличие от гражданской администрации, функционирующей в Генеральном округе, власть на этой территории находилась в руках военных и полицейских формирований. Здесь военно-административные функции выполняли созданные вермахтом полевые и местные комендатуры, которые наделялись всей полнотой власти в зоне своей деятельности. При них существовали городские и районные управы, осуществлявшие повседневное хозяйственное руководство подотчетной территорией, при этом неукоснительно выполняя задачи, поставленные оккупационной немецкой администрацией. В Витебске и других крупных городах городское управление имело 15 отделов. В городских и районных вспомогательных управах структура местной гражданской власти была гораздо проще. Бургомистрам, стоящим во главе их, подчинялись волостные старшины, тем, в свою очередь, были подотчетны старосты сельских общин. Количество отделов в управах могло варьироваться, но всегда были полицейские и дорожные отделы, отделы образования и здравоохранения. Последние состояли из одного врача, ему подчинялись сотрудники районной больницы и другихцелевых лечебных учреждений. Если в Генеральном округе имелась Белорусская палата здоровья, окружной отдел здравоохранения, которые все же занимались учетом медицинских работников, готовили всякого рода административные решения, пытались решать различные медицинские проблемы на территории, то в охранной зоне местные структуры были представлены сами себе. Они привлекались для борьбы с эпидемиями, для работы в комиссиях по отправке людей в Германию, оказывали на своих рабочих местах возможную медицинскую помощь населению, оставшемуся на оккупированной территории охранной зоны. А это – половина населения оккупированной Беларуси – около 4 млн человек.

Еще одной важной особенностью здешних медицинских структур являлось то, что они были лишены поддержки коллаборационистской организации “Белорусская народная самопомощь”. Пусть она в комиссариате отнюдь не преуспела в реальном улучшении лечения людей, но все же в крупных городах помогла содержать ряд амбулаторий и аптек. Это обуславливалось и ее уставными обязанностями [1].

Не следует думать, что оккупанты, устанавливая “новый порядок” на захваченной территории, собирались следовать неким гуманным и цивилизованным формам обращения с местным населением, не препятствуя деятельности структур образования и здравоохранения. Уже летом 1941 г. до населения была доведена информация: “Всем инженерам, врачам и людям других интеллигентных профессий вернуться на работу в свои учреждения. За отказ – или тюрьма, или высылка в Германию” [2].

С введением всеобщей трудовой повинности в числе первоочередных мер оккупационных властей была разрешена работа лечебных учреждений. Сделано это было исходя из необходимости предупреждения возникновения и распространения инфекционных заболеваний среди личного состава немецких воинских частей, в том же нуждалось и население, занятое на предприятиях и привлеченное к обслуживанию различных учреждений и служб.

Лечебные учреждения для гражданского населения обеспечивали нуждающихся лиц частичной помощью, которая при этом не являлась общедоступной и за которую надо было платить. Размер платы зависел от вида диагноза и типа заболевания. К примеру, в Могилевской городской больнице прием у врача-терапевта стоил от 1 до 3 рублей, удаление аппендицита – 80 рублей, гинекологические операции – 100 рублей, аборт – 60 рублей. Плата за прием у врача достигала 10 рублей, услуги среднего персонала (банки, инъекции, массажи и др.) – от

1 до 3 рублей [3]. Эти цены устанавливались в соответствии с действующим в тыловых районах группы армий “Центр” “Постановлением о введении платы за медицинскую помощь, оказываемую врачами”.

В Генеральном комиссариате Беларусь, конкретно в Минске, цены устанавливались согласно приказу Минского городского комиссариата от 29 октября 1941 г. При лечении в стационаре для работников государственных учреждений койко-день стоил 8 рублей, крестьян и работников-частников – 10 рублей, кустарей и торговцев – 12 рублей. Плата за использованные во время лечения медикаменты взималась дополнительно [4].

Имели место случаи оказания бесплатной медицинской помощи. Так, к примеру, на территории Могилева и его окрестностей собралось большое количество беженцев, которые, в силу военного времени, оказались в крайней нужде и подверглись заболеваниям, представляя опасность для войск оккупантов. Бесплатной помощью пользовались начальники районов, бургомистры городов и районов, их заместители. В данном случае оплата производилась за счет управ. Имели определенные льготы люди, работавшие на предприятиях, выпускающих необходимую оккупационным властям продукцию, в воинских частях, СС, полиции, строительной организации Тодта и т.д. Им оказывалась помощь не только лекарствами, но и костылями, банками, шприцами и прочими средствами медицинского назначения.

Жизненный уровень населения, и без того невысокий перед войной, резко снизился в условиях оккупации. Продовольствие шло в первую очередь на обеспечение нужд вермахта, вывозилось в рейх. Зарплата врачей и учителей была более низкой, чем у квалифицированных рабочих на производстве и транспорте. В докладной записке бургомистру Могилева от медико-санитарного отдела и отдела образования городской управы (сентябрь 1942 г.) говорилось: “В Могилеве в лечебных учреждениях работают 44 врача и 120 учителей. Материальное положение очень плохое. Хлеба в июле, августе не получили. Зарплаты низкие, а в условиях спекуляции купить продуктов невозможно” [5]. Полиция безопасности СД из занятых восточных областей докладывала своему руководству в Берлин о существующих ценах на рынках, констатируя при этом, что они на отдельные виды продукции выросли в десятки раз. Так, молоко, стоившее до войны 2 руб., теперь стоит 15–25 руб., 1 кг хлеба, за который давали 1 руб., теперь стоит 12 руб., за одну курицу давали 10 руб., теперь просят 65–80 руб. Женские туфли оценивались в 1200–1500 руб. Между тем, уровень зарплаты, как отмечалось, был низким. Врач получал 600–800 руб., фельдшер – 350–400 руб., сестра со средним образованием – 300–350 руб. [6].

Эта дороговизна и невозможность прожить на зарплату вынуждала людей распродавать или обменивать свои вещи, разводить в городах огороды на пустырях и кладбищах.

Большинство лечебных учреждений размещалось в приспособленных зданиях, исправные и добротные помещения были заняты оккупантами под свои госпитали, другие использовались под казармы и конюшни. Функционирующие лечебные учреждения, состоящие на балансе местных управ, находились в тяжелом продовольственном кризисе. Положение спасало то, что районные больницы еще в советское время имели небольшие участки пахотной земли, сенокосы и могли, используя помощь населения, засеять их овсом, гречкой, картофелем. Но улучшить рацион больных не удавалось. Больные постоянно испытывали чувство голода, имели место случаи смертельных исходов.

Положение с оказанием медицинской помощи усугублялось нехваткой врачей и медицинского персонала в связи с призывом их в части Красной Армии, эвакуацией, гибелью во время военных действий. В единственной, круглосуточно работающей Могилевской городской больнице насчитывалось 27 врачей. В Осиповичах 10 врачей работали в городе и 4 – по району. Кроме больницы в городе и на районе работали Верейцовский, Ясневский, Деревцовский, Дорогоновский, Лапичский и Татарковский медицинские участки. Все медицинские учреждения за оказание помощи брали с населения плату, которую перечисляли на счет городской управы. Так, за ноябрь 1943 г. указанными учреждениями было перечислено свыше 20 тыс. рублей [7].

Была также сильно сокращена аптечная сеть. В Могилеве в период оккупации работало две аптеки для гражданского населения города (47 тыс. жителей) и Могилевского района (82 тыс. жителей). Кроме этих учреждений работали аптеки в Бобруйске, Горках, Краснополе, Черикове, Чаусах, Пропойске, Шклове, т.е. только в районных центрах. Аптечный склад Могилева обслуживал районы Могилевской фельдкомендатуры и районы Оршанской, Гомельской и Чериковской комендатур. Аптечный склад обладал старыми запасами и только один раз были получены медикаменты из Минска. Наценка на товар составляла 350%. Всего в аптечной сети работало 35 человек.

Уменьшение количества медицинских работников также объясняется проводимым террором фашистов по отношению к врачам-евреям.

Все большее влияние на кадровую ситуацию в оккупированной Беларуси оказывало развитие партизанского движения. Если в конце 1941 г. в партизанских отрядах насчитывалось всего 6 врачей, то уже к началу 1944 г. их количество достигло 538. Практически все они пришли в медико-санитарные службы партизанских соединений из лечебных учреждений, подконтрольных оккупантам.

Как видно, немецкие власти все более сталкивались с проблемой нехватки медицинских работников. В связи с положением на фронтах дефицит врачей стал наблюдаться как в частях вермахта, так и на оккупированной территории. Встал вопрос создания высшего медицинского образовательного учреждения. Тем более эта идея вполне соответствовала несбыточным настроениям коллаборационистов о возрождении белорусской государственности. Ухудшение санитарно-медицинского обслуживания в тыловых районах армий группы «Центр», приближение фронта и недостаточные противоэпидемические мероприятия инициировали обращение военных властей к гражданскому управлению оккупированными территориями об открытии медицинского института в Могилеве. Выбор места был обоснован лучшей, по сравнению с Минском, материальной базой. А. Розенберг, министр по делам оккупированных восточных областей, согласился 23 апреля 1943 г. на открытие медицинского института и пояснил, что делает это для поддержки необходимого уровня здоровья в Беларуси. Он отметил, что количество студентов должно будет соответствовать потребностям Генерального округа и восточной части Беларуси, которая находилась под военным правлением. Тем самым удовлетворялась потребность группы армий «Центр» [8].

После всех организационных мероприятий в институте в середине августа 1943 г. начались занятия. Но в связи с приближением фронта он был передислоцирован в Ново-Вилейку, где и состоялся первый и последний выпуск небольшой группы врачей в количестве 44 человек.

Заклучение

Таким образом, о здравоохранении, существовавшем в период оккупации, можно говорить с большой долей условности, учитывая, что фашистская агрессия не только прервала его развитие, но и поставила народ республики на грань выживания. Можно отметить, что действовали административные органы, функционировали, хотя и значительно сократившиеся, лечебные учреждения, проводилась подготовка среднего медицинского персонала в двух учреждениях вместо 32 довоенных медицинских школ. Но все это оккупационные власти вынуждены были допустить в пределах, необходимых для поддержания стабильной медико-эпидемиологической ситуации в связи с развитием массовых инфекционных заболеваний. Законодательные и практические мероприятия в сфере здравоохранения в большей степени были направлены на контроль за состоянием здоровья лиц, деятельность которых была нужна оккупантам и обеспечивала выпуск и поставки продукции для нужд рейха.

При всем при этом продолжалась политика разрушения материальной базы здравоохранения, показывающая истинные планы захватчиков относительно судьбы местного населения. В Витебской области были уничтожены и разрушены 186 зданий больниц, поликлиник, амбулаторий, 144 детских учреждения. В Гомельской уничтожено и разрушено 158 объектов и 73 детских учреждения. Огромные разрушения были нанесены домам отдыха и санаториям [9].

Все это не могло не привести к негативным сдвигам в состоянии здоровья населения. Не расшифровывая эти отрицательные тенденции по отдельным заболеваниям, отметим свидетельства врачей о том, что инфекционные и общесоматические заболевания на фоне общего истощения организма протекали тяжело, атипично. Показатель смертности в 1945 г. в сравнении с 1940 г. возрос в 2 раза, а показатель рождаемости по отношению к 1939 г. снизился в 2 раза [10].

Основная масса населения, дети оказались вне внимания действующей на тот период системы здравоохранения, которая фактически была близка к развалу. Таковы итоги оккупационного режима в восточной части Беларуси, входившей в охранную зону тыла группы армий "Центр".

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 384. – Оп. 2. – Л. 5-8.
2. НАРБ. – Фонд 393. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 179.
3. **Столярова, С.** Могилевщина в годы оккупации (1941 – 1944) / С. Столярова // Могилевский вестник. – 1994. – 8 февр. – С. 4.
4. НАРБ. – Фонд 370с. – Оп. 1. – Д. 487. – Л. 32-45; Д. 610. – Л. 45-47.
5. Великая Отечественная война в 1941 – 1945. – Минск : БЕЛТА, 2005. – С. 300.
6. НАРБ. – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 947. – Л. 104.
7. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 9. – Д. 13. – Л. 2.
8. **Шлотц, Е.** Нацистская пропаганда и медицинское образование / Е. Шлотц, А. Мойсенко // 10-я Республиканская науч.-практ. конф. по ист. мед. и здрав., Минск, 23 сент. 2004. – Минск : РМНБ, 2004. – С. 124.
9. **Тищенко, Е.М.** Последствия немецко-фашистской оккупации Белоруссии / Е.М. Тищенко // Здравоохранение Белоруссии. – 1986. – № 7. – С. 3-5.
10. НАРБ. – Фонд 46. – Оп. 4. – Д. 842. – Л. 1-9.

Поступила в редакцию 17.03.2011 г.

УДК 94(476)“19”

Л.А. ДАВИДОВА

ГРУППА “АГРАРНЫХ ТЕРРОРИСТОВ” – ПРЕДШЕСТВЕННИЦА СОЮЗА СОЦИАЛИСТОВ- РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (ЭСЕРОВ) МАКСИМАЛИСТОВ

В статье рассматривается деятельность группы “аграрных террористов”, которая формировалась в партии эсеров и выступала за решение аграрного вопроса “снизу”, с использованием тактики аграрного террора. Группа действовала и на территории белорусских губерний, особенно в городах Минск и Белосток. Приводятся выдержки из резолюций “аграрных террористов”, позволяющие проследить тактику и идеологию группы. Делается вывод, что группа “аграрных террористов” (лидеры – М.И. Соколов, Е.И. Лозинский) оформилась в 1906 г. совместно с так называемой “московской оппозицией” (В.В. Мазурин и др.) в Союз социалистов-революционеров (эсеров) максималистов, провозгласивший террор основным средством борьбы.

Введение

Крестьянское движение в начале XX в. было движением стихийным и разрозненным, ведущей формой борьбы были насильственные действия крестьян в отношении личности помещика и его имущества, получившие наименование “аграрного террора”. Аграрный террор затруднял нормальное ведение помещичьего хозяйства, что в итоге заставляло помещика либо бросать свое имение, либо облегчало для крестьян условия аренды земли.

На территории белорусских губерний преобладающим было аграрное движение крестьян на экономической почве, хотя революционная агитация оказывала на него влияние, особенно в Гродненской, Минской, Виленской и Могилевской губерниях [1, с. 363]. Общим для белорусских губерний являлось полное отсутствие поджогов и разгромов усадеб, столь широко охвативших центральную часть России и Поволжье. Поджоги и разгромы усадеб имели место исключительно в Чериковском уезде Могилевской губернии. Движение в форме порубок помещичьих лесов в Беларуси было широко распространено. Потравы помещичьих лугов имели также значительное распространение в Смоленской и Гродненской губерниях. Захваты земель наблюдались в Минской, Смоленской и Виленской губерниях. Забастовочное движение имело место в Гродненской, Могилевской и Минской губерниях [1, с. 359].

Среди партий, выражавших интересы русского крестьянства, особое место занимала партия социалистов-революционеров (эсеров). Группа “аграрных террористов” выделилась в ходе борьбы различных течений внутри партии по крестьянскому вопросу.

Одними из первых к характеристике максимализма обратились публицисты из числа эсеров, а также меньшевиков. Меньшевистская историография максимализма была представлена небольшой статьей Б.И. Горева в пятитомнике “Общественное движение в России в начале XX века” [2].

В послевоенные годы характеристика эсеровского максимализма и “аграрного террора” была дана в книгах А.Ф. Жукова и Д.Б. Павлова, посвященных деятельности Союза социалистов-революционеров максималистов [3; 4]. Некоторые вопросы, касающиеся данной проблематики, рассмотрели В.Н. Гинев, Г.Д. Алексеева и М.И. Леонов [5; 6; 7].

В историографии дальнего зарубежья нет специальных работ, посвященных Союзу социалистов-революционеров максималистов, можно выделить разделы, имеющие отношение к максималистам и “аграрному террору”. Определенный вклад в изучение рассматриваемой проблемы внесли М. Перри и М. Хилдермайер, которые проанализировали широкий круг источников по истории партии эсеров и эсеров-максималистов [8; 9].

Основная часть

Первыми предшественниками эсеров-максималистов были так называемые “аграрники”, сформировавшие оппозиционную фракцию партии социалистов-революционеров. Уже в июле 1904 г. на второй конференции Заграничной организации эсеров данная группа заявила о своем существовании [9, с. 116]. Так как к 1904 г. “эсеры фактически отказались от поддержки революционного крестьянского движения, реакцией на что и было стремление “аграрных террористов” повернуть партию к поддержке массовой борьбы крестьян” [4, с. 29].

Летом 1904 г. в рамках женеvской организации эсеров группа из двух десятков молодых революционно настроенных партийных работников бросила вызов официальной руководству партии, которое двойственно относилось к “аграрному террору” [8, с. 94]. Ее идеологами стали начинающий эсеровский публицист Е.И. Лозинский (псевдоним – Е. Устинов) и М.И. Соколов, который ранее являлся секретарем эсеровского крестьянского кружка при Мариинском земледельческом училище (Саратовской губ.), известный под кличкой “Каин” [4, с. 39]. Вся женеvская группа социалистов-революционеров два месяца подряд занималась только “аграрным террором” и боевыми дружинами крестьян, собирая самые оживленные и многочисленные собрания [10, с. 15]. Один из основателей и будущий главный организатор Союза социалистов-революционеров максималистов М.И. Соколов привлек на свою сторону почти всю социал-революционную молодежь в Женеве. М.И. Соколов подчеркивал необходимость для партии взять на себя руководство всеми формами аграрного террора, чтобы, с одной стороны, овладеть стихийным крестьянским движением, а с другой – аграрным террором сразу резко оттолкнуть от партии все буржуазное общество и сделать, таким образом, будущую революцию неизбежной и явно антибуржуазной, социалистической [2, с. 512].

Е. Устинов написал резолюцию “О боевых дружинах в деревне в связи с аграрным террором”, в которой призывал к организации боевых дружин в деревне, чьи действия должны были сочетать как политический, так и “аграрный террор”, направленный против правящего класса. При обсуждении доклада Е. Устинова М.И. Соколов отметил, что “аграрный террор” был обычной формой борьбы крестьян со времен С. Разина и Пугачева [8, с. 94]. Эта резолюция была принята 14 ноября 1904 г. на собрании женеvской группы эсеров значительным большинством голосов (25 против 12). В целях “возможно большего расширения и обострения экономической и политической борьбы крестьянских масс со своими непосредственными эксплуататорами ... внесения в эту борьбу возможно более ясного политического и социалистического сознания, которое бы не позволило русскому крестьянству удовлетвориться одними лишь частичными реформами”, резолюция призывала немедленно приступить к формированию боевых дружин в деревне, причем “ввиду полной невозможности организации надлежащего числа таких дружин самой партией” было предложено воздействовать на крестьянство с тем, чтобы оно по собственной инициативе “спланивалось

в такие тайные боевые группы”. Кроме руководства различными мирными формами крестьянской борьбы, а также “вооруженными массовыми столкновениями крестьян” с полицией и войсками эти дружины, согласно резолюции, должны были организовывать и осуществлять на местах “аграрный и политический террор”. Кроме того, женевская группа выступила против резолюций I съезда Заграничной организации эсеров (август 1903 г.) и I съезда “Аграрной социалистической лиги” (июль 1902 г.), высказывавшихся “против введения аграрного террора в партийную программу” [11, л. 1].

Пока в Женеве проходили оживленные дебаты, касающиеся осуществления теоретических принципов группы в России, центральный комитет санкционировал поездку “аграрных террористов” в Россию. В таких условиях летом 1904 г. группа “аграрных террористов” пересекла границу во главе с М.И. Соколовым [9, с. 118]. Максимализм зародился в белорусских губерниях, где в 1904 г. М.И. Соколов начал создавать группы “аграрного террора”. Важнейшим центром максимализма стал г. Белосток, в котором партия эсеров расколосась еще до I съезда партии. Несмотря на это, независимые организации максималистов появились в конце 1906 г. в Гродно, Пинске, Минске, Вильно, Витебске, Двинске [9, с. 127].

За короткое время М.И. Соколов, Б.Д. Герман, А.И. Зверин и другие члены группы успели побывать в Минске, Гомеле, Белостоке и ряде других мест Северо-Западного края. Повсюду “аграрники” создавали крестьянские организации, типографии, выпускали прокламации, вербуя одновременно себе сторонников в эсеровских группах. Особенно удачной была деятельность последнего рода [4, с. 41]. В сентябре 1904 г. Гомельской группой социалистов-революционеров была издана прокламация, в которой предлагалось поддерживать аграрно-террористическое движение [12, с. 1].

Потребность в агитационных изданиях резко увеличилась с началом революции 1905 – 1907 гг., когда наблюдался всплеск крестьянских волнений, особенно в Минской и Витебской губерниях. В таких условиях в начале 1905 г. группа М.И. Соколова занялась созданием Крестьянского союза. От имени этого Крестьянского союза в апреле 1905 г. была издана прокламация “Братья крестьяне”, в которой авторы призывали крестьян на решительную борьбу с оружием в руках за немедленный переход всей земли в собственность народа и созыв Учредительного собрания. В ней прозвучал призыв к крестьянам “входить в соглашение с рабочими для дружного натиска на общих врагов: на царское правительство и всех капиталистов” за “социализацию” не только земли, но и, что немаловажно, “фабрик и заводов” [13, л. 1].

Следует подчеркнуть, что в изданиях “аграрных террористов”, в отличие от аналогичных изданий анархистов, не содержалось прямых призывов к поджогам помещичьих имений и убийствам помещиков. Прокламации “аграрников” призывали бороться с помещиками, но советовали уничтожить лишь тех из них, которые оказывали вооруженное сопротивление крестьянам. Помещичьи же усадьбы и инвентарь предлагалось “сжечь” с целью его дальнейшего обращения на общественные нужды [4, с. 45].

Так, на территории Минской губернии “Крестьянский союз партии социалистов-революционеров” на протяжении 1905 г. активно занимался агитационной деятельностью, подстрекал население к аграрным беспорядкам, распространял воззвания, выпускаемые в значительном количестве [14, л. 238]. По данным полиции, Союз выпускал воззвания в собственных подпольных типографиях.

Хотя Крестьянский союз был тесно связан с партией социалистов-революционеров, он все же действовал самостоятельно и был озабочен созданием своих филиалов [15, л. 319]. Местные организации, комитеты и группы, составлявшие основу Крестьянского союза, формировались по территориальному принципу – от “сельских братств” до “областных крестьянских комитетов”. В сложившихся губернских комитетах, как правило, имелись бюро пропагандистов, агитаторская сходка, боевое бюро и технические группы (типографская и транспортная), занимавшиеся изданием, хранением и распространением литературы [16, л. 101].

Вместе с тем ДП (Департамент Полиции) пристально следил за развитием событий и на основании донесений агентуры составил секретные циркуляры, адресованные местным жандармским властям, в которых предлагал принять меры к особо тщательному наблюдению за членами группы и их аресту [14, л. 310]. Так, деятельность группы М.И. Соколова была прервана в начале апреля 1905 г., когда вместе с несколькими единомышленниками (А.И. Зверин, К.М. Бродская и др.) он был арестован в Курске на собрании местной эсеровской организации. Прекращение существования группы Соколова не сделало для эсеров менее актуальным вопрос об отношении к аграрному террору [1, с. 46]. Так, летом 1905 г. от имени Крестьянского союза тиражом 150 000 экземпляров была выпущена прокламация, переизданная вскоре многими местными партийными организациями, призывавшая крестьян начать всеобщую стачку [4, с. 49].

Однако уже в ходе съезда представителей Крестьянского союза партии социалистов-революционеров, проходившего 8-13 сентября 1906 г. в Финляндии (г. Иматра), его делегаты вынуждены были признать, что местные боевые дружины годятся только для террористических действий и “что вооруженное восстание крестьян в ближайшем будущем невозможно по причине совершенной неподготовленности их к восстанию и отсутствию вооружения” [16, л. 4].

Разногласия в рядах партии в дальнейшем привели к образованию новых партий неонароднического толка: Народно-социалистической партии (энесы) и Союза социалистов-революционеров максималистов (эсеры-максималисты), который оформился на основе группы “аграрных террористов” (лидеры – М.И. Соколов, Е.И. Лозинский) и так называемой “московской оппозиции” (В.В. Мазурин и др.) и провозгласил террор своим основным средством борьбы.

Заключение

Таким образом, в ходе борьбы различных течений внутри партии эсеров по крестьянскому вопросу выделилась группа “аграрных террористов”, которые считали, что руководство партии эсеров чрезмерно увлекалось политической борьбой и не уделяло достаточного внимания борьбе за социальное освобождение крестьянства. Группа выступала за агитацию среди крестьян с целью немедленного разрешения земельного вопроса “снизу”, захватным путем, широко используя аграрный террор. Идеологи группы “аграрных террористов” Е.И. Лозинский и М.И. Соколов предприняли попытку организации в деревнях боевых дружин для вооруженных выступлений, начав свою деятельность на территории белорусских губерний. Деятельность группы была прервана в связи с арестом М.И. Соколова, хотя в дальнейшем, в 1906 г., лидеры “аграрных террористов” образовали Союз социалистов-революционеров максималистов, который также выступал за социализацию земли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аграрное движение в России в 1905 – 1906 гг. Обзоры по районам: Б.Б. Веселовского, В.С. Голубева, В.Г. Громана. – Ч. 1. – СПб. : Тип. т-ва “Общественная польза”. – Отт. из “Трудов Имп. вольного экономического общества”, 1908. – 400 с.
2. **Горев, Б.И.** Максималисты / Б.И. Горев // Общественное движение в России в н. XX в. ; под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потрясова. – Т. 3. – Кн. 5 // Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении на выборах в Думу. – СПб., 1914. – 643 с.
3. **Жуков, А.Ф.** Идеино-политический крах эсеровского максимализма / А.Ф. Жуков. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. – 158 с.
4. **Павлов, Д.Б.** Эсеры-максималисты в первой российской революции / Д.Б. Павлов. – М. : Изд-во ВЗПИ, 1989. – 240 с.
5. **Гинев, В.Н.** Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества, 1902 – 1914 гг. / В.Н. Гинев. – Л. : Наука, 1983. – 335 с.
6. **Алексеева, Г.Д.** Народничество в России в XX в. Идеинная эволюция / Г.Д. Алексеева. – М. : Наука, 1990. – 245 с.
7. **Леонов, М.И.** Аграрный террор в программе и тактике эсеров / М.И. Леонов // Великий Октябрь и революционное движение в Среднем Поволжье. – Куйбышев, 1978.
8. **Perrie, M.** The agrarian policy of the Russian Socialist-Revolutionary Party from its origins through the revolution of 1905 – 1907 / M. Perrie. – Cambridge : Cambridge university press, 1976. – 219 p.
9. **Hildermeier, M.** The Russian Socialist-Revolutionary Party before the First World War / M. Hildermeier. – New-York. : St. Martin’s press, 2000. – 389 p.
10. **Петров, И.** Памяти Михаила Ивановича Соколова (т. Медведя, казненного 2 декабря 1906 г.) / И. Петров. – Полтава : Изд-во “Максималист”, 1919. – 31 с.
11. Резолюция о боевых дружинах в деревне в связи с аграрным террором // ГАРФ. – Коллекция нелегальных изданий. – Фонд 1741. – Оп. 1. – Д. 17287. – Л. 1.
12. К гражданам России // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Коллекция нелегальных изданий. – Фонд 1741. – Оп. 1. – Д. 31938. – Л. 1.
13. Братья крестьяне // ГАРФ. – Коллекция нелегальных изданий. – Фонд 1741. – Оп. 1. – Д. 27300. – Л. 1.
14. Циркуляры ДП, Главного управления по делам печати, минского губернатора о борьбе с революционным движением и другим вопросам // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Минское ГЖУ. – Фонд 300. – Оп. 1. – Д. 10. – Ч. 4. – Лл. 238, 310.
15. Отношение помощника начальника минского ГЖУ о деятельности “Крестьянского союза” // НИАБ. – Минское ГЖУ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7509. – Л. 319.
16. Циркуляры ДП о деятельности крестьянских союзов партии социалистов-революционеров // НИАБ. – Витебское ГЖУ. – Фонд 2499. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 4.

Поступила в редакцию 25.01.2012 г.

УДК 94 (476) “1937/1939”

А.П. ДЗМІТРУК

МЕХАНІЗМ ФАРМІРАВАННЯ ПАРТЫІ “ЛАГЕРА НАЦЫЯНАЛЬНАГА АБ’ЯДНАННЯ” НА ПРЫКЛАДЗЕ ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКІХ ЗЯМЕЛЬ

Лагер Нацыянальнага Аб’яднання (далее ЛНА; па-польску “Obóz Zjednoczenia Narodowego”) – гэта польская ўрадавая партыя так званай “групы пілсудчыкаў”, якая дзейнічала і на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1937 – 1939 гг. Механізм яе фарміравання дазваляе вызначыць не толькі асаблівасці структуры, ролі і функцыі партыі ў палітычнай сістэме, але і сапраўдныя мэты ўрадаў. Канцэнтрацыя польскіх грамадскіх сіл, скаардына-

ванасць з дзяржаўнай уладай, іерархічнасць пабудовы самой партыі зрабілі яе сапраўднай прыладай паланізацыйнай палітыкі на заходнебеларускіх землях.

Уводзіны

Даследаванне этнасацыяльных і палітычных працэсаў у Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 гг. без комплекснага вывучэння польскіх партый урадавай арыентацыі немагчыма. Адною з іх стаў ЛНА, які задумваўся як прылада працы ўрада Польшчы ў грамадскай сферы, а на нашых землях – як інструмент цэнтралізацыі і паланізацыі, таму цікаўнасць выклікае працэс яго фарміравання і ўнутраная канструкцыя.

Асноўная частка

21 лютага 1937 г. у сваім выступленні па радыё А. Коц ад імя новага маршала Рыдз-Сміглы абвясціў аб стварэнні новай палітычнай групы кіпсудчыкаў. Але на рэгіянальным узроўні першапачаткова ніякіх крокаў не назіраецца. Затое інтэнсіўныя дзеянні адбываюцца на цэнтральным узроўні. Створаны штаб партыі, які займаўся арганізацыйнымі справамі.

Першыя кадры членаў ствараліся шляхам падбору. Членамі лічыліся ўсе асобы, якія ўдзельнічалі ў Варшаўскім з'ездзе 1 сакавіка 1937 г. або напярэдадні стварэння акругі ці аддзела былі запрошаны да супрацоўніцтва або будучь запрошаны на першы лакальны сход. На арганізацыйным паседжанні 2 сакавіка пастанавілі, што ўсе упаўнаважаныя павінны былі прадставіць падзел на акругі і кандыдатаў у члены акруговага прэзідыума [1, с. 84].

У сувязі з тым што ЛНА ставіў перад сабой мэту правесці кансалідацыю польскага грамадства, яго кіраўнікі патрабавалі ўлічваць прыныцы раўнамернасці адбору членаў з усіх груп грамадска-прафесійнай структуры (рамеснікі, купцы, вольныя прафесіі, работнікі фізічнай і разумовай працы) [1, с. 84]. Падбор членаў станавіўся прыныцповай справай для новастворанага лагера. Імі маглі стаць толькі этнічныя палякі, пры гэтым нельга было дапусціць у арганізацыю асоб з адмоўнай рэпутацыяй [1, с. 81].

Сфарміраваныя акруговыя прэзідыумы павінны былі неадкладна прыступіць да стварэння груп у акруговых гарадах і аддзелаў у гарадах і мястэчках сваёй акругі. Але напярэдадні арганізацыйных сходаў трэба было папярэдзіць прэзідыум Варшаўскай гарадской арганізацыі ЛНА, каб яна магла накіраваць свайго прадстаўніка з мэтай зацвердзіць іх склад. Канчатковы падзел на акругі на ўсёй тэрыторыі дзяржавы адбыўся ў Варшаве.

На заходнебеларускіх землях яны былі створаны ў Брэсце (№ 36), Пінску (№ 37), Навагрудку (№ 38), Вільні (№ 39), Гродна (№ 41), Беластоку (№ 42) [1, с. 71-72]. 14 красавіка адбыўся арганізацыйны сход гарадской арганізацыі ЛНА ў Брэсце. Палкоўнік А. Коц зацвердзіў прэзідыум Брэсцкай акругі, у склад якой увайшло 10 прадстаўнікоў розных прафесій. А 19 красавіка была створана акруговая гарадская арганізацыя ў Вільні. Час з'езда адкладваўся толькі для таго, каб ён адбыўся ў гадавіну вызвалення Вільні. У дзень стварэння гарадская арганізацыя ЛНА ўжо налічвала 711 членаў, якія ўдзельнічалі ў сходах. 7 мая 1937 г. была створана Беластоцкая акруга, 23 мая – у Пінску, 9 чэрвеня – у Гродна і толькі 3 ліпеня 1937 г. – у Навагрудку 47 [1, с. 57, 61, 65]. Адначасова фарміруюцца аддзелы у іншых гарадах.

У сувязі з тым што на некаторых абшарах адміністрацыйныя ўлады патрабавалі зарэгістраваць ствараемыя адзінкі і падаць склад праўлення, кіраўніцтва

тлумачыла, што ЛНА як палітычная арганізацыя не падлягала праву аб таварыствах, таму не абавязана абвясчаць факт стварэння ячэек уладам. Прытрымлівацца ўказанага закону трэба было толькі пры арганізацыі публічных сходаў.

Пры фарміраванні тэрытарыяльных аддзелаў ЛНА кіраўнікі акцыі звярнуліся да арганізацыйнай формы беспартыйнага блока супрацоўніцтва з урадам – секцыям. Але яны сталі разумецца як дапаможныя органы працы прэзідыумаў. Рашэнні і прапановы секцый набіралі моц толькі ў выглядзе пастаноў прэзідыума. Колькасць і характар секцый павінны былі залежаць ад істотных патрэб дадзенай тэрыторыі.

Планавалася, што ў секцыях павінны былі працаваць вядомыя асобы, знаўцы некаторых сфер жыцця, якія былі ахоплены дзейнасцю грамадскіх арганізацый. Узначальваў секцыю адзін з членаў прэзідыума. Грамадскую секцыю, якая павінна была адыгрываць ролю каардынацыйнага органа мясцовага грамадскага жыцця, трэба было так укамплектаваць, каб персанальны склад мог гарантаваць намячаны эффект працы па кансалідацыі. Спецыяльную ўвагу трэба звярнуць на лакальныя аддзелы таварыстваў вышэйшай карыснасці, жаночыя арганізацыі, ваенныя. Аналагічна вырашаць справы ў гаспадарчым жыцці.

Як ужо адзначалася, секцыі ў ЛНА разумеліся як выканаўчы орган прэзідыумаў, у той час як у ББСУ – як орган працы. Для выканання канкрэтных спраў прэзідыум аддзела меў права ўключаць членаў партыі ў “групы працы”. Група планавалася як супрацьлегласць масавым саюзам, якія абапіраліся на бяссплённае мітынгаванне. Яна разглядалася як функцыя секцыі і павінна была прыводзіць у дзеянне распрацаваныя праз яе планы.

“Група працы” ахоплівала не больш як 20 членаў. На чале кожнай стаяў кіраўнік, прызначаны прэзідыумам аддзела. Ад яго патрабавалася дасканаласць веданне членаў групы, здольнасць уцягнуць іх у працу, уменне планаваць працу і глыбокае пачуццё адказнасці за групу. Кіраўнік групы па меры неабходнасці склікаў сходы, на якіх быў старшынёй, прымаў справаздачы, размяркоўваў працу так, каб кожны член групы быў ахоплены. Для ажыццяўлення апекі над групай прэзідыум прызначаў са свайго складу члена, які адказваў за працу паўнай групы. Па яго прапанове прэзідыум ствараў групы рэалізацыйнай працы, прызначаў і знімаў кіраўнікоў груп.

Як адзначаў шэф лагера, праца секцыі і груп цесна звязана: пасля года працы ў секцыях кожны член павінен хаця б паўгода быць членам групы рэалізацыйнай працы. Такім чынам, выкананне плана стала крытэрыем не толькі працы груп, але і секцый, якую ажыццяўляў прэзідыум.

Да 1 кастрычніка 1937 г. скончыўся перыяд арганізацыйных прац у 40 акругах, было створана 215 аддзелаў [1, с. 29].

Арганізацыю цэнтральных улад ЛНА і кіраўнічай структуры акрэслівалі загады шэфа лагера № 1 і 2 [2], але канчаткова яны былі ўрэгуляваны рэгламентам арганізацыйнай структуры ЛНА ад 21 лютага 1938 г. [3, с. 22].

Кіруючыя ўлады складаліся з шэфа і яго намеснікаў, а таксама з Галоўнай рады і яе прэзідыума. У арганізацыйных структурах ЛНА дзейнічалі верыфікацыйная і рэвізійная камісіі, таварыскія суды, бюро даследаванняў і планавання, шэф штаба партыі. Рэгламентам былі ахоплены абшар дзейнасці і функцыі тэрытарыяльных улад.

Шэф ЛНА пры супрацоўніцтве з Галоўнай радай устанаўліваў арганізацыйныя прынцыпы і праграмы; ажыццяўляў поўнае кіраўніцтва акцыяй лагера і прадстаўляў яе ў знешніх адносінах; па прадстаўленню Галоўнай рады прымаў у

партыю грамадскія арганізацыі; прызначаў членаў Галоўнай рады, а таксама старшынь камісій і іх намеснікаў, прэзідыум Галоўнай рады; устанаўліваў і звальняў усе ўлады і арганізацыі ЛНА, за выключэннем тых, якія створаны нізавымі ўладамі; устанаўліваў членаў Акруговай рады; кіраваў уладамі і арганізацыямі ЛНА, якія яму падпарадкоўваліся.

Колькасць намеснікаў вызначаў сам шэф арганізацыі. Яны прызначаліся шэфам, адказвалі перад ім за выкананне давераных ім функцый у межах, акрэсленых шэфам.

У склад Галоўнай рады ўваходзілі: а) намеснік; б) прызначаны з членаў ЛНА галоўныя прадстаўнікі грамадства і дзеячы лагера; в) прэзідыум парламенцкай групы ЛНА; г) старшыня Галоўнай рэвізійнай камісіі; д) шэф бюро даследаванняў і планавання; ж) шэф штаба ЛНА; з) старшыні акруг; к) шэф адзела па справах прафесійна-гаспадарчага руху; л) шэф адзела па справах моладзі. Акрамя гэтага, ў склад уваходзяць кааптаваныя члены з бюро даследаванняў і планавання.

Задачаў Галоўнай рады стала супрацоўніцтва з шэфам ва ўсталяванні праграм і арганізацыйных прынцыпаў лагера і ў коле праблем, прадстаўленых шэфам; выступленне з ініцыятывамі да шэфа лагера, прэзідыума рады і выбар членаў Галоўнай верыфікацыйнай і рэвізійнай камісій; па прапанове Галоўнай рэвізійнай камісіі зацвярджае справаздачы цэнтральных улад па фінансава-гаспадарчай дзейнасці.

У склад прэзідыума рады, акрамя намеснікаў шэфа і шэфа штаба, уваходзілі члены, прызначаны на адзін год шэфам ЛНА па прапанове і са складу Галоўнай рады. Ролю старшыні на яе пасяджэннях і прэзідыума выконваў сам шэф ЛНА або прызначаны ім намеснік, а сакратаром з'яўляўся шэф штаба ЛНА. Прэзідыум рыхтаваў справы, якія павінны былі ўносіцца на пленарны сход Галоўнай рады. З аднаго боку, ён меў права ад імя апошняй прымаць рашэнні ва ўсіх арганізацыйных справах, якія будуць прызнаны шэфам лагера як надзвычайныя, але з другога, складаў справаздачы перад радай. Такім чынам, прэзідыум быў падпарадкаваны радзе, яе працоўным органам. Аб гэтым жа сведчыць і той факт, што Галоўная рада па ўзгадненні з шэфам лагера ўхваляла рэгламент сваіх пасяджэнняў, рэгламенты для прэзідыума рады, для створаных ёй камісій, для Акруговай і Павятовай рад. Пленарнае пасяджэнне праходзіла 4 разы ў год, у перыяд, усталяваны шэфам лагера. Прэзідыум рады праводзіў пасяджэнні па меры неабходнасці, але не менш чым адзін раз у месяц. Для вырашэння некаторых праблем Галоўная рада вылучала са свайго складу камісію, старшыня якой прызначаўся шэфам лагера з членаў самой рады.

У якасці органа шэфа лагера, кіраўнік якога быў непасрэдна яму падпарадкаваны, выступала бюро даследаванняў і планавання ЛНА. Усе рэкамендацыі і інструкцыі ніжэйшым акруговым бюро цэнтральнае выдавала толькі праз улады штаба. Шэф бюро адказваў перад кіраўніком партыі за тэрміны распрацоўкі спраў і праблем, звязаных з акцыяй лагера і даручаных яму для выканання.

У сваю чаргу, кіраўнік штаба ЛНА з'яўляўся выканаўчым органам шэфа лагера. Ён непасрэдна падпарадкоўваўся кіраўніку партыі і адказваў толькі перад ім за ўвесь комплекс прац, якія выконваліся ў лагерах. Да задач штаба адносіліся: наданне накірунку дзейнасці акругам і яе каардынацыя; кантроль над выкананнем распараджэнняў штаба лагера; прадстаўленне перыядычных справаздач сваёй дзейнасці і падпарадкаваных штабу арганізацый.

Тэрытарыяльны падзел партыі фактычна адпавядаў адміністрацыйнаму падзелу дзяржавы. ЛНА падзялялася на акругі, павятовыя і мясцовыя аддзяленні.

Мясцовыя і павятовыя аддзелы не падзяляліся на меншыя адзінкі, а складаліся з мясцовых гуртоў і груп або толькі груп. Кожны член партыі належаў да адпаведнага мясцовага аддзялення згодна з месцам пражывання або працы. Размеркаваннем займаўся ўлада ЛНА. У гарадах, дзе не было аддзяленняў, члены партыі непасрэдна падпарадкоўваліся павятовым аддзелам. На чале акруг стаялі старшыні, якія прызначаліся шэфам лагера.

Галоўны лозунг – аб’яднанне ўсіх польскіх сіл для сумесных дзеянняў, узмацнення развіцця Польшчы. Прынцып аб’яднання – дабрабыт асобы залежыць ад дабрабыту дзяржавы. На погляд кіраўніцтва ЛНА, сутнасць недахопаў жыцця краіны заключаецца ў тым, што сілы польскага народа не былі належным чынам выкарыстаны і скаардынаваны, таму ЛНА імкнулася да перабудовы грамадства, каб даць магчымасць усім пластам насельніцтва дзейнічаць у імя грамадскага дабрабыту [2].

Аўтары канцэпцыі адзначалі, што ЛНА – палітычная арганізацыя, створаная для кіраўнічай ролі ў дзяржаве; з’яўляецца арганізацыяй, скаардынаванай з урадам Рэчы Паспалітай; мэта арганізацыі – стварэнне палітычнага руху, які імкнецца да грамадскай перабудовы Польшчы. ЛНА абпіралася на прынцып аўтарытэту кіраўнікоў, улічвала ў сваёй дзейнасці погляды кожнага з членаў партыі. Гэта арганізацыя “кіруючай дэмакратыі”, яе асноўным структурна-арганізацыйным палажэннем з’яўляўся прынцып: “планавая групавая дзейнасць пад кіраўніцтвам правадыра пры актыўным супрацоўніцтве грамадзян” [4, с. 49].

Заклучэнне

Такім чынам, пры арганізацыі ЛНА замест класавага выкарыстаны нацыянальны прынцып, кіраўнічая роля ў дзяржаве належала этнічным палякам, аб’ядноўвала іх сілы на пэўнай тэрыторыі. Працэс фарміравання ЛНА адбываўся шляхам прызначэння, што прывяло да высокай ступені цэнтралізацыі, элітарнасці. Нягледзячы на тое што ЛНА абвешчалася партыяй, яе мэтай стала стварэнне палітычнага руху і скаардынаванасць з урадам. Такім чынам, яна займала пасрэдную пазіцыю ў рамках палітычнай сістэмы.

Сувязі з адміністрацыяй не прасочваюцца напрамую, затое кіраўнікі грамадскіх арганізацый уключаны ў органы Рад ЛНА, аб чым сведчыць характар гарызантальных сувязей, на якія кіраўнікі ЛНА звярнулі асаблівую ўвагу пры пабудове ўнутранай структуры (прэзідыумы, іх склад, секцыі і групы працы).

Пры аналізе механізму фарміравання ЛНА выразна бачна стварэнне падвойнай структуры. З аднаго боку, гэта кіраўнікі, іх намеснікі, выканаўчыя органы, ім падпарадкаваныя, з іншага – Рады, якія мелі толькі дарадчы характар. Першая структура – жорстка цэнтралізаваная, падпарадкаваная шэфу лагера, яе базавай адзінкай былі аддзелы, другая – як бы аўтаномная ўнутры адпаведнага ўзроўню, падпарадкаваная кіраўнікам, яе базавая адзінка – група працы. Фактычна аб’ектам уздзеяння для першай структуры становяцца кіраўнікі польскіх грамадскіх арганізацый. Ідзе фарміраванне іерархіі ў польскім грамадстве, але адначасова сама партыя, аб’ядноўваючы ўсе нацыянальныя сілы, гарантавала ім кіраўнічую ролю ў дзяржаве. Канцэнтрацыя польскіх грамадскіх сіл, скаардынаванасць з дзяржаўнай уладай, іерархічнасць структуры самой партыі зрабілі яе сапраўднай прыладай паланізацыйнай палітыкі на заходнебеларускіх землях.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). – Фонд 142. – Воп. 1. – Спр. 1. Звесткі старшыні гарадскіх арганізацый і партый аб ходзе арганізацыйнай працы.
2. Archiwum Akt Nowych (AAN). – OZN. – Syg. 2 Rozkazy organizacyjne 1–2.
3. ДАГВ. – Фонд 142. – Воп. 1. – Спр. 11. Рэгламент арганізацыйнай структуры ЛНА 21 лютага 1938 г.
4. AAN. – OZN. – Syg. 3. Biuletyn Organizacyjny 1–11.

Паступіў у рэдакцыю 05.06.2012 г.

УДК 94(476) “15/17”

Н.Н. АЛЕКСЕЙЧИКОВА

АКТОВЫЕ КНИГИ МОГИЛЕВСКОГО МАГИСТРАТА XVI – XVIII вв. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МАТРИМОНИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКИХ ГОРОДОВ

Статья направлена на изучение актовых книг могилевского магистрата XVI – XVIII вв. как источника по истории матримониального поведения жителей белорусских городов. Актовые книги городских магистратов в целом и могилевского в частности являются важнейшими источниками, позволяющими: 1) исследовать имущественные взаимоотношения, возникавшие между различными категориями родственников; 2) изучить права и обязанности членов семьи, обусловленные имущественными взаимоотношениями; 3) проанализировать межличностные взаимоотношения, складывавшиеся между родственниками; 4) пролить свет на внутренний мир семьи.

Введение

Матримониальное поведение горожан XVI – XVIII вв. является мало изученной темой. Данная проблематика практически не рассматривалась отечественными историками. Имеющиеся на сегодняшний день работы затрагивают лишь отдельные вопросы матримониального поведения жителей белорусских городов. В связи с этим источниковедческая база по данной проблематике не разработана. Поэтому сейчас весьма актуальными становятся задачи выявления круга источников по истории матримониального поведения горожан Беларуси, их систематизация и источниковедческий анализ. Одним из основных источников являются акты матримониального поведения магистрата XVI – XVIII вв., содержащие огромный фактический материал.

Данная статья направлена на изучение актовых книг могилевского магистрата, восходящих к XVI – XVIII вв., как источника по истории матримониального поведения жителей белорусских городов данного времени.

Актовые книги как источник по истории матримониального поведения горожан в XVI – XVIII вв.

Основными источниками по изучению матримониального поведения горожан в XVI – XVIII вв. служат данные архивов, разного рода ревизии, актывые материалы, инвентари, церковные метрики. Среди материалов рассматриваемого периода большую ценность при изучении истории семьи и семейных взаимоотношений представляют актывые книги городских магистратов. Они охватыва-

ют значительный пласт информации, который позволяет рассмотреть матримониальное поведение горожан, проживавших в XVI – XVIII вв. в городах. В актовых книгах содержится богатейший материал, касающийся имущественных взаимоотношений. Это различного вида акты, которые регулировали имущественные отношения между родственниками: 1) акты о претензиях кредиторов к недвижимому имуществу должников; 2) акты об отзыве уже переданного новому владельцу недвижимого имущества; 3) акты об отзыве уже переданного новому владельцу недвижимого имущества в счет долга; 4) акты по купле-продаже объектов собственности; 5) акты по закладу в долг за деньги недвижимого имущества; 6) акты по интрамисиям; 7) акты, в которых родственники передавали друг другу на хранение движимое имущество; 8) акты, касающиеся дарения объектов недвижимости¹; 9) завещания; 10) “распускные листы” (бракоразводные листы).

1. Акты о претензиях кредиторов к недвижимому имуществу должников

Этот вид документов весьма распространен в актовых книгах могилевского магистрата. Их появление связано с невыплатой долга. Если рассматривать данный вид актов с точки зрения семейных отношений, то здесь мы сталкиваемся с тем, что долг отсутствующего или усопшего родича (брата, мужа) “перекладывался” на плечи его родственников. Так, например, 31 января 1579 г. Кузьма Иванович Селянинов заявил свои претензии на дом Лукьяна Трухоновича, который взял у него в долг деньги и не вернул в положенный по договору срок. Во время рассмотрения дела самого Лукьяна Трухоновича не было в Могилеве и в качестве ответчика выступала его жена, Оксинья [2, с. 178].

2. Акты об отзыве уже переданного новому владельцу недвижимого имущества

Данный вид актов связан с неправомерной передачей в залог или продажей недвижимого имущества одним из родственников. Подобная ситуация рассматривалась в могилевском суде 12 декабря 1579 г. Моцко Кондратьевич потребовал аннулировать сделку своей матери, которая осуществила передачу недвижимого имущества в залог во время его отсутствия в городе и тем самым нарушила его имущественные права, так как в то время истец был несовершеннолетним [2, с. 461]. Таким образом, данный вид актов характеризует имущественные права, которыми были наделены члены одной семьи.

3. Акты об отзыве уже переданного новому владельцу недвижимого имущества в счет долга

Недвижимое имущество, переданное новому владельцу в счет долга, могло быть отозвано в том случае, если должник смог в отведенное судом время выплатить долг кредитору. В этом случае недвижимость, которая уже оказалась в руках кредитора, возвращалась его прежнему владельцу. Так, 29 апреля 1577 г. могилевский мещанин Игнат Соболевич обратился в суд с просьбой передать ему дом Ивана Истобчинича, который не погасил во время свой долг. Во время заседания жена должника Наталья Ермолина вернула долг из своих средств в зале суда, что позволило ей сохранить за собой недвижимость [3, с. 32-33]. Данное дело позволяет рассмотреть положение женщины в семье и в обществе в XVI в. С одной стороны, она обладала определенной экономической независимостью, поскольку имела определенное имущество, которым могла распоряжаться

¹ Здесь использована классификация актовых книг, введенная М. Гордеевым [1, с. 50-58], дополненная автором.

по-своему усмотрению, с другой – ее могли вызвать в суд в качестве ответчика, то есть в то время женщина рассматривалась обществом как самостоятельное физическое лицо.

4. Акты по купле-продаже объектов собственности

В XVI – XVIII вв. заключали сделки по купле-продаже движимого и недвижимого имущества. В актовых книгах встречаются сделки купли-продажи недвижимого имущества нескольких видов, когда один родственник продает другому, что-либо другому, например, брат сестре, тесть зятю. Так, 3 января 1578 г. Богдан Кабонич продал своему зятю часть недвижимого имущества, “тры пруты пляцу” [2, с. 161]. В других случаях один из представителей семьи продает недвижимое имущество от своего имени и от имени своего родственника. 18 октября 1578 г. Максим Юшкович осуществил такого рода сделку. Он продал “комору”, которой владел совместно со своим братом Семеном [2, с. 97]. Данный вид актов дает возможность исследовать имущественные взаимоотношения между родственниками.

5. Акты по закладу в долг за деньги недвижимого имущества

Это еще один весьма распространенный вид актов, содержащихся в актовых книгах могилевского магистрата. В XVI – XVIII вв. жители Могилева очень часто прибегли к подобным сделкам. Так, поступили могилевские мещане Иван Ширко и Лукьян Трухонович, взявшие денежные суммы под залог недвижимого имущества [2, с. 14]. Во данном случае в качестве ответчика выступает вдова, что позволяет нам исследовать ее имущественные права и обязанности.

6. Акты по интрамисиям (введение во владение)

Акты-интрамисии связаны с ситуацией, когда должник не возвращал долг в оговоренный в договоре срок, а в качестве залога выступало какое-либо недвижимое имущество. В этом случае кредитор обращался в суд с просьбой передать ему в “вечность” недвижимость. 31 января 1579 г. Кузьма Иванович Селянинов заявил свои претензии на дом Лукьяна Трухоновича, который взял у него в долг деньги и не вернул в положенный по договору срок. По решению суда Кузьма Иванович был введен во владение имуществом (домом) [2, с. 178].

Акты по закладу в долг недвижимости и акты по интрамисиям позволяют нам исследовать имущественные права и обязанности вдовствующих горожанок, так как в приведенных примерах в качестве ответчиков выступают вдовы.

Сюда же можно отнести акты, касающиеся вступления родственников во владение наследством а) непосредственно после оглашения завещания, если наследник (жена, брат, сестра, дядя и т.п.) совершеннолетний (6 июля 1579 г. братья Мишко и Григорий Артемовичи поровну разделили имущество, которое им досталось от отца по наследству [2, с. 282]); б) по достижении наследуемым совершеннолетия, в последнем случае имущество, оставленное по завещанию, передается наследникам от опекуна (так, 27 мая 1577 г. Иван Юркович, достигнув совершеннолетия, вступил во владение наследством своего отца, освободив от обязанностей опекуна Гапона Хроловича [3, с. 123]).

Данная категория источников не только дает возможность изучить вопросы, касающиеся имущественных прав несовершеннолетних детей и опеки над ними, но и взглянуть на эмоциональную атмосферу, которая бытовала в семье. В те времена, часто имущественные вопросы приводили к разногласиям между родственниками: “...Настася Озарова, мещанка Могилевска, жаловала и оповедала на учтивога Кондрата Ошурковича, брата своего <...> о томъ, иж дей у мене

позычил чотырох копь гр(о)ши от ч(а)су давного, которых мне и до тых ч(а)сов заплатити не хочет...” [2, с. 53]; “...Яско Андреевич Ляхович жаловаль на брата своего Нестера о томъ, иж з нимъ послону торгуючи з одного, за него товаре розномъ зашли две копе гр(о)ши, которых отдати не хочет. А Нестер поведил, иж я Яску брату своему винен в товаре копу гр(о)ши, а другой копы ему не винень. Што мы сказали, абы Нестер за оноую копу гр(о)ши, до которое знал, Яску заплатил за две недели, а иж до копу не знал, тот Нестер, мает присегу учинит на томъ, яко ему не есть винень копы гр(о)ши” [2, с. 278]; “Федко Игна-тович Яблонский, мещанин Могилевский, жаловаль и оповедалъ о томъ, иж в небытности моей дома, вжо тому недел пят, як жона моя проч з дому утекла, якож забрала з собою напервей тисечу белкилюдщины, соли блый за осмь коп гр(о)шей, котлы чотыри, конов цыновых чотыри, мис цыновых чотыри, сукман голубый лонский, за который дано было полтрети копы гр(о)шей...” (невенчан-ный брак) [2, с. 466].

7. Акты, в которых родственники передавали друг другу на хранение дви-жимое имущество

Как показывают актовые материалы, в рассматриваемое время нередки были случаи, когда родственники передавали друг другу на хранение какое-либо иму-щество. Например, 14 ноября 1579 г. в могилевском суде рассматривалось по-добное дело. Федора, жена Федора Демьяновича пожаловалась на свою мать, что та не хочет вернуть имущество, которое она, Федора, передала ей на хране-ние [2, с. 423]. Как видим, родственники не всегда охотно расставались с имуще-ством, которое им передавали на хранение.

8. Акты, касающиеся дарения объектов недвижимости

Этот подвид актов затрагивает имущественные отношения родственников, возникающие в результате дарения объектов недвижимости. Так, в 1704 г. Ва-силий Андреевич Вихров подарил своему племяннику Ивану Езефовичу поло-вину дома с садом и огородом [4, л. 278]. Довольно часто в актовых книгах фигурируют дела о дарении недвижимости в качестве приданого [5, л. 9 об. – 10; 6, л. 87 об.]).

Таким образом, актовые книги могилевского магистрата проливают свет на имущественные права и обязанности членов семей, а также позволяют оценить те межличностные взаимоотношения, которые возникали между родственниками различных ступеней родства в ходе реализации ими своих имущественных прав.

9. Завещания

К числу актов, отражающих имущественные взаимоотношения в семье, ее материальное благосостояние, можно отнести и завещания, содержащиеся в боль-шом количестве в актовых книгах могилевского магистрата, так как в них при-сутствует так называемая материальная часть, в которой наши предки давали распоряжения по поду своего имущества. Так, Василий Поненко оставил по завещанию своей жене и дочери, рожденной от нее “копъ девять монеты личбы литовское. Тымъ же обема отписаль сукно утерфину чарного съ пугъви-цами серебрянными позлотистыми; тымъ же шубку сукъна зеленого смушьками подшитую; и тымъ саянъ мышинскій и котель настольный; тымъ поесы два оксамитные и шапку оксамитную а простую, же корову одну скрыню и в ней рѣчы схованы; и тымъ платье белое все ей належачое”, а двум своим сыновьям от первого брака, Юрию и Сысе, “отдалъ, отказаль и тымъ тестаментомъ отпи-саль вси добра свои лежачые и нележащие” [3, с. 4]. Другой же могилевский мещанин, Ждан Мишкович, завещал своей жене “домъ свой властьны с пляцомъ

и зо всимъ будованьемъ, што колвекъ на томъ пляцу збудовано...” [2, с. 83-84]. Оформленные в соответствии с юридическими нормами того времени, они содержат сведения о наследниках (совершеннолетних и несовершеннолетних), исполнителях завещания (которые могли назначаться как из числа родственников, так и из представителей городской власти), опекунах, если в таковых была необходимость, и о положении вдовы: *“Я, Болцер Богданович Романовича Старосельский <...> малжоньку мою <...> и сына моего Самуелиа, такъ же дочку мою Гасю злецаю в опеку <...> А иж заставаеце пры малжонце моей, дочка моја лет недорослаіа Ганнуся, таіа мает при ней, малжонце моей, а матьце своей мешкати и всіакое захованье пристойное мети. А притрафитьли се той дочце моей <...> в стан светлы малженьский пойти, тогда малжонка моја <...> мает ей таковую выправу дати, іакую дал иншимъ дочкамъ моимъ...”* [7, с. 138-139]. Как видим, завещания позволяют определить число детей в семье, являлись ли дети родными или приемными. Завещание же Болцера Богдановича дает возможность говорить не только о количественном составе данной семьи, но и о возрасте детей. К моменту составления завещания он имел двух несовершеннолетних детей – сына и дочь, о чем свидетельствует назначение опекунов для них обоих. В противном случае в качестве опекуна для дочери Болцера и его жены скорее всего выступал бы его сын, как это было в семье Василия Поненко (отец оставил в качестве опекунов для жены и несовершеннолетней дочери своих старших сыновей) [3, с. 4].

Данный вид источников является одним из немногих, позволяющих увидеть эмоциональную атмосферу, бытовавшую в той или иной семье в рассматриваемое время, что выражается в формулировках, имеющих место в “тестаментх”. Так, в своем завещании Окула Васильевич называет свою жену “Аннушу” “малжонкой своей милой” [2, с. 198]. Таким образом, можно утверждать, что в семье этого могилевского мещанина существовали приятные отношения. В пользу этого говорит также тот факт, что, излагая свою последнюю волю, жители Могилева беспокоились о том, чтобы после их смерти не возникло разногласий между их ближайшими родственниками: *“Окула Васильевич на теле хоры, але на умысле здоровы <...> а збегаячи в часъ великимъ трудностемъ, ростыркомъ и незгодомъ, которые се деет звыклы межи братю, близкими кровными, повинными без вьсякого врядового розправеня зъ сего света зыти мель, а покой жоне и детемъ заставит таковы тестамент учинил...”* [1, с. 198]. Однако встречаются и завещания, имеющие скорее официальный характер: *“Клишько <...> отписаль и полетиль жоне своей Уляне Процковне и сыну своему Никпору а Силिवону...”* [2, с. 74], что дает нам основания считать, что в них не существовало той теплоты в отношениях между супругами, которую мы наблюдаем в семье Окулы Васильевича.

10. “Распускные листы” (бракоразводные листы)

Еще одним источником по истории матримониального поведения жителей Могилева XVI – XVIII вв. являются “распускные листы”. Они позволяют судить о бракоразводной практике, которая не только существовала, но и была весьма распространенной [8]. “Распускные листы” содержат сведения о форме брака, условиях его расторжения, дают возможность определить виновную сторону, а также выяснить причины развода [9, с. 268; 10, с. 255-261, 274-275, 285-286; 297-299, 314-315]. Кроме того, бракоразводные листы содержат ценную информацию о межличностных отношениях супругов. Изучение бракоразводных записей показывает, как складывалась семейная жизнь могилевчан. В XVI – XVIII вв., как и сегодня, мы встречаем семьи, в которых супруги не смогли

найти взаимопонимания [11, с. 274-275; 314-315]. В других же, наоборот, супруги с теплотой относились друг к другу. Так, в 1609 г. Елена Костевна Федорова, не желая быть обузой своему мужу, Федору Семеновичу Лунку, подала прошение в суд могилевского магистрата о расторжении брака [11, с. 285].

Заклучение

Таким образом, актывые книги городских магистратов в целом и могоилевского в частности являются важнейшими источниками, позволяющими:

- 1) исследовать имущественные взаимоотношения, возникавшие между различными категориями родственников;
- 2) изучить права и обязанности членов семьи, обусловленные имущественными взаимоотношениями;
- 3) проанализировать межличностные взаимоотношения, складывавшиеся между родственниками;
- 4) пролить свет на внутренний мир семьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Гардзееў, М.** Акты па аперациях з нерухомасцю ў полацкіх магістрацкіх кнігах другой паловы XVII ст. / М. Гардзееў // *Comentarii Polocenses historici*. Т. I. – 2004. – С. 50-58.
2. Акты издаваемые Виленскою комиссией для разбора древних актов : в 39 т. – Вильна : Типограф. Губ. правл., 1865 – 1915. – Т. 39 : Акты Могоилевского магистрата XVI в. (1578 – 1580). – 1915. – 664 с.
3. Историко-юридические материалы : в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 30 : Акты, извлеч. исключительно из книг бывших присутственных мест Могоилев. губ. за 1592 – 1796 гг. / под ред. Д.И. Довгялло. – 1903. – 360, 164 с.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 41 : Актовая книга могоилевского магистрата: 1 января 1704 г. – декабрь 1704 г. – 655 л.
5. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 44 : Актовая книга могоилевского магистрата: 1 января 1707 г. – 31 декабря 1707 г. – 253 л.
6. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 46 : Актовая книга могоилевского магистрата: 1 января 1709 г. – 28 декабря 1709 г. – 577 л.
7. **Мянжынскі, В.** Шляхта, іншыя землеўладальнікі і землеўладальнікі ды іхныя зямельныя ўладанні ў Берасцейскім, Камяніцкім і Кобрынскім паведах у другой палове XV – XVI ст. (паводле Кнігаў №№ 12-33 Метрыкі ВКЛ) / В. Мянжынскі, А. Дзярновіч // *METRICIANA Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага княства Літоўскага*. – Т. III. – Мінск : АТНЕНІУМ, 2004. – С. 57–169.
8. **Алексейчикова, Н.Н.** Бракоразводные процессы в Могоилеве во второй половине XVI – первой половине XVII вв. / Н.Н. Алексейчикова // *Весн. Магілёўскага дзярж. ун-та імя А.А. Куляшова*. – 2007 – № 1. – С. 22–27.
9. ИЮМ : в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 6 : Приходо-расходная книга г. Могоилева 1689 г. Акты, извлеч. из книг Полоц. магистрата за 1676 – 1771 гг. / под ред. Созонова – 1975. – 409 с.
10. ИЮМ : в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 8 : Приходо-расходные книги г. Могоилева на 1691 г. Акты, извлеч. из книг Могоилев. магистрата за 1591 – 1634 гг. / под ред. Созонова. – 1877. – 530 с.
11. ИЮМ : в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск : Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 32 : Акты первой книги Могоилев. магистрата за 1577 – 1578 гг. / под ред. Д.И. Довгялло. – 1903. – 289, 292 с.

Поступила в редакцию 15.06.2009 г.

УДК 94(476) “1905/1907”

Е.В. КУЛАБУХОВА

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В РЕВОЛЮЦИИ 1905 – 1907 гг.

В статье освещается социально-политическое положение Российской православной церкви (РПЦ) в белорусских губерниях накануне и в годы Первой российской революции. Согласно законам Российской империи в начале XX в. православная вера занимала доминирующее положение по сравнению с другими христианскими вероисповеданиями. Указ о веротерпимости, как и Манифест 17 октября 1905 г., не пошатнул позиций РПЦ. Как и раньше, государственные законы оставляли за ней право “первенствующей и господствующей”. Особенностью церковно-государственных отношений в то время был строгий контроль со стороны правительства за жизнью церкви. Ни один серьезный вопрос не решался без одобрения императора или губернской администрации. Сочетание интересов самодержавия и православия традиционно считалось основной опорой как церкви, так и государства.

Введение

В начале XX в. белорусские земли входили в состав Российской империи и состояли из пяти губерний: Минской, Витебской, Виленской, Гродненской и Могилевской. В этих губерниях существовало, соответственно, пять епархий: Минская, Полоцко-Витебская, Литовско-Виленская, Гродненская и Могилевская. В каждой епархии имелась кафедра викарного епископа (в Слуцке, Двинске, Ковно, Белостоке и Гомеле).

Российская империя вступила в XX век с рядом нерешенных проблем, которые стали причиной нарастающего кризиса в обществе относительно внутренней политики, проводимой государством в то время. В начале XX в. РПЦ оставалась частью государственного механизма и представляла собой многочисленную и разветвленную организацию. Духовенство было полностью интегрировано в самодержавную систему власти, т.к. наряду со своими прямыми религиозными функциями оно выполняло еще и функции государственных чиновников (регистрация актов гражданского состояния; составление списков юношей, пригодных в рекруты и т.д.). Николай II не освободил церковь и от полицейских функций, возложенных на нее еще Петром I. Отличительной чертой церковно-государственных отношений в то время был жесткий контроль со стороны правительства за жизнью церкви. Ни один серьезный вопрос по ее управлению не мог быть решен без одобрения императора, а на местах – без согласования с губернской администрацией [1, с. 121]. Сочетание интересов самодержавия и православия до 1917 г. традиционно считалось в Российской империи основной опорой и государства, и церкви.

Основная часть

Положение и деятельность РПЦ в российском государстве регулировалось законодательными актами. Так, согласно законам “Христианская Кафолическая Восточного исповедания” вера была первенствующей и господствующей, “хранителем ее догматов и блюстителем правоверия” считался император, в церковном управлении действовавший посредством Священного синода [2, с. 17].

Особенность положения в значительной степени определялась тем, что обер-прокурор при Синоде с 1835 г. получил права министра, благодаря чему он стал посредником между церковью и верховной властью. Все дела, касающиеся православного духовного ведомства, представлялись в высшие государственные учреждения и императору непосредственно через обер-прокурора, который, таким образом, стал фактически правителем церкви, осуществляя наблюдение за ней при помощи централизованного бюрократического аппарата. То есть епископы являлись лишь “ставленниками и орудиями Синода”, который сам “посредством обер-прокурора есть орудие государственной власти. Епископами повелевал Синод, Синодом – обер-прокурор, а последним – император” [3, с. 24].

В епархиях сохранялось двоевластие: епархиальный архиерей и духовная консистория, которая и была подотчетна не только синодальной бюрократии, но и местной государственной власти, т.к., в отличие от иных конфессий, требовалась санкция светской власти на то, чтобы открыть, например, больницу или новый приход [4, с. 5-6]. Но привычка надеяться на государственную помощь, в том числе и финансовую, не могла заставить отказаться от первенства среди других вероисповеданий.

Следует подчеркнуть, что официально отмечались праздники только православной церкви. В эти дни государственные учреждения и учебные заведения были закрыты, запрещалось совершать наказания по судебным приговорам. К праздничным дням, в соответствии с законом, были отнесены все воскресные дни в году, все двенадцатые праздники, некоторые дни памяти святых, а также дни рождения и тезоименитства императора, императрицы, наследника престола, дни восшествия на престол и коронации. Но стоит заметить, что власть, не имея эффективных инструментов воздействия на народные массы, “переложил”, таким образом, всю тяжесть идеологической кампании по подъему гражданского духа и патриотического сознания населения “на плечи” православной церкви. Это диктовалось и практическим расчетом. В праздничных литургиях, молебнах участвовало неизмеримо большее количество людей, чем в других мероприятиях, а это значит, что только церковная служба могла объединить все слои общества в единое целое.

Таким образом, в начале XX в. православная церковь на белорусских землях, входивших в состав Российской империи, наделенная статусом “первенствующей”, занимала доминирующее положение по сравнению с другими христианскими вероисповеданиями, что, однако, не обеспечивало невмешательства во внутренние дела государственных органов [3, с. 22].

Государственное подчинение нарушало важнейшее каноническое правило внутрицерковной жизни – соборность. Вопрос о церковных реформах в течение многих десятилетий был запрещенным. И поднимать его, по мнению С. Фирсова, было не столько опасно, сколько бесполезно, так как обер-прокурор Св. синода К.П. Победоносцев искренне полагал, что именно в церкви хранится необходимый России “запас простоты”, надеялся, что духовные средства позволят обойтись без переустройства “учреждений”. По мнению К.П. Победоносцева, любые разговоры о реформировании строя церковного управления мешали “нормальному” течению государственной жизни, поскольку церковь и царство в Российской империи представляли собой нераздельное целое. Идея церковной реформы не воспринималась Победоносцевым, т.к. он полагал, что быстрое и глубокое разрастание преобразований, связанных со взаимоотношениями церк-

ви и государства, грозит “опасностью подорвать самые основы, на коих зиждется вся жизнь государственная и народная”. Стремясь вернуть церковь к “исконным” основам, обер-прокурор ограничивал в ее жизни начала самоуправления и автономии. Несмотря на то что на протяжении почти двух столетий православная церковь существовала в теснейшей зависимости от государства и представить ее последствие даже частичного пересмотра синодальной системы при всем ее несовершенстве было непросто, современники понимали, что вопрос из теоретической плоскости неминуемо должен перейти в практическую. В начале XX в. на страницах газет и журналов (как церковных, так и светских) стали публиковаться статьи, осуждавшие существовавшие в Российской империи церковно-государственные отношения, унижительное положение церкви в обществе, падение ее авторитета и т.п. Суть критики сводилась к следующему: требовалось ослабление государственного контроля, предлагались различные меры по решению церковного вопроса [5, с. 13, 16, 411, 412, 417].

В начале XX в. среди священнослужителей крепло представление о Поместном соборе как о решительном шаге в деле упорядочения церковной жизни, включая государственно-церковные отношения. С. Фирсов заметил, что в проекте манифеста от 26 февраля 1903 г. [6, с. 113-114] имелся пункт, предполагавший разработку условий, “на которых могла бы быть расширена разумная свобода слова и совести, в согласовании оной с духом нашей Церкви и государственного строя”. Однако в окончательной редакции Николай II вычеркнул статью о свободе слова, фактически исключив и статью о свободе совести. Несмотря на это, важно отметить, что наряду с вопросом о положении православной церкви все-таки рассматривался и вопрос о свободе совести. Значит, светские власти понимали их взаимосвязь, хотя и не вполне представляли, как “технически” сохранить первенство и одновременно претворить в жизнь принцип свободы совести. С другой стороны, заявив в манифесте о необходимости участия клириков в жизни паствы, власти показали свою заинтересованность в большей, чем наблюдалось ранее, социальной активности православной церкви и выразили неудовлетворенность состоянием религиозного окормления мирян [5, с. 23].

Реформы в сфере религиозной политики активно готовились на протяжении 1904 г., результатом чего вполне можно считать подписание Николаем II 12 декабря 1904 г. указа “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка” [7, с. 1196-1198]. Император возвещал: “Мы всегда имели сердечное стремление обеспечить каждому из наших подданных свободу верования и молитв по велениям его совести”. Для разработки рекомендаций по выполнению шестого пункта указа “Об укреплении начал веротерпимости” было организовано Совецание министров и председателей департаментов Государственного совета. Перед этим органом была поставлена задача пересмотреть “узаконения о правах раскольников, а равно и лиц, принадлежавших к инославным и иноверным исповеданиям”. Речь о православной церкви не шла. Однако, как позднее писал митрополит Евлогий (Георгиевский), именно “реформа государственного устройства повлекла за собой и проект реформы Церкви” [5, с. 33-34]. На заседании комитета министров Петербургский митрополит Антоний (Вадковский) говорил о том, что государство должно видеть свою главную задачу не в ограничении прав иноверцев, а в том, чтобы как можно больше дать возможностей самой православной церкви в осуществлении своей деятельности [4, с. 10]. Положение РПЦ, продолжавшей пребывать под опекой и мелочным контролем

государства, побудило митрополита Антония (Вадковского) направить Николаю II записку “Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви”, в которой подчеркивалось то, что “освобожденная от прямой государственной или политической миссии, Церковь могла бы своим возрожденным нравственным авторитетом быть незаменимой опорой православного государства”.

Одновременно с митрополитом и С.Ю. Витте, тогда председатель Комитета министров, внес на обсуждение Комитета свою записку “О современном положении Православной Церкви”. Рассуждая с политической точки зрения, “мертвящее веяние сухого бюрократизма” он хотел ослабить пробуждением общественной деятельности. “Государству нужна от духовенства сознательная, глубоко продуманная защита его интересов, а не слепая вера в современное положение”.

В записках митрополита Антония и Витте подчеркивалось, что с предоставлением конфессиональной свободы все религиозные объединения империи будут в более выгодном положении, чем православная церковь, пребывающая и далее под мелочным контролем государства и лишенная возможности организовывать свою жизнь по собственному усмотрению. Записка-меморандум митрополита Антония стала четким документом, излагающим основные насущные вопросы русской церковной жизни, включающие созыв Поместного собора, которые надо было как можно скорее решать [4, с. 11]. В записке Витте вся петровская система управления церковью объявлялась незаконной, держащей церковь в “состоянии паралича”.

Проблема церковного реформирования была осложнена тем, что постановка ее совпала по времени с началом Первой российской революции и крупными изменениями в политическом строе.

1905 год был переломным не только для российской государственности, но и для РПЦ, чьи надежды на реформы и созыв Поместного собора также пришлись на время политических бурь. Но преобразование и обновление церкви стало и государственным делом, т.к. в церковной реформе власти, терявшие контроль над страной, видели одну из возможностей успокоить часть общества.

“Именным Высочайшим Указом Правительствующему Сенату” 17 апреля 1905 г. [8, с. 258-259], изданным в осуществлении “сердечного стремления монарха обеспечить каждому из его подданных свободы верования и молитв по велению его совести”, было повелено признать, что переход из православия в другое христианское вероисповедание не должен влечь за собой ни преследования, ни каких-либо ограничений личных или гражданских прав. Свободу вероисповедания получала многомиллионная масса старообрядцев. Указ освобождал “инославное” (христианских неправославных конфессий) духовенство от воинской повинности. Это был формальный отказ от прежнего положения, которое всего десять лет назад было провозглашено как непоколебимый догмат Победоносцевым: “Государство признает одно вероисповедание из числа всех истинным вероисповеданием и одну церковь, исключительно покровительствует и поддерживает к предосуждению всех остальных церквей и исповеданий”.

27 июля 1905 г. был издан указ о том, чтобы архиереи представили свои мнения о целесообразности церковных преобразований [4, с. 15]. Указ был издан по совету К.П. Победоносцева, который возлагал надежду на консерватизм провинциальных епископов. Но его расчеты не оправдались. Епископат живо откликнулся на запрос Св. Синода: с октября 1905 до весны 1906 г. в духовное ведомство поступали “отзывы”, “записки”, “мнения”, “предложения” архиереев о кардиналь-

ной перестройке всей синодальной системы [5, с. 50]. Были предложены разные пути по восстановлению патриаршества и других преобразований церковной жизни. Мнение будущего патриарха Сергия (Страгородского) в вопросе восстановления патриаршества было особенным. Учитывая то, что церковь управляется бюрократически и назначенные сверху епископы не являются представителями верующих и не пользуются таким авторитетом, чтобы обеспечить согласие всей церкви с их решениями, он считал, что Собор должен включать выборных представителей мирян и приходского духовенства с решающим голосом.

Епископы пяти белорусских епархий в своих отзывах также высказывались за проведение преобразований в РПЦ. Они поддержали идею о предстоящем избрании патриарха, о созыве Поместного собора для решения всех внутрицерковных вопросов. По их мнению, правом решающего голоса на предстоящем Соборе должно обладать только епархиальное начальство, а миряне и рядовые священники – только совещательным голосом [9, с. 73, 143, 195, 328].

По мнению епископа Полоцкого Серафима, способ избрания представителей мирян на Собор должен быть последовательным: “Прихожане церкви избирают на приходском сходе, без участия причта, выборщика. Затем эти приходские выборщики собираются по благочиниям совместно с духовенством” и избирают двух выборщиков – одного от духовенства, другого от мирян. От каждой епархии на Поместном соборе должно было присутствовать не менее двух представителей. Предполагалось выборы в приходах сделать открытыми, а далее – закрытыми. Епископ Полоцкий Серафим считал, что никакими условиями нельзя “стеснять свободу выборов” [9, с. 195, 196]. Такого же принципа придерживался и епископ Литовский Никандр.

Епископ Могилевский Стефан считал, что “собору поместному” должны предшествовать “соборы областные митрополичьи”, а им – “соборы епархиальные”, последним – “благочиннические и приходские собрания”, чтобы таким образом могло быть осуществлено представительство клира и мирян как от низших, так и от высших организаций. Поместному собору как “свободному и полномочному органу” должна принадлежать вся полнота власти [9, с. 143-145].

Вниманию было уделено проблеме реорганизации епархиального управления. По этому поводу высказывались различные предложения. Епископ Могилевский Стефан указывал на то, что к “улучшению епархиального управления” приведет широкая его децентрализация, то есть образование небольших административных единиц, которые самостоятельно будут заниматься решением дел, “подлежащих ныне ведению епархиального центрального управления” [9, с. 129-130]. Епископ Минский Михаил выступал за “освобождение консистории от ненужной обремененности” через предоставление ей большей самостоятельности “в канцелярском делопроизводстве” [9, с. 74]. Епископ Гродненский Никанор считал, что епархиальное управление “должно быть совершаемо через совет при епископе”, а все важные дела “могут быть разрешаемы” на ежегодном епархиальном соборе духовенства и мирян [9, с. 225]. Епископ Полоцкий Серафим выступал за объединение органов епархиального управления-консистории, училищного совета по церковным делам, епархиального попечительства о бедных и миссионерского комитета в одно целое [9, с. 203, 204].

Одобрили архиереи и принцип разделения Российской империи на церковные округа. Например, епископ Минский Михаил подчеркивал, что “при огромности государства, при многомиллионном количестве православных в централь-

ном управлении церковью скопляется множество церковных административных дел". Во избежание перегруженности работой центральных учреждений в дальнейшем он предлагал два варианта решения этой проблемы: расширить права епископов или разделить страну на церковные округа, находящиеся в полной зависимости от центрального управления [9, с.73, 74].

Отдельную позицию в вопросе разделения империи на церковные округа занимал лишь епископ Гродненский Михаил, сменивший на этой должности Никанора. По его мнению, это привело бы к осложнению внутрицерковной жизни, к "чрезмерному развитию канцелярщины" и "крайней затяжке в решении дел" [10, с. 807].

Архиереи затронули вопрос о преобразовании церковного суда [9, с. 74, 75, 135, 197-203; 10, с. 332, 333], вопрос о епархиальных съездах [9, с. 81-83, 85, 86, 131, 136, 206-208, 219, 220; 10, с. 336, 337], о реформировании духовно-учебных заведений [9, с. 78, 79, 136, 215-219, 225], о реформировании прихода [9, с. 75, 76, 124-128, 210-214, 225; 10, с. 333, 334].

Таким образом, архиереи пяти белорусских губерний на страницах отзывов в Св. синод в 1905 г. показали себя сторонниками реформирования института. Будучи едиными в намерениях по преобразованию "первенствующей и господствующей" религии, они расходились лишь в деталях по достижению намеченных целей.

17 декабря 1905 г. Николай II принимал трех митрополитов и дал указание о подготовке к проведению Собора "в ближайшее по возможности время". Но следует отметить, что прием митрополитов проходил в то время, когда в Москве продолжалось вооруженное восстание. И это совпадение было не случайным. Церковь по-прежнему являлась для самодержавия важнейшим средством идеологической обработки народных масс. По замыслу правительства Собор должен был оживить церковную проповедь и вновь подчинить влиянию церкви те слои населения, которые вышли из-под ее контроля. Ни что в это время не мешало созвать Собор. Но примечательно то, что высшее духовенство на этот раз действовало нарочито медленно. Иерархов, очевидно, пугала сложность внутриполитического положения, вызывали опасения и разногласия в самом духовенстве.

По инициативе митрополита Антония (Вадковского) и архиепископа Сергея (Страгородского) Св. синодом было создано Предсоборное присутствие из представителей духовенства и мирян. Произошло это, когда 16 января 1906 г. последовало высочайшее повеление учредить при Св. синоде Особое присутствие для подготовки к Собору.

Так, с 8 марта (с 6 марта – по мнению А. Николина и И.К. Смолича) по 15 декабря 1906 г. (со значительным пятимесячным перерывом с 13 июня по 1 ноября) по разрешению царя заседало Предсоборное присутствие, на котором не все участники высказались за восстановление патриаршества. Следует отметить, что противником восстановления патриаршества был и П.А. Столыпин, предпочитавший использовать церковь в качестве собственного рычага правительства для влияния на народ.

Работа Предсоборного присутствия происходила в семи отделах и в общем собрании. Отделами руководили и архиепископы белорусских епархий. Так, вторым отделом Предсоборного присутствия руководил архиепископ Литовский Никандр. В этом отделе рассматривался вопрос о разделении Российской империи на митрополичьи округа, об их организации и о преобразовании местного церковного управления. Четвертый отдел, председателем которого был назначен Могилевский епископ Стефан, исследовал одни из наиболее болезнен-

ных в церковной жизни вопросов – о благоустройении прихода, о церковной школе, о порядке приобретения церковной собственности, о епархиальных съездах и участии священнослужителей в общественных и сословных учреждениях [5, с. 54, 55]. Епископ Стефан (Архангельский) предлагал план реформ не сверху, а снизу: за реформой прихода как основной ячейки церкви следует реформа благочиний, затем епархиальных управлений и, наконец, высшего церковного управления.

Несмотря на то что в ходе обсуждения на пленарных заседаниях Предсоборного присутствия шла острая борьба между сторонниками радикальных реформ и их противниками (“традиционалистами”), члены Предсоборного присутствия пришли к заключению, что старые церковно-государственные отношения нужно лишь скорректировать, но принципиально не менять: они должны были строиться на факте принадлежности к православию русского царя [5, с. 423].

В процессе работы Предсоборного присутствия в апреле 1906 г. произошли изменения Основных законов Российской империи, была установлена Дума как законодательный орган власти, был принят указ о веротерпимости. Это еще более взволновало членов Присутствия, т.к., по их мнению, положение могло ухудшиться еще и потому, что ею, кроме царя, будет командовать еще и далекая от веры Дума, хотя поначалу Дума воспринималась ими как объединяющая сила всей Российской империи.

Присутствие предложило проект изменений Основных законов Российской империи, содержащий в себе 12 пунктов. Они должны были в условиях появления Государственной думы еще до Собора защитить церковь от вмешательства светских органов власти [4, с. 38].

Осенью 1906 г. стало ясно, что Предсоборное присутствие вскоре должно завершить свою деятельность [5, с. 57]. Трудно предположить, что заставило властей даже назначить конкретную дату завершения работы Предсоборного присутствия. Можно лишь отметить тот факт, что начало оно свою работу в один из наиболее острых периодов борьбы с революцией, а завершило в то время, когда революция была почти полностью подавлена. Возможно, снижение интереса светских властей к созыву Поместного собора было связано со стабилизацией политической обстановки в стране, т.к. в таких условиях укрепление церковной самостоятельности могло повлечь за собой корректировку церковно-государственных отношений [5, с. 53, 54].

Революция доказала, что метод сдерживания жизни в неизменных “формах”, которого придерживался Победоносцев, был для церкви весьма вреден и не спас ее от политических катаклизмов 1905 и последующих годов. Видимо, поэтому в эпоху думской монархии главная конфессия Российской империи по целому ряду вопросов, затрагивавших ее интересы, проявляла инициативу и активность.

Материалы Присутствия стали доказательством богословской зрелости и правильного понимания социальных вопросов тех лет, опровергая миф о пресловутой “реакционности” и исторической “отсталости” православных архипастырей, пастырей и активных мирян.

В 1905 г. Св. синод пытался добиться от императора согласия на созыв Поместного собора в Москве для избрания патриарха и обсуждения церковных преобразований. Но Николай II откладывал разрешение этих вопросов до “лучших времен”. Так, 25 апреля 1907 г. на сводный доклад Присутствия, представленный государю, была наложена резолюция: “Собор пока не созывать” [4, с. 41].

Возможно, потеряв с реформой 1905 г. прямую политическую власть над народом, царь воспринимал церковь как еще остающийся у него канал духовной связи с народом и некой духовной власти над ним.

Начиная с 1906 г. представители РПЦ, в том числе священнослужители белорусских губерний, активно участвовали в работе Государственной думы. Здесь нужно обратить внимание на то, что современниками еще тогда был поднят волнующий их вопрос: правомерно ли вмешательство депутатов (часть которых была инославной, а часть – вовсе неверующей), получивших право обсуждать церковные дела, вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви. Разрешить этот вопрос можно было лишь реформированием существовавших в то время церковно-государственных отношений. Без созыва Собора подобное оказывалось невозможно. Круг опять замыкался на церковной реформе [5, с. 73].

Заключение

Таким образом, в начале XX в. священнослужители уже четко осознавали необходимость созыва Поместного собора, который упорядочил бы церковную жизнь, включая государственно-церковные отношения. 1905 год стал переломным не только для российской государственности, но и для РПЦ, чьи надежды на реформы и созыв Поместного собора пришлись на время политических бурь. Проблема церковного реформирования оставалась нерешенной, а дата созыва Поместного собора все время откладывалась. Революция доказала, что метод сдерживания жизни в неизменных “формах”, которого придерживался К.П. Победоносцев, был для церкви весьма вреден и не спас ее от политических катаклизмов 1905 и последующих годов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Табунов, В.В.** Епископ Могилевский и Мстиславский Стефан (Н. Архангельский) о реформе православной церкви в начале XX столетия / В.В. Табунов // Гістарычнае і сацыякультурнае развіццё Магілёва : зб. навук. прац / уклад.: І.А. Пушкін, В.В. Юдзін. – Магілёў : Могилев. обл. укрп. тип., 2007. – С. 121–125.
2. **Свод Законов Российской Империи.** – СПб., 1906. – Т. I. – Ч. 1.
3. **Табунов, В.В.** Положение православной церкви на белорусских землях в конце XIX – начале XX века / В.В. Табунов // Материалы научно-методической конф. преподавателей и сотрудников по итогам научно-исследовательской работы в 2006 г., 7-8 февр. 2007 г.; под ред. А.В. Иванова. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2007. – С. 24–26.
4. **Митрофанов, Г.** История Русской Православной Церкви. 1900 – 1927 / протоиерей Георгий Митрофанов. – СПб. : Статис, 2002. – 442 с.
5. **Фирсов, С.Л.** Церковь в Империи: очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II : документы, воспоминания, свидетельства / Сергей Фирсов. – СПб. : Статис, 2007. – 462 с.
6. Манифест “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка” // Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. – 3-е изд. – Собрание Третье. – Том XXIII. – 1903. – Отделение I. – СПб., 1905.
7. Именной высочайший указ “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка” // Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. – 3-е изд. – Собрание Третье. – Том XXIV. – 1904. – Отделение I. – СПб., 1907.
8. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату “Об укреплении начал веротерпимости” // Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. – 3-е изд. – Собрание Третье. – Том XXV. – 1905. – Отделение I. – СПб., 1908.
9. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : в 2 ч. / [Ист. введ. А.Ю. Полунова, И.В. Соловьева, с. 3–38; редкол.: В. Чаплин и др.]. – М. : Изд-во Крутиц. подворья, 2004. – Ч. 1. – 840 с.

10. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : в 2 ч. / [Ист. введ. А.Ю. Полунова, И.В. Соловьева, с. 3–38; редкол.: В. Чаплин и др.]. – М. : Изд-во Крутиц. подворья, 2004. – Ч. 2. – 1031 с.

Поступила в редакцию 31.05.2012 г.

УДК 1(476)(091)

В.У. СТАРАСЦЕНКА

ІДЭЯ ТАЛЕРАНТНАСЦІ Ў АЙЧЫННЫМ РЭНЕСАНСНЫМ ГУМАНІЗМЕ І ПРАБЛЕМЫ САЦЫЯЛЬНАЙ ПРАКТЫКІ ВЕРАЦЯРПІМАСЦІ

У артыкуле аналізуецца развіццё ідэі рэлігійнай талерантнасці ў рэнесансна-гуманістычнай і рэфармацыйнай думцы ў Беларусі эпохі Адраджэння. Паказаны калізіі заканадаўчага замацавання і сацыяльнай практыкі верацярпімасці на мяжы XVI – XVII стст. Канцэпцыя верацярпімасці і свабоды рэлігійнага самавызначэння разглядаецца як неабходная ўмова захавання грамадзянскага міру і згоды ў поліканфесійным грамадстве.

Уводзіны

Гуманістычны і рэфармацыйны рух XVI ст. з’явіўся асновай для распрацоўкі ў айчынай думцы праблемы свабоды асобы. У творах шэрагу мысліцеляў аналізуюцца такія яе аспекты, як духоўная і рэлігійная свабода, роўнасць перад законам, эканамічная свабода, права на ўдзел у кіраванні дзяржавай. Патэнцыйна ідэя свабоды асобы прыкметная ўжо ў творчасці Скарыны, выявілася ў перакладзе біблейскіх кніг на народную мову, вольным звароце з біблейскімі тэкстамі, рацыянальным іх тлумачэнні, элементах ідэі асобнага стаўлення да Бога і веры. Ідэалы духоўнай свабоды знайшлі адлюстраванне ў поглядах ідэолагаў Рэфармацыі, у прыватнасці ў іх патрабаванні вольнага тлумачэння Свяшчэннага Пісання, асабістай веры і ўзгадненні з ёй розуму. Мысліцелі-гуманісты адстойвалі ідэю інтэлектуальнага плюралізму, выступалі за вольнае выражэнне меркаванняў, памяркоўнасць да сваіх ідэйных сапернікаў. “Я нікому не навязваю свайго меркавання, кожны можа пісаць і казаць, як яму будзе заўгодна”, – пісаў Сымон Будны. Падобныя погляды выказваў і іншы вядомы дзеяч Рэфармацыі Ян Ліцыйні Намыслоўскі [1, с 28-29]. Інтэлектуальны плюралізм быў знітаваны з вальнадумствам, ідэяй свабоднага абмеркавання пытанняў рэлігіі.

Асноўная частка

Адмысловае значэнне для складанай у этнаканфесійных адносінах дзяржавы – ВКЛ – мела распрацаваная мысліцелямі-гуманістамі канцэпцыя рэлігійнай свабоды. Ідэі талерантнасці і свабоды рэлігійнага самавызначэння прысутнічаюць у творчасці Ф. Скарыны, М. Гусоўскага, М. Літвіна, С. Зізанія, прадстаўнікоў рэфармацыйнай культуры другой паловы XVI ст. – М. Чэхавіца, В. Цяпінскага, С. Буднага і інш.

Філасофія талерантнасці, павагі да іншага з’яўлялася неад’емным атрыбутам гуманістычнай этыкі Скарыны. Паэтызуючы міралюбны характар беларусаў, М. Гусоўскі таксама выступаў супраць такіх парадкаў, калі іншы народ “у наступ ідзе, няшчадна ломіць і крышыць” і “тых пагалоўна губіць, іншай хто веры якой”,

калі “насаджае сілком ягоныя толькі абрады” [2, с. 24, 26]. Адстойваючы права чалавека на вольнае рэлігійнае самавызначэнне, Стэфан Зізаній пісаў у “Казаньі Святога Кирилла Патрыярхі Іерусалімскага”: “Не толькі до ереси отщепенства, але и до широе веры през квалт и войну абы жадного не притягали” [3, с. 34].

Істотную ролю ў станаўленні ідэалогіі рэлігійнай свабоды адыграў рэфармацыйны рух. Некаторыя дзеячы пратэстантызму, як прадстаўнікі новай канфесійнай культуры, асабліва ясна ўсведамлялі важнасць і неабходнасць сітуацыі верацярпімасці. Марцін Чэхавіц быў перакананы, што “ніхто нікога не павінен прымушаць да сваёй веры”, а “кожны, хто вызнае сваю веру, павінен карыстацца шырокай свабодай” [4, с. 480]. Агульнанацыянальныя інтарэсы для пратэстанта В. Цяпінскага былі вышэй рэлігійных рознагалоссяў. Паважліва ставячыся да праваслаўя і прынятай у “греческой” царкве царкоўнаславянскай мовы, ён выдаў Евангелле “двема языки зараз, и словенским и при нем тут то руским, а то найбільший словенским... яко они вси (праваслаўныя. – В.С.) везде во всех церквах чтут и мают” для “лепшое их вери” и “их самих цвичения” [5, с. 88]. Адстойваючы і прапагандуючы ідэі Рэфармацыі, крытыкуючы традыцыйныя хрысціянскія канфесіі за адступленне ад евангельскай “ісціны”, С. Будны ў той жа час заклікаў не канфліктаваць з-за веры. “Не дай Божа, – пісаў ён у кнізе “Аб асноўных артыкулах хрысціянскай веры”, – каб ваяваць за веру. Гэта звычай бязбожных людзей” [6, с. 117]. Ён глыбока абураўся з нагоды перамогі ў асяродзі швейцарскіх кальвіністаў рэлігійнай нецярпімасці, вынікам чаго стала падбухторванне жэнеўскіх улад да пакарання смерцю Мігеля Сярвета [5, с. 69].

У 1567 г. у Брэсце прыхільнікамі рэфармацыйных рухаў была выдадзена на польскай мове “Гісторыя аб жорсткім ганенні Царквы Божай у Немцах, Францыі, Англіі, Влохах, Гішпаніі і іншых землях...”. Кніга стала першым беларускім выданнем, у якім былі рэзка асуджаны канфесійныя ганенні ў краінах Заходняй Еўропы – пакаранні непажаданых царкоўных, грамадскіх і палітычных дзеячаў, кнігавыдаўцоў, пісьменнікаў, схаляроў, каментатараў. Па сутнасці, берасцейскае выданне напярэдадні Люблінскай уніі папярэджала грамадства ВКЛ і Польшчы аб пагрозе неталерантнасці, небяспекі вырашэння рэлігійных супярэчнасцей гвалтоўным шляхам [7, с. 125-127]. Выгадаваная ў духу рэлігійнай памяркоўнасці частка польскай, беларускай і ўкраінскай, галоўным чынам пратэстанцкай, шляхты адмоўна паставілася да абрання на трон Рэчы Паспалітай непрымірымага каталіка Генрыха Анжуйскага, які меў дачыненне да вядомых падзей 24 жніўня 1572 г. у Парыжы (Варфаламееўскай ночы). С. Будны выдаў у перакладзе на польскую мову ў Лоску кнігу Эрнеста Фрыза “Аб фурьях, альбо Аб французскім шаленстве”, дзе апісвалася расправа над пратэстантамі-гугенотамі [6, с. 42]. Звяртае на сябе ўвагу нядобразычлівае стаўленне да Генрыха Валуа, прадэманстраванае беларуска-літоўскім летапісаннем. Па паведамленні Хронікі Літоўскай і Жмойцкай, як толькі да нядаўна абранага манарха “новина пришла о смерти короля (Францыі. – В.С.).., уехал потаемне в ночи з замку Краковскаго” [8, с. 117]. Па версіі М. Каяловіча, “Варфоломеевская резня во Франции взволновала в Литве умы всех разноверцев” і прымусіла Генрыха, устрывожанага гэтымі хваляваннямі, адмовіцца ад польскага трону [9, с. 38].

Верацярпімасцю адрозніваліся погляды Міхалона Літвіна, аўтара трактата “Пра норавы татараў, літоўцаў і масквіян”. Ён імкнуўся без канфесійнай прадужытасці ацаніць усё тое пазітыўнае, што ёсць у культуры і традыцыях розных народаў, нават тых, якія нярэдка выступалі ваеннымі сапернікамі “Літвы”. Так, Літвін прызнае “слушнасць” і “адвагу” масквіян і татараў, звяртае ўвагу на іх

маральнае аблічча; падкрэслівае справядлівасць іх судаводства [10, с. 27, 33, 37, інш.]. У “Пяці лістах супраць Скаргі” і іншых сваіх сачыненнях Андрэй Волан выступаў з асуджэннем рэлігійных войнаў, даказваў, што людзі “вольныя дзейнічаць так, як ім падказвае сумленне”, што воля з’яўляецца прыроджанай уласцівасцю чалавечай прыроды [11, с. 59-63].

Верацярпімасць панавала ў заснаванай Янам Кішкай Іўеўскай школе, рэктарам якой у 1585 – 1593 гг. быў Ян Намыслоўскі. “Прыходзьце ж усё, хто шануе радзіму, – запрашала вучняў Слуцкая кальвінісцкая школа. – Веравызнанне не ўяўляе для нас ніякага значэння... хай нікога не адштурхне ад нашага парога разыходжанне ў рэлігіі” [12, с. 95]. Пра талерантныя адносіны паміж каталікамі і праваслаўнымі ў XV – XVI стст. (у адрозненне ад наступнага XVII ст.) сведчаць, напрыклад, Статуты брацтваў. Так, паводле Статута брацтва віленскіх купцоў у гэтую карпаратыўную арганізацыю мяшчан маглі “впісывацца” і бралі ўдзел у братэрскіх застольях “люди духовные якогуж кольвекъ стану, Римской вѣры и Греческой”. Там жа падкрэслівалася: “... одно, въ томъ братствѣ каждому права достояти и розсудку ихъ братского послушными бытии” [13, с. 270-271]. Дух ліберальных ідэй Адраджэння, рэлігійная талерантнасць шмат у чым вызначылі характар светапогляду беларускіх мысліцеляў XVI – XVII стст. [14].

Беларускай думкай эпохі Рэнэсансу была высока адзначана плённасць сітуацыі канфесійнага плюралізму. Паняцце “залатое стагоддзе” стала метафарай другой паловы XVI ст. – часоў адноснай верацярпімасці і грамадскай згоды ў ВКЛ (мемуары Фёдара Еўлашоўскага, “Лабірынт” Фамы Іяўлевіча, “Сінопсіс” 1632 г. і інш.). У дадзеным сэнсе гэтае паняцце ўпершыню выкарыстоўвае Ф. Еўлашоўскі. Апісваючы падзеі 1560 – 1590-х гг., ён адзначаў у сваіх “Гістарычных запісках”, што канфесійныя адрозненні не выклікалі ў той час варожасці, не з’яўляліся перашкодай для адносін добрасуседства, сацыяльнай згоды, што назіраецца ў новым стагоддзі. “На он час, – піша ён, – розност вяры не чинила наимнейшей розности в милости приятельской, для чого самого **тамтот век золотым ми се види от нинейшого веку** (выдзелена намі. – В.С.), кгде юж и межн еднэй вяры людьми облуда все заступила, а покготовю межн розными вяры анисе пытай о милост щирость и правдиве добрѣ заховане...”. Прыводзіцца Еўлашоўскім і вельмі красамоўны прыклад талерантнасці ў адносінах паміж каталікамі і пратэстантамі. Аўтар распавядае пра сваё знаходжанне ў гасцях у віленскага каталіцкага святара (“каноніка”) Барталамея Нядзвідзкага. Былы там “влохи” (італьянцы), пазнаўшы, што Еўлашоўскі “евангелик”, г. зн. пратэстант, “дивовали се барзо, яко ме смел князь каноник на обед свой взывать”. Нядзвідзкі растлумачыў: “В нас з того жадна ненависть не была и милуемы се яко з добрыми приятылы”, на што “влохи” заявілі, што “ту бог живе, а кгнили свое домовѣ права” [15, с. 91-92].

Вядома, талерантнасць не з’яўлялася абсалютнай і бязмежнай. Міжканфесійныя і міжэтнічныя адносіны насілі неадназначны і супярэчлівы характар, вызначалася канкрэтна-гістарычнымі ўмовамі, знаходзіліся пад уздзеяннем сярэднявечных стэрэатыпаў і забабонаў, што выразна выявілася ў стаўленні да нехрысціянскіх народаў і веравызнанняў, уключаючы габрэйска-іудзейскую супольнасць ВКЛ, татараў-мусульман, цыганоў.

Бясспрэчнае дасягненне беларускай грамадскай думкі эпохі Адраджэння – замацаванне ідэй верацярпімасці ў заканадаўстве. Вядома, што ў XVI ст. правы шляхты, незалежна ад веравызнання, абвяшчаліся граматамі вялікіх князёў літоўскіх 1492, 1506, 1529, 1547 і 1551 гг. Апошні абмежавальны артыкул (п. 9)

Гарадзельскага сойма 1413 г., згодна з якім толькі каталікі дапускаліся ў гаспадарчую раду, быў адменены прывілеем 1563 г. Жыгімонта II Аўгуста. Паводле гэтага дакумента прывілеі “подданных костелу Римскому” распаўсюджваліся на “все иные стану рыцарского и шляхетского, яко Литовского так и Руского народу, одно бы были веры хрестиянской” (г. зн. на праваслаўных і пратэстантаў) [13, с. 120], што было пацверджана затым на Гарадзенскім сойме 1568 г. Рэлігійная талерантнасць у якасці стабільнай прававой нормы фіксуецца ў вышэйшых заканадаўчых актах ВКЛ. Статут ВКЛ 1529 г. пацвердзіў усе правы і царкоўныя прывілеі “так латинского закону, яко и греческого” [16, с. 31]. Раўнапраўе падкрэслівалася і ў другім Статуце ВКЛ (1566), падрыхтаваным спецыяльнай камісіяй з пяці асоб “веры грэчаскай” і пяці – “рымскай” [17, с. 68].

Адным з самых талерантных заканадаўчых актаў Еўропы таго часу з’яўляўся Статут ВКЛ 1588 г. У прадмове да яго канцлер Леў Сапега, звяртаючыся да ўсіх саслоўяў Вялікага Княства Літоўскага, абвясціў прынцып свабоды вышэйшай каштоўнасці: “обачывали то усих веков люди мудрые, же в каждой речы посполитой человеку почтивоуму ничего не маеть быти дорожшого над вольность. А неволею так се маеть гыдити, же не только скарбами, але и смертью ее од себе отганяти ест повинен” [18, с. 47]. Апошні Статут ВКЛ уключаў поўны тэкст маніфеста рэлігійнай памяркоўнасці – Акт Варшаўскай канфедэрацыі 1573 г. Талерантнасць абвешчалася ў трэцім артыкуле трэцяй часткі Статута, які меў назву “О захованью в покою всех подданных наших обывателей того паньства з стороны розного розуменья и уживанья набоженства хрестиянского”. “А иж в Речи Посполитой ест розность немалая з стороны веры хрестияньское, забегаячы тому, абы се с тое причины межы людьми зашетье якое шкодливое не вцело, которую по иных королевствах ясне видим, – абвешчалася ў ім, у прыватнасці, – обещуем то себе сполне за нас и за потомки наши на вечные часы под обовязком присеги, под верою, честью и сумнением нашим, иж, которые естесмо розни в вере, покой межы собою заховати, а для розное веры и отмены в костелех крови не проливать...” [18, с. 113]. Рэлігійная талерантнасць у краіне забяспечвалася таксама дараванымі граматамі канкрэтным цэрквам, кляштарам, брацтвам.

Безумоўна, заканадаўчае замацаванне ідэі верацярпімасці і роля ў гэтым кіруючай эліты ВКЛ і Рэчы Паспалітай не павінны ідэалізавацца. Лібералізацыя рэлігійнага заканадаўства адбывалася, як правіла, пад уплывам пагрозы распаду краіны па нацыянальна-канфесійнай прыкмеце, росту знешняй небяспекі, ва ўмовах неабходнасці кансалідацыі пануючага класа і народа ў цэлым. У другой палове XVI ст. вызначальным фактарам стаў рэфармацыйны рух. Заўважым, што феодалы-пратэстанты ў 1569 г. займалі 38 месцаў у сенаце Рэчы Паспалітай з 73 [11, с. 201]. Акт Варшаўскай канфедэрацыі 1573 г. быў прыняты пад націскам моцнай пратэстанцка-праваслаўнай партыі [19, с. 17] “падчас бескаралеўя” і адлюстраванне памкнення захаваць “непадзельнасць Рэчы Паспалітай” і грамадскі мір: “А иж то до покою много належыть, абы розницы межы станы гомованы были...” [18, с. 113]. На працэсы міжканфесійнага ўзаемадзеяння і рэлігійную памяркоўнасць на месцах уплывала канфесійная пазіцыя буйных зямельных уласнікаў і дзяржаўных дзеячаў – Астрожскіх, Радзівілаў, Саламірэцкіх, Валовічаў, Сапег і інш. Правы “грэчаскай царквы” даволі паспяхова абаранялі праваслаўныя феодалы, якія доўгі час складалі большасць шляхецкага саслоўя. Патронамі рэфармацкіх цэркваў з’яўляліся ў свой час Радзівілы, Кішкі, Валовічы і іншыя, якія паспяхова адстойвалі правы сваёй канфесіі.

Неабходнасць захавання канфесійнай і грамадскай згоды становіцца асабліва актуальнай пасля Люблінскай уніі 1569 г. у сувязі з актывізацыяй Контррэфармацыі. Ідэолагі Контррэфармацыі займалі кардынальна іншую, чым рэнесанс-гуманістычная, пазіцыю ў галіне свабоды рэлігіі. Яны адстойвалі ідэю перавагі каталіцызму над іншымі веравызнаннямі і неабходнасці ўсталявання ў Рэчы Паспалітай адзінай каталіцкай прасторы. У працы “Працэс супраць канфедэрацыі” Пётр Скарга выступіў супраць Варшаўскага акта 1573 г., назваўшы яго “дзікім, страшэнным, воўчым, тыранскім правам” [11, с. 109].

Барацьба за рэлігійную свабоду стала адным са складальнікаў грамадска-палітычнай і нацыянальнай свядомасці беларусаў і ўкраінцаў у XVII ст. У сувязі з абвешчанай у 1596 г. Брэсцкай царкоўнай уніяй у канцы XVI ст. адбылося рэзкае абстраэнне рэлігійна-этнічных супярэчнасцей і канфесійнага супрацьстаяння. Акт 1573 г. і Статут ВКЛ 1588 г. не перашкодзілі дзейнасці Контррэфармацыі. Праваслаўна-пратэстанцкі з’езд 1599 г. канстатаваў: “Вопрэкі сей канфедэрацыі (1573 г. – В.С.), вопреки привилегиям и грамотам... уже свободою, принадлежащею отчинам и сынам сей республики... похвалиться не можем” [20, с. 18-19]. З 1596 г. па 1660 г. не было прынята ніводнай пастанова, што змяніла б заканадаўства на шкоду праваслаўю. Але велізарная колькасць палітыка-юрыдычных актаў, якія гарантавалі правы праваслаўнай царквы, не сталі сур’ёзнай перашкодай гвалту і дыскрымінацыі ў стаўленні да яе прыхільнікаў у канцы XVI – XVII стст.: “Что терзает наши утробы? То, что права наши нарушены и вольность попорна; священные храмы... запечатаны... Знаменитые наши особы изгнаны из правительства только за то, что они Русские...”, – гаварылася ў “Сінопсісе” 1632 г. [21, с. 89-90].

Барацьба за свабоду рэлігіі і рэлігійнага самавызначэння з канца XVI ст., у перыяд актывізацыі феадальна-каталіцкай Контррэфармацыі, становіцца важнейшым аспектам змагання за свабоду асобы, што найбольш ярка адлюстравана ў палемічнай літаратуры вакол Брэсцкай царкоўнай уніі [22; 23, с. 70-99; інш.].

У той жа час канец XVI – XVII стст. паказалі, што талерантны беларускі народ не быў схільны пасіўна назіраць, як парушаюцца яго “старажытныя свабоды”. Гісторыя ў чарговы раз пацвердзіла, што “ўсякія гвалтоўныя меры ў справе рэлігійнай місіі не толькі не вядуць да жаданай мэты, але, насупраць, заўсёды немінуча цягнуць за сабой супраціў” [19, с. 11]. Магутны націск на ўрадавую палітыку аказвала казачства [24, с. 146-153; 25, с. 195-213]. “На Запорожских казаков нужно оглядываться, чтобы они не сделали нам чего худого, – пісаў у 1621 г. Іосіфу Руцкаму Леў Сапега, – у них сила много значит” [26, с. 30]. А ў далейшым народныя выступленні 1648 – 1650 гг. вымусілі напалоханага імі караля Яна Казіміра нават даць фармальнае абяцанне (у грамаце 1650 г.) “унию истребить” [21, с. 113, заўвага]. Шырокі братэрскі рух, пазіцыя разважлівых палітыкаў і патрыятычна настроенай шляхты і казачства, цвёрдасць і ў той жа час палітычны прагматызм часта беларускага і ўкраінскага праваслаўнага духавенства прывялі да пэўных уступак з боку ўрада. У 1632 – 1635 гг. былі прыняты і рэалізаваны т.зв. “артыкулы заспакаення рэлігіі грэчаскай”, прызнана легітымнасць праваслаўнай веры і іерархіі. Уладзіслаў IV, які падпісаў гэтыя “артыкулы”, пайшоў на гэты крок, маючы патрэбу ў падтрымцы праваслаўных дэпутатаў для свайго абрання на трон Рэчы Паспалітай. Тыя ж, як адзначалася ў каралеўскім дэкрэце, “не хотели приступить к окончанию сейма, дабы все в статях изображенное получить” [27, с. 204]. Аднак палавінчатасць прынятых рашэнняў, захаванне шэрагу дыскрымінацыйных нормаў (забарона “неунитам” мець царквы

ў Полацку, Віцебску і Навагрудку і інш.) не вырашылі праблемы кардынальна, яны толькі зменшылі на час напал рэлігійнага супрацьстаяння.

Рэлігійнае пытанне ў Рэчы Паспалітай зноў абвастрылася ў выніку войн сярэдзіны XVII ст. Расце рэлігійная нецярпімасць да “дысідэнтаў” (праваслаўных і пратэстантаў). У сярэдзіне 1650-х гг. з краіны былі выгнаны сацыніяне, у 1668 г. сойм забараніў пад пагрозай выгнання пераходзіць з каталіцызму ў іншыя веравызнанні. У гэтай пастанове прама прадпісвалася: “Ариане и отступники от Католической веры, равно как и от унии, перешедшие в другое вероисповедание, не должны пользоваться покровительством сеймовых конституций, обеспечивающих свободу вероисповеданий... отступников же вышеупомянутых должно наказывать изгнанием из отечества...”. Рашэнне гэта прадвызначыла ўсю канфесійную палітыку Рэчы Паспалітай на працягу XVII – XVIII стст. [27, с. 47]. Да канца стагоддзя, нягледзячы на канфесійныя пункты “Вечнага міру” 1686 г. паміж Рэччу Паспалітай і Расіяй, каталіцкі наступ узмацняецца. Шырыцца практыка адымання праваслаўных і пратэстанцкіх цэркваў, выгнання праваслаўных з магістратаў і г.д. У езуіцкім асяроддзі распрацоўваецца “праект знішчэння” не толькі праваслаўнага, але і ўніяцкага веравызнання, Усеагульная канфедэрацыя 1696 г. пастанаўляе перавесці дзяржаўнае справаводства на польскую мову. “Чым далей, тым усё больш і больш губіцца палітычны розум сойму. Усё часцей і часцей выдаюцца пастановы праціў дысідэнтаў...”, – ацэньваў тагачасную сітуацыю У. Ігнатоўскі [24, с. 139]. У 1732 г. дысідэнты былі пазбаўлены права быць абранымі на соймы, у трыбуналы і якія-небудзь камісіі. Сойм 1764 г. прыняў пастанову караць смерцю тых, хто пераходзіць з каталіцызму ў іншыя веравызнанні [28, с. 565], у 1766 г. сойм ухваліў як закон прапанову кракаўскага біскупа лічыць “ворагам дзяржавы кожнага, які асмеліцца сказаць на сойме прамову на карысьць інаверцаў” [24, с. 139].

Заклучэнне

Па сутнасці, на мяжы XVI – XVII стст. у гісторыі Беларусі і Украіны адбыўся чарговы “цывілізацыйны разлом”. Дзяржава і палітычная кіруючая эліта адмовіліся ад выпрацаванай рэнесансна-гуманістычнай думкай канцэпцыі верацярпімасці, канфесійны выбар быў зроблены на карысьць уніі, гвалтоўнай каталіцкай канверсіі беларусаў. Гэты выбар заклаў канфесійныя і палітычныя канфлікты і супярэчнасці, прадвызначыў драматызм наступнага рэлігійнага і нацыянальна-культурнага развіцця Беларусі і Украіны.

Адмова ўрада Рэчы Паспалітай ад палітыкі верацярпімасці і ўзмацненне нацыянальна-рэлігійнай дыскрымінацыі спрыялі абясцэньванню паняцця “айчына”, істотна саслаблялі патрыятычныя пачуцці грамадзян, паслужылі адной з асноўных перадумоў распаду Рэчы Паспалітай. Ва ўмовах стварэння ў краіне антыўрадавых канфедэрацый і прамога націску Расіі, Аўстрыі і Прусіі прадпрымаліся спробы змякчыць рэлігійнае заканадаўства. Так, свабода веравызнанняў пры захаванні дзяржаўнага статуса каталіцызму была прадэкларавана ў Канстытуцыі 3 мая 1791 г., аднак гэта ўжо не змагло спыніць працэс крушэння палітычнага рэжыму Рэчы Паспалітай. Здарылася тое, пра што папярэдзвалі патрыёты гэтай дзяржавы на мяжы XVI – XVII стст., якія ўбачылі ў рэлігійным гвалце і адыходзе ад талерантнасці пагрозу агульнаму дабру, адзінству, цэласнасці грамадства, суверэнітэту краіны: “Вижу, иж то к остатней згубе всее короны Польское идет: бо за тым ниhto своего права, ани вольности беспечен уже не будет, и в коротком часе приидет до великого замешаня...” [29, с. 186]. Пра роцкімі сталі словы караля Яна Казіміра на сойме 1661 г.: “Придетъ время, когда Рѣчь Поспо-

литая, ослабленная собственными раздорами, сдѣлается добычею соседей: Бранденбургія возьмет Пруссію, Москва Русь Бѣлую, Австрія Краковъ. О! да буду я лжепророкомъ!” [30, с. 237]. У выніку падзелу Рэчы Распалітай у другой палове XVIII ст. беларускія землі ўваходзяць у склад Расіі. Рэлігійныя адносіны на іх сталі рэгулявацца імперскім заканадаўствам, якое, аднак, прадугледжвала новыя абмежаванні ў справах рэлігіі, аднак ужо на карысць праваслаўя.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии (дооктябрьский период). – Минск : Наука и техника, 1977. – 280 с.
2. **Гусоўскі, М.** Песня пра зубра / М. Гусоўскі ; пер. с лац. Ул. Шатона. – Мінск : БГАКЦ, 1994. – 47 с.
3. **Зизаний, С.** Казань Святого Кирилла Патрыярхі Іерусалімскага о антхрыстѣ и знаках его з розширеніем науки против ересей розъных / С. Зизаний. – Вільна : Друк. Брацкая, 1596.
4. Literatura arianska w Polsce XVI wieku. Antologia. – Warszawa : Książka i wiedza, 1959. – 664 s.
5. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: Избранные произведения XVI – начала XIX в. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1962. – 524 с.
6. **Саверчанка, І.В.** Сымон Будны – гуманіст і рэфарматар / І.В. Саверчанка. – Мінск : Універсітэцкае, 1993. – 223 с.
7. **Галенчанка, Г.Я.** Невядомыя і малавядомыя помнікі духоўнай спадчыны і культурных сувязей Беларусі XV – сярэдзіны XVII ст. / Г.Я. Галенчанка. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 458 с.
8. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1975. – Т. 32. – 235 с.
9. **Коялович, М.** Литовская церковная уния / М. Коялович. – СПб. : Тип. Н. Тихмева, 1859. – Т. 1. – V, 315 с.
10. **Литвин, М.** О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. – М. : Тип. А. Семена, 1854. – Кн. 2, вторая половина. – Отд. V. – С. 1–77.
11. **Сокол, С.Ф.** Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII в. / С.Ф. Сокол. – Минск : Наука и техника, 1984. – 188 с.
12. Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост. Э.К. Дорошевич [и др.]. – М. : Педагогика, 1986. – 460 с.
13. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссіею. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1848. – Т. 3. – 342 с.
14. **Падокшын, С.А.** Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: Ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага / С.А. Падокшын. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 285 с.
15. **Свяжынскі, У.М.** “Гістарычныя запіскі” Ф. Еўлашоўскага / У.М. Свяжынскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 123 с.
16. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 253 с.
17. **Бардах, Ю.** Дачыненні паміж каталікамі і праваслаўнымі ў Вялікім Княстве Літоўскім (канец XIV – XVII ст.) / Ю. Бардах // Беларускі гістарычны агляд. – 1994. – Т. I. – Сш. 1. – С. 66–81.
18. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 573 с.
19. **Завитневич, В.З.** Палинодия Захарии Копыстенскаго и ея место в истории Западно-Русской полемики XVI и XVII вв. / В.З. Завитневич. – Варшава, 1883. – 487 с.
20. Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности (Из исторических материалов, помещенных в “Вестнике Западной России”, и из других печатных источников). – Вильна : Тип. губ. правл., 1866. – Вып. 2. – 281, VIII с.
21. **Бантыш-Каменский, Н.** Историческое известие о возникшей в Польше унии / Н. Бантыш-Каменский. – М. : Синод. тип., 1805. – 454 с.

22. **Кутузова, Н.А.** Нация, религия и государственность в полемической литературе Беларуси конца XVI – XVII вв. : учебное пособие / Н.А. Кутузова. – Минск : Тип. “Клибр”, 1998. – 111 с.
23. **Старостенко, В.В.** Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X – XVII вв.) / В.В. Старостенко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2001. – 200 с.
24. **Ігнатоўскі, У.М.** Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У.М. Ігнатоўскі. – 5-е выд. – Мінск : Беларусь, 1991. – 190 с.
25. **Коялович, М.** Литовская церковная уния / М. Коялович. – СПб., 1861. – Т. 2. – 442 с.
26. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси. – Вильна : Печатня губ. правл., 1867. – Т. 2. – 394 с.
27. Уния в документах : сб. / сост. В.А. Теплова, В.И. Зуева. – Минск : Лучи Софии, 1997. – 520 с.
28. Гісторыя Беларусі : у 2 ч. – Ч. 1 : Са старажытных часоў да канца XVIII ст. : курс лекцый / І.П. Крэнь [і інш.]. – Мінск : РІВШ БДУ, 2000. – 656 с.
29. Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношения к России и к Польше. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1865. – ССП, 658 с.
30. **Турчинович, О.** Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен / О. Турчинович. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1857. – 303 с.

Паступіў у рэдакцыю 25.01.2012 г.

УДК 94(476)

В.Б. ЕВАРОЎСКИ

СЯРЭДНЯВЕЧНАЯ ШТОДЗЁННАСЦЬ У БЕЛАРУСІ: ГІСТОРЫКА-ФІЛАСОФСКАЯ РЭКАНСТРУКЦЫЯ

Тая першасная аснова, на якую накладваліся ўсе пазнейшыя інтэлектуальныя ўплывы, – гэта традыцыйная, ці архаічная, культура, базавыя светапоглядныя параметры якой забяспечвала сістэма звычайнага права, ці так званы комплекс праўд, прывязаны да пэўных этнічных структур. Узнікшая на шляху дэсакралізацыі міфалагічнай свядомасці, традыцыйная культура будавала сваю светапоглядную парадыгму не праз характэрныя для рэлігіі і міфалогіі ўзаемаадносінны зямнога і нябеснага, але праз своеасаблівую разметку штодзённасці. Архаічная свядомасць заснавана на вельмі выразнай разгортыцы чалавечых патэнцый ад цэнтра свету – дому – праз блізкі свет суседскай абшчыны да свету далёкага, які ўключае ў сябе ўвесь свет – спазнаны і неспазнаны.

Уводзіны

Любая культура, узятая ў сваёй цэласнасці, адразу пераўтвараецца ў карпускулярнасць, паколькі кожны яе элемент, як мікра-, так і макраплана, гэта перш за ўсё перакрывае не толькі розных прасторавых, але і часавых плыняў. Падобна да таго як сёння любы прадстаўнік сучаснага беларускага грамадства заўсёды ёсць дзіце розных культур і тэмпаральна розных лакун, так і ў тыя далёкія часы, пэўна, не было ні асоб, ні сацыяльных пластоў, якія можна было б назваць “чыста рэнесанснымі”. Больш за тое, феномен традыцыйнай культуры, ці культуры, якая папярэднічала ўсім сучасным эпохам і перыядызациям, упэўнена працягваў заставацца трывала дзейным чыннікам, далека не маргінальным.

Пачатковым элементам шматлікіх канфігурацый быцця як заходнееўрапейскага, так і славянскага соцыумаў можна лічыць вызначаны шэраг (да падрабяз-

най характарыстыкі яго карэнных элементаў мы збіраемся прыступіць ніжэй) першасна зафіксаваных складнікаў, якія абумовілі з’яўленне норм грамадскага рэгулявання і сталі зместам варварскіх праўд. Прычым паўстаўшы досыць даўно, гэтыя нормы мелі значна большае па працягласці існаванне, чым традыцыйна прызнаныя ўтварэнні. Такім чынам, не ў фармальнай практыцы праваўжывання, але ў светапогляднай сітуацыі яны апынаюцца важным фактарам фарміравання ідэалогіі і грамадскай свядомасці аж да пачатку XVI ст., з’яўляючыся адначасова важнай перадумовай беларускага права і юрыдычнага мыслення эпохі Адраджэння.

Асноўная частка

Першыя ўзоры еўрапейскага звычайнага права (рэдакцыі Салічнай Праўды (Lex Salica) [1; 2]) з’явіліся да другой паловы першага тысячагоддзя хрысціянскай эры [3]. Структурныя і тэксталагічныя характарыстыкі дакументаў гэтага тыпу быццам падобныя паміж сабой. Больш таго, набор артыкулаў той ці іншай праўды не ў шматлікіх выпадках можна назваць унікальным. Кожная з Праўд (дэталёвае даследаванне адной з іх можа скласці мэту аднаго ўзятага жыцця) усё ж мае тую адметную характарыстыку, што адрознівае яе ад усіх астатніх, а менавіта яе назва. Калі ўсё астатняе падобна, то менавіта апошняе заўсёды рознае. У раннім Сярэднявеччы мы маем мноства Праўд: Салічную, Лангабардскую, Баварскую, Рускую.

Сярэднявечнае слова “праўда” паліморфнае. З аналізаваных намі дакументаў, якія ўключаюць у сваю назву гэтае слова, можна ўбачыць, напрыклад, некалькі непадобнае з сучасным значэнне гэтага слова, а менавіта пазначэнне суда, г.зн. працэдуры здабывання праўды.

У гэтым выпадку характэрным з’яўляецца артыкул 81 Вялізнай Праўды, у якім гаворыцца пра тое, што “ты цяжэ все судять послухи свободными, будеть ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити” [4, с. 105]. Аднак пазначэннем суда значэнне старажытнарускага слова “праўда” не вычэрпваецца. Як і іншыя шматлікія ключавыя словы эпохі традыцыйнага грамадства, слова “праўда” можна разглядаць “продкам” некалькіх значэнняў у сучаснай беларускай мове – анталагічна-філасофскага “праўда”, комплексу слоў, злучаных з правам і правамі чалавека. Вяртаючыся да сярэднявечнага грамадства, можна адзначыць, што ў гэтых умовах праўду і закон у цікавай для нас зараз сферы грамадска-палітычных адносін часта разглядалі як сінонімы. І гэта атрымала сваё ўключэнне ў першааснову айчыннай гісторыі. Мы маем на ўвазе цытату з Хронікі Георгія Амартола, уключаную ў “Аповесць мінулых часоў”: “Глаголетъ Георгий в летописаньи. Ибо комуждо языку овемъ исписянь законъ есть, другимъ же обычаи, зане законъ безаконьникомъ отечестве мнится” [5, с. 15].

Атрымаўшы сваю мову, старажытнарускія землі набылі права на ўласную праўду. Прайшлі стагоддзі – і ўжо Вялікае Княства Літоўскае праз сваю ўласную мову заявіла прэтэнзію “людзьмі звацца”, судзіцца па ўласным законе. Усё ўпісваецца ў сярэднявечны канон, калі людзі адрозніваліся паміж сабой, перш за ўсё зыходзячы з таго, па якім законе яны жылі і якіх традыцый прытрымліваліся. Няважна, што ў гэтых традыцыях было няшмат адрозненняў, важна, што гэтыя адрозненні дэклараваліся. Гэта значыць, мы маем тут справу са своеасаблівым сярэднявечным нацыяналізмам. Напрыклад, Тацыт у “De origine et situ Germanorum” піша пра тое, што “германцаў як такіх трэба разглядаць як аба-

рыгінальных, якія не змешваюцца з іншымі расамі праз іміграцыю і палавыя адносіны” [6, с. 460]. Такім чынам, паводле Тацыта, германцы імкнуліся не змешвацца з іншымі плямёнамі. Як пісаў Георгій Амартол (гэту цытату мы прыводзілі вышэй), кожны народ жыве па сваім законе. Больш за тое, як гэта будзе паказана далей, мае месца той факт, што быць правасуб’ектам той ці іншай этнічнай версіі закону азначае быць чалавекам вольным. У сучаснай мове воля – паняцце шматзначнае, акрамя таго, не ўсе сучасныя сэнсы могуць быць прама экстрапаляванымі на тыя часы. Напрыклад, у англійскай мове ёсць некалькі слоў для абазначэння паняцця “воля”, асноўныя з іх – *liberty* і *freedom*. У слове “*freedom*” адзін з найстаражытнейшых англійскіх прыметнікаў *free* спалучаецца з не менш фундаментальным суфіксам *-dom*, які сімвалізуе нешта сталае і нязменнае. У адрозненне ад “*freedom*” слова “*liberty*”, несумненна пазнейшае па паходжанні, асацыіруецца менавіта з ідэяй вызвалення, пераходам са стану паднявольнасці ў стан волі. Разгледзім этымалогію англійскага слова “*freedom*”, узяўшы для аналізу адпаведныя артыкулы найвялікшага і аўтарытэнейшага слоўніка англійскай мовы “*Unabridged Webster’s Dictionary*” [7]. *Freedom, free, frank, Frank* – з гучання гэтых слоў можна выказаць здагадку не толькі аб іх сінанімічнасці, але і аб паходжанні ад аднаго караня, злучанага з назвай супольнасці франкаў. Так, англійскі выраз “*frankly speaking*” азначае “размаўляць вольна і нязмушана”, літаральна тое ж самае азначае “казаць” у манеры франка. Чым не цікавы матэрыял для аналізу слова “воля” (*freedom*) у заходнееўрапейскай культуры?

Вяртаючыся да тэксту Тацыта, трэба адзначыць, што хоць тут не ўжываецца слова “воля”, аднак ёсць паведамленне пра тое, што франкі ні з кім не змешваліся, г. зн. захоўвалі сваю фізічную чысціню. Такім чынам, і Тацыт, і англійскія нашчадкі франкаў адлюстроўваюць адну рэальнасць – прыналежнасць да франкскай супольнасці. Для першых гэта азначае чысціню, а для другіх з’яўляецца характарыстыкай чалавечай волі. Можна адзначыць таксама наяўнасць у сярэднявечным свеце законных і незаконных народаў. Гэта значыць, існавалі народы, якія мелі свой закон і гэты закон прызнаваўся іх суседзямі, і такія, што такога закону не мелі і таму лічыліся людзьмі “другога гатунку”. Між іншым, такі стан рэчаў першапачаткова вызначыў усю прасторавую раз’яднанасць. Плямёны ў варварскую эпоху адрозніваліся паміж сабой паводле тых законаў, па якіх жыла тая ці іншая архаічная супольнасць. Менавіта закон, злучаны з назвай кожнага такога ўтварэння, служыў для яго візітнай карткай і забяспечваў легітымнасць таго ці іншага члена гэтай этнічнай супольнасці падчас транскультурных адносін. Іншымі словамі, кожны легальны чалавек сярэднявечнага грамадства павінен быў судзіцца паводле звычаяў гэтых людзей і той службовай асобай, якая была абрана сярод іх [8, с. 26].

З’яўляючыся тытулам, закон, сінанімічны ў гэтым кантэксце праўдзе, быў тым феноменам, які вызначаў не толькі статус асобы, але актуальнасць і рэальнасць яе існавання. Такім чынам, ва ўмовах архаічных фарміраванняў “закон уяўляе сабою спецыфічны вынік канфігурацыі абавязкаў, што робіць немагчымым для закону ўяўляць адзін аспект племяннога жыцця, адзін аспект яго структуры як незалежнае, замкнёнае сацыяльнае дзеянне. Грамадзянскае права – гэта станоўчы закон, кіраўнік усімі стадыямі племяннога жыцця. Ён складае тады злучнае цела абавязкаў, расцэненых як права аднаго боку і пацверджаных як абавязак іншага, прыводзіць у дзеянне спецыфічны механізм узаемнасці і галоснасці, уласцівай структуры іх грамадства. Правілы грамадзянскага права элас-

тычныя і валодаюць некаторай шырынёй. Яны прапануюць не толькі штрафы за адмову, але таксама і прэміі за стараннасць у выкананні. Іх строгасць забяспечана праз рацыянальную адзнаку абарыгенамі прычыны і выніку, аб'яднана з мноствам сацыяльных і персанальных пачуццяў тыпу амбіцыі, ганарыстасці, гонару, жадання самавылучэння і таксама прыналежнасцю, сяброўствам, адданасцю і лаяльнасцю да сям'і" [9, с. 58].

Ідучы за прадстаўленай вышэй характарыстыкай закону, відавочна яго сувязь з табу, аднак, у адрозненне ад апошняга, закон, акрамя забарон, задае яшчэ такія параметры, як правы чалавека, санкцыі за парушэнне пастаноў і г.д. Тым не менш, хоць закон ёсць неабходны крок наперад, аналізаванае архаічнае (а ў той перыяд, які нас цікавіць, яно і звычайнае) права захоўвае сувязь з міфалогіяй, якая, відавочна, не толькі папярэднічала, але і атачала традыцыйныя варварскія грамадствы. Мінулае, як міф, па словах Мірча Эліадэ, ператварае ў рэальнасць міфалагічнае сцябло. Такім чынам, знаходзячыся ў свеце міфалагічнага вяртання і будучы абароненым ад рэальнасці атачальным яго сімвалізмам, суб'ект архаічнага права – вольны па паходжанні (to be the free man) – не быў чалавекам эмансіпіраваным (liberated man). Патрэба ў прытрымліванні незразумелай яму сістэме дзеянняў робіць яго цалкам залежным ад працэдур, а такім чынам, і нявольным ад акалічнасцей, пlynь якіх ён не мог кантраляваць. Прычым працэдура, якая ў сучаснай юрыдычнай практыцы часта з'яўляецца толькі неабходнай формай, якая дысцыплінуе, у аналізаванай намі архаічнай практыцы заўсёды прэтэндавала на нешта большае, бо, будучы міфам, яна была зачынена ад усялякіх экстрапаляцый і эксплікацый. Маніфестацыяй міфа ў гэтым кантэксце, напрыклад, з'яўляюцца выпрабаванні, якія падаюцца зараз нам нялюдскімі: кацялком, вадой ці паядынкам. Для ілюстрацыі таго, што пад гэтым маецца на ўвазе, можна спаслацца на блізкую нам па этнічным паходжанні Польшкую Праўду, якая дае разгорнуты апісанні такіх дзеянняў. Вось адзін прыклад – “Пра выпрабаванне вадой”: “Калі ж які-небудзь чалавек будзе абвінавачаны і суддзя загадае яму адказаць, а той чалавек скажа, што ён невінаваты, то суддзя пытае яго, ці ёсць у яго сведкі. Калі ж ён адкажа, што ён не можа іх мець, і калі суддзя жадае ўсё ж скончыць справу ў той жа дзень, то ён загадвае апусціць яго на ваду. Пасля таго, як святар абросіць святой вадой, варта абвінавачанага чалавека пасадзіць на зямлю так, каб злучыць яму рукі разам на галёнках і прасунуць яму праз падкаленыя западзіны і рукі кавалак дрэва так, каб ён не мог рухаць ні рукамі, ні нагамі, і варта зрабіць яму знак на галаве, па якім можна было заўважыць, тоне ён ці плыве. Таксама варта абвязаць яго вярхоўкай вакол тулава, каб можна было выпцягнуць яго, калі ён пачне тануць. Калі ж здарыцца, што ён не будзе тануць, а будзе плыць па вадзе, то ён пераможца ў той справе, у якой вінавачваўся” [4, с. 440].

Тут мы сутыкаемся з тым, што можна назваць дэталёвай рытуалізацыяй. Справядлівасць устанаўліваецца праз працэдуру, якая лічыцца загадзя аб'ектыўнай. Рытуалізацыя тут, як і ў большасці выпадкаў, звязаных са звычайным правам, распаўсюджваецца толькі на адну частку аналізаванай намі агульнай схемы прававой працэдур, а менавіта на ўсталяванне справядлівасці. Мы маем у дадзеным выпадку першапачатковы сурагат сучаснай бесстароннасці. Гэта робіцца праз працэс, які прызнаецца загадзя незалежным ад волі і жаданняў чалавека, а значыць – непрадзятым. Чалавек аддаецца ў рукі бога. Толькі ўся справа ў тым, што гэта не хрысціянскі Бог, а бог язычніцкі ў той яго канфігурацыі, якая была апісана намі вышэй.

Аднак, як відавочна з тэкстаў варварскіх праўд, судовае выпрабаванне мае тут, так бы мовіць, другаснае значэнне, бо на першае месца ставіўся доказ праваты праз выкарыстанне сведак. Ці з'яўляюцца сведкі, кажучы мовай Рускай Праўды, – “видоки” і “послухи” – сапраўднымі відавочнікамі падзей, ці іх прысяга мела строга сакральны сэнс? Для таго, каб разабрацца з гэтым пытаннем, відаць, трэба разгледзець, у якіх выпадках, напрыклад у Салічнай Праўдзе [10], неабходна прысутнасць сведкаў і якія функцыі яны выконваюць падчас судовага разгляду.

Прыкладзём кароткую зводку выкарыстання сведкаў зыходзячы з тэкстаў даследаваных намі дакументаў. У Салічнай Праўдзе (тытул I, § 3) са сведкамі павінен прыйсці да адказніка чалавек, які выклікаў яго ў суд. У тытуле XLVI “Пра перадачу маёмасці” сведкі пацвярджаюць факт здзейсненага акта перадачы маёмасці. Гэтыя ж два сэнсы надаюцца сведкам у тытуле XLVII “Пра вышук”. Існуе адмысловы тытул Салічнай Праўды “Пра лжэсведчанне”, дзе адлюстроўваецца больш звычайнае для нас разуменне сведкі, які павінен сказаць праўду з нагоды таго, што адбылося. Акрамя гэтага, сведкам завуць таго, хто разам з абвінавачаным прыносіць прысягу. Тут, магчыма, маюцца на ўвазе дзве розныя рэчы. З аднаго боку, сведка як “видок” і “послух”, а з іншага – той, хто з'яўляецца “супрысяжнікам”. Даследчыкі звычайнага права заўсёды спрабавалі ў шэрагу “видок”, “послух” (супрысяжнік, сведка) паставіць дзе-небудзь злучнік “ці”. У гэтым проціпастаўленні, відаць, ёсць свае падставы. Нагадаем, што ў сучасным разуменні гэтага слова сведка павінен адказваць, прынамсі, двум паказчыкам: па-першае, быць незалежнай істотай і, па-другое, быць відавочнікам, г.зн. тым чалавекам, які дзякуючы сваім адмысловым ведам можа штосьці растлумачыць па сутнасці разглядаемай справы. Іншая рэч, што ў Рускай Праўдзе пазначаецца “послухами”: “Як вядома, супрысяжнікі не былі сведкамі. Не расказвалі яны ў судзе пра тое, што яны бачылі ці чулі, але толькі далучаліся да прысягі абвінавачанага (ці скажніка), кажучы як бы ў цёмную, успрымаючы словы таго, з кім яны прысягаюцца, як бы на веру” [11, с. 28].

Змена трактовак ролі “послуха”-сведкі ёсць крок у трансфармацыі сутнасці чалавека, які робіць спробу (напэўна, упершыню ў сваёй гісторыі) узяць на сябе тыя функцыі, што, паводле яго міфалогіі, лічыліся раней выключна звышнатуральнымі. Гэта было аддзяленнем праўды ад хлусні, добрага ад злага. Чалавек узяў на сябе таксама клопат пра адплату. Толькі якога роду была гэтая адплата? У большасці артыкулаў Рускай Праўды гаворка ідзе найперш пра матэрыяльнае пакрыццё нанесенай шкоды. Аднак ужо ў тыя старажытныя часы юрыдычны закон мае важнае адрозненне ад Боскага Запавету, з аднаго боку, і радавога табу – з іншага. Яго святасць ляжыць не па-за ім, а ўнутры яго. Гэта значыць, сам закон становіцца натуральным, несабовым, а таму аб'ектыўным. Архаічны закон самадастатковы і больш нічога не патрабуе для свайго абгрунтавання: ні імя Бога, ні волі караля, ні магічнай сілы шамана. Усе моманты ацэньвання і падзелаў праўды і хлусні, добра і зла становяцца строга дэклараванымі праз гэтыя нормы варварскага права. І з такога пункту гледжання гэтыя нормы, з аднаго боку, набываюць анталогічную вечнасць, а з іншага – становяцца класічнай палітычнай з'явай, таму што пошукі справядлівасці пераўтвараюцца ў выключна народную справу і могуць разглядацца як сапраўдная дэмакратычная працэдура, калі, вядома, разумець слова “дэмакратыя” ў яго аўтэнтычным значэнні.

Варварскі закон увабраў у сябе і такую функцыю права, як сумяшчэнне ўзнёслага з нізкім, бо ўтрымоўваў у сабе не толькі сродкі для ўмацавання

нацыянальнага гонару, але і значна больш праязныя рэчы. Крымінальны закон, які, як правіла, складаў значную частку звычайнага права ў адрозненне, напрыклад, ад ідэалогіі, па родзе сваіх функцый заўсёды быў вымушаны сумяшчаць у сабе ўзнёслае (у дадзеным выпадку – нацыянальны гонар) і вельмі праязныя рэчы, як у тытуле Салічнай Праўды “Пра абразы”: “§ 1. Калі хто назаве іншага вылюдкам, прысуджаецца да выплаты 3 солідаў. § 2. Калі хто аб’явіць іншага брудным, прысуджаецца да выплаты 120 дынарыяў, што складае 3 соліды” [10, с. 35].

Наступныя варыянты абраз – блудніца, воўк, заяц, ілгун – складаюць набор слоў, за ўжыванне якіх чалавек мог бы мець непрыемнасці і ў наш час. Той факт, што ў грамадстве салічных франкаў існавала такое абазначэнне таго ці іншага боку паводзін суседа, а ўсе гэтыя нормы рэгулявання ў меншай ступені закраналі сямя, можа стаць нагодай для шэрагу вельмі цікавых заўваг. Найперш відавочна, што ў гэты ўжо досыць даўні час у грамадстве існаваў такі элемент, як ацэнка, якая не заўсёды была станоўчай. Пойдзем у нашых развагах далей. Класічны акт ацэнкі ўтрымлівае ў сабе, прынамсі, суб’ект ацэнкі, аб’ект ацэнкі і вынікі іх узаемадзеянняў. У выпадку з салічным тытулам чалавек абражаны – гэта перш за ўсё чалавек пакрыўджаны, г. зн. той, самалюбству якога нанесена тая ці іншая шкода несправядлівай, па яго меркаванні, ацэнкай. Дарэчы, калі мы ўжываем слова “крыўда” ў сучасным яго сэнсе, то варта адзначыць, што ў старажытнарускім праве яно мела анталогічнае гучанне. Як, напрыклад, у артыкуле 2 Кароткай Праўды: “Или же будет кравав или синь надъражен, то не искати ему видока человеку тому; аще не будетъ на нем знаменія никоторага же то ли придедетъ видок; аще ли не можетъ ту тому и конец, оже ли себе не можетъ мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривне, а летуцо мзда” [4, с. 58].

Выключна граматычная структура права выкарыстоўвае ўмоўны лад, які працуе па прынцыпе “калі – то”. Такая канструкцыя і вызначае прыналежнасць гэтага дакумента да таго роду культуры, які завецца прававым. Асабліва сць прававой нормы менавіта ў яе двухсастаўнай прыродзе, калі якое-небудзь дзеянне немінуха павінна выклікаць і дакладна вызначаныя праз прававы дакумент наступствы, якія пазней набылі характар пакарання, кары за здзейсненае злачынства. Яна мае два асноўныя моманты: па-першае, забарону штосьці рабіць і, па-другое, санкцыю за ігнараванне гэтай забароны. З іншага боку, у Рускай Праўдзе захоўваецца так званая матэрыяльная адказнасць за здзейсненае крымінальнае злачынства. І, нарэшце, слова “крыўда”. Крыўда, якая ў сучаснай мове мае выключна маральнае значэнне, у старажытнарускім праве несла не толькі маральную, але і матэрыяльную функцыю.

Наяўнасць ацэнкі як факта сацыяльнага жыцця немінуха цягне за сабой цэлы веер іншых феноменаў, якія маюць вызначанае светапогляднае і нават філасофскае значэнне. У прыватнасці, канструкцыя ацэнкі патрабуе наяўнасці грамадскай думкі ці, кажучы прасцей, народнай гаворкі як формы неформальнай ацэнкі чыіх-небудзь паводзін, іх сапраўдных ці ўяўных станоўчых і адмоўных бакоў. Вельмі важна звярнуць увагу на тое, што гэтае грамадства разглядала супляменнікаў не толькі з боку прынятага ў дадзенай супольнасці звычайнага права, але і нейкім іншым маральным шляхам, прычым гэтая маральная ацэнка магла быць настолькі крыўднай, што вяла за сабой немінучыя прававыя наступствы. Праўда, не заўсёды. Калі, напрыклад, “вырадак”, “брудны”, “воўк”, “заяц” з’яўляюцца безумоўнымі абразамі, то прысвойванне каму-небудзь эпітэтаў “ба-

язлівец”, “блудніца”, “ілгун” з’яўляецца злачыствам толькі ў тым выпадку, калі яны выказаны бяздоказна. А значыць, архаічнае грамадства ўжо мела выпрацаваныя крытэрыі для ацэнкі адвагі чалавека, яго маральнай устойлівасці ці шчырасці. Адступленне ж ад гэтых норм асуджалася з боку грамадства, хоць магло і не весці да ніякіх, акрамя маральных, наступстваў. Усе вышэйпаказаныя маральныя заганы з’яўляюцца па сваім паходжанні таксама старымі, як і беспадстаўнае абвінавачванне ў іх. Наяўнасць санкцый за абразу, як і саміх абраз, шмат чаго дадае да нашага разумення адносін паміж людзьмі традыцыйнага беларускага грамадства.

Заклучэнне

Такім чынам, закон у яго архаічным разуменні закладваў базавую канфігурацыю для таго ці іншага грамадства. Вызначаў, што добра, а што дрэнна і павінна быць забаронена праз тую ці іншую санкцыю. Акрамя таго, гэты ж закон апісвае структуру жыцця таго ці іншага грамадства і дапамагае нам рэканструяваць той побыт, вызначаныя структуры штодзённасці, у рамках якіх жылі нашы далёкія продкі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Hessels, J.H.** Lex Salica: The Ten Texts with the Glosses, and the Lex Emendata / J.H. Hessels [ed.]. – Boston : Adamant Media Corporation, 2004.
2. **Drew.** The laws of the Salian Franks. Katherine Fischer [trans.] / Drew [ed.]. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1991. – p. 256.
3. **Rivlin, G.** Understanding the law / Geoffrey Rivlin. – 5th ed. – Oxford; New York : Oxford University Press, 2009. – 400 pp.
4. Правда Русская / ред. Б.Д. Греков. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 1. – 505 с.
5. Повесть временных лет / ред. Б.Д. Греков. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1 : Текст и перевод.
6. **Тацит, Публий Корнелий.** О происхождении германцев и местоположении германцев / Публий Корнелий Тацит / Анналы : Малые произведения / ред. А.С. Бобович; История ; пер. с лат. – М.: АСТ – Науч.-изд. центр “Ладомир”, 2001. – С. 458–482.
7. Webster, Inc. Webster’s third new international dictionary, unabridged. [1 CD-ROM; 4 3/4 in. + 1 insert + 1 user’s guide (iv, 28 p.: ill.; 24 cm.)] [Version] 2.5. – Springfield, MA : Merriam-Webster, 2000.
8. **Bartlett, R.** The making of Europe: conquest, colonization, and cultural change, 950-1350 / Robert Bartlett. – London : Allen Lane, 1993. – 432 p.
9. **Malinowski, B.** Crime and custom in savage society / Bronisław Malinowski. – Westport : Greenwood Press, 1984. – 132 p.
10. Франкскае грамадства. Франкскае грамадства ў VI ст. 36. дакументаў / склад. І.А. Еўтухоў, В.У. Шылай. – Мінск : БДУ, 2001. – 60 с.
11. **Modzelewski, K.** Człowiek istnieje w kolektywie: Jednostka w kręgu wspólnoty krewniczkiej, sąsiedzkiej i plemiennej / K. Modzelewski // Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym / red. Roman Michałowski. – Warszawa : Wydawnictwo DiG, 1997. – S. 27–30.

Паступіў у рэдакцыю 17.03.2012 г.

УДК 808.2–1

О.А. СОСНОВСКАЯ

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЭДЖЕВЫХ ТЕКСТОВ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

Статья посвящена определению причин и закономерностей возникновения бэджевых текстов, рассмотрению специфики их социокультурного фона и особенностей функционирования в речевой коммуникации. В статье проанализирован существующий опыт лингвистического и лингвокультурологического изучения коммуникативных новообразований, очерчен диапазон современных социокультурных реалий, воссоздаваемых бэджами, прослежена динамика ценностной картины мира, репрезентируемой данными речевыми единицами.

Введение

В разговорной речи находят выражение суждения народа о существующем общественном положении, причем зачастую им дается очень точная, меткая и краткая характеристика. Для этого используются многочисленные тропы и стилистические фигуры. Однако в последнее время все более активно используются коммуникативные новообразования иного типа, направленные на осмеяние общепризнанных идеалов и нравственных ценностей, отражающие современную действительность в нарочито шутливой или ироничной манере, – бэджевые текст.

Термин “бэджевый текст” происходит от английского слова badge – ‘знак, значок’, т.к. изначально данные коммуникативные единицы активно функционировали в виде надписей на значках и были распространены исключительно в молодежной среде. Профессор Э.М. Береговская, впервые обратившаяся к текстам надписей на значках, предлагает для их обозначения термин “бэдж”, полученный путем транслитерации соответствующей английской лексемы. Мы предлагаем употреблять термин “бэдж”, или, учитывая структурные особенности надписей, бэджевый текст, используя лексему, полученную путем транскрипции.

Основная часть

Возникновение бэджевых текстов как своеобразной реакции на окружающую действительность не является специфической особенностью русского языка, это закономерная тенденция многих языков. Так, американский паремиолог В. Мидер для обозначения “перекрученных, исковерканных, искаженных мудростей” предлагает использовать термин “антипословицы” (ср. нем. Antisprichwörter, англ. anti-proverbs). Термином “антипословица” обозначают, судя по опыту издания В. Мидером больших собраний немецких и английских паремий данного жанра, речевые единицы весьма широкого круга: пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий; библейские сентенции; вывернутые наизнанку афоризмы и крылатые выражения знаменитых людей; обценные и бранные паремии; веллеризмы. “Шутливая или серьезная игра с пословицами отнюдь не нова, но можно констатировать, что критическое противостояние старой мудрости принимает в наши дни особо заметные масштабы. Сейчас уже известно, что они [пословицы] не выражают какой-либо абсолютной истины и не представляют собой неких универсальных общечеловеческих или специфично национальных установлений. Вот почему пословичная система ценностей вступает в конфронтацию со здоровым юмором, едкой иронией или острой сатирой” [1, с. 4]. Некоторые современные лингвисты, например, И.К. Николаева,

Х. Вальтер, В. Дубичинский и др., также пользуются термином *антипословицы* для обозначения трансформированных поговорок, крылатых выражений, афоризмов и др., понимая, тем не менее, “определенную зыбкость границ антипословиц”, а также то, что “столь разнородный объект описания не дает возможности выявить корпус лишь “чистых” антипословиц, антипословиц в узком смысле этого слова, что может вызвать дискуссии у фразеологов” [1, с. 10]. В. Мидер также подчеркивает трудность конкретного и четкого разграничения антипословиц и антиафоризмов, отстаивая широкое понимание термина “антипословица” и аргументируя при этом необходимость включения афористики паремиологического типа в издаваемые им сборники. Однако, на наш взгляд, введение лексемы “пословица” в термин, обозначающий весьма широкий круг речевых единиц, неизбежно повлечет за собой отсылку именно к термину “пословица” и может вызвать ошибочное восприятие вышеописанного явления. Поэтому мы считаем более уместным использовать для обозначения корпуса коммуникативных новообразований, воссоздающих действительность в нарочито шутливой форме, нейтральный термин “бэдж”, или “бэджевый текст”, который может обозначать весь корпус исследуемых единиц.

Невозможно точно определить время возникновения бэджей. Однако считается, что к нам они пришли с Запада. Там они, наряду с граффити и надписями на майках, существуют как форма проявления политических симпатий. Например, *I like Ike* (“Мне нравится Айк” – во время предвыборной кампании Эйзенхауэра) или *Touch pas a mon pote* (“Не трогай моего кореша” – значок, который надели многие французы, когда правительство приняло постановление об ужесточении мер против незаконной иммиграции). Бэдж имеет хождение на Западе и как средство рекламы (например, широко известная у нас реклама гербалайфа *Хочешь похудеть – спроси меня как*) [2, с. 68]. В отличие от Запада у нас бэдж распространился в основном среди молодежи и приобрел несколько иные функции.

Возникновение бэджей можно объяснить несколькими причинами:

– с расширением прав и свобод граждан (зачастую понимающих свободу как вседозволенность) изменились многие нормы и ценностные ориентации, утвердившиеся в советские годы. Это вызвало у носителей языка желание отойти от “старых” канонов, заменить их чем-то “новым”, причем новое должно быть оригинальным, ярким и остроумным;

– в общении молодых людей языковой вкус и мода допускают, а также и поощряют фамильярность, дерзость, характерные для бэджевых текстов;

– в последнее время языковая ситуация характеризуется тенденцией к экономии языковых средств, т.е. возникает явление компрессии (от лат. *compressio* – ‘сжатие, стяжение’), что позволяет выражать мысли посредством минимального количества вербальных средств. Стремление носителей языка к компрессии речи и привело к тому, что бэджи, имея лаконичную форму, точно и метко характеризуют окружающую действительность и при этом содержат максимум сведений об описываемом явлении;

– при сравнении направленности бэджевых текстов и жаргонных слов (и те, и другие имеют одинаковую интенцию) можно сказать, что бэджи возникли в пейоративных целях (англ. *pejorativ* – ‘уничижительный, неодобрительный’). Это подтверждается тем, что большинство бэджей имеют пошловато-сниженное значение, отрицательную эмоционально-оценочную коннотацию;

– возникновение бэджевых текстов как средства выражения пейоратива можно считать результатом снижения культурного уровня людей, языковой деградации

общества. Даже в средствах массовой информации, призванных быть образцом речевой и языковой культуры, нередко используются бранные и жаргонные слова. Наплыв подобных слов в современной публицистике обусловлен также широким проникновением в нее разговорной речи, которая в последние годы пополнилась огромным количеством жаргонных и обсценных элементов.

Широкое использование в прессе жаргонной, просторечной и обсценной лексики объясняется тем, что “в современном обществе некоторые группы людей образуют замкнутую псевдоэлиту, достаточно богатую и властную, чтобы небезуспешно, несмотря на широкое противодействие здоровой части общества, распространять свои корпоративные вкусы” [3, с. 82].

В последние десятилетия наблюдается тенденция к активному использованию, варьированию и переосмыслению афоризмов и других кратких изречений в художественной и публицистической литературе, периодической печати и живой речи. Поэтому вполне закономерно, что в речевом общении молодежи, которая перенимает и адаптирует все тенденции развития языка и общества, также стали появляться краткие суждения несколько иного характера, нежели крылатые выражения, афоризмы и др., дающие оценку окружающей действительности и комментирующие ее реалии, – бэджевые тексты.

Парадоксальность бэджевых текстов проявляется в том, что они относятся к тому жанру, даже, можно сказать, микрожанру, в котором краткость доведена до предела; чаще всего он состоит из одной фразы. Но за ней стоит мысль, ассоциация, толчок к раздумью. Бэдж обобщает и типизирует многообразные проявления личной и общественной жизни и прочно бытует в общении как его органическая часть, как концентрированная и емкая форма отражения действительности и выражения отношения носителя языка к ней. Бэджи, раскрывая ключевые понятия, концентрируют и выявляют систему ценностей, свойственную современной молодежной культуре. Более того, специфическим образом исследуя вечные вопросы, они представляют жизненную философию определенного поколения, картину исторической эпохи.

Сила воздействия бэджей заключается в точности подобранных слов и в умелом возведении актуальных частных явлений жизни в общие принципы, в доминирующие идеи. В силу своей лаконичности бэджевые тексты побуждают реципиента к размышлению, являются своеобразным катализатором мысли, ускорителем процесса возникновения ассоциаций и идей. Максимально сжатая форма, насыщенность значения, яркая образность делают бэджи такой речевой единицей, которая становится “действенным средством в борьбе с однообразием и серостью человеческой речи” [4, с. 4].

Бэджевые тексты создаются путем своеобразного сочетания объективных (материальных и общественно-политических) и субъективных факторов, имеют обширную сферу функционирования; их формирование идет посредством языковой экономии, которая реализуется в языковой компрессии.

Как в плане выражения, так и в плане содержания бэджевых текстов происходят изменения, направленные на повышение информативной насыщенности текста, осуществляется сокращение объема речевого произведения благодаря применению разнообразных графических сокращений, эллипсиса вспомогательных лексико-синтаксических единиц: *Пользуясь случаем, хочу; В глазах – обида, в руках – уют; Школьникам – стипендию!; Незнание закона не избавляет от ответственности. Зато знание – запросто.* Качественные преобразования в бэджевых текстах выражаются в морфолого-синтаксических преобразованиях частей

речи, в первую очередь за счет нивелирования служебных слов: *Быстро выпитый стакан не является налитым; Быстро поднятый Мастдай не считается упавшим*. Информативно насыщенные формы косвенных падежей вытесняют формы именительного падежа: *В своем семейном бюджете я чувствую себя образованием и культурой*; в целом преобладают более простые по составу и значению грамматические категории: *Инвалид учебы. Люблю литературу; Вечнозеленая тоска; Психованная няма*. Созданный субъектом с определенной степенью коммуникативной компетенции бэджевый текст, предназначенный для того или иного адресата, включает в себя как стандартизованную часть, то есть имеющую постоянную форму, так и фрагменты, требующие элементов речевого творчества: *Баба с воза – потехе час; Баба с воза – и волки сыты, и овцы целы*.

Спецификой бэджей является выпячивание интимных, личных сторон человеческой жизни. Все самые сокровенные мысли и чувства в бэджах носят нарочито сниженный характер, все сложности человеческих взаимоотношений гиперболизируются или утрируются, вследствие чего происходит их обесценивание.

Учитывая, что значительная часть бэджевых текстов представляет собой прецедентные единицы, можно сказать, что, обладая ситуативно-обобщенным значением, кроме обозначаемой ситуации бэджи также вызывают в сознании произведение, в котором присутствует фраза-прототип, имя автора, возможно, еще какую-либо экстралингвистическую информацию о последнем, его творении и обстоятельствах его создания.

“При восприятии объективного мира человек определяет для себя ценностные ориентиры. Все происходящее вокруг оценивается субъектом на основании принципа хорошо/плохо, добро/зло, красиво/безобразно, то есть объект действительности рассматривается с точки зрения его соответствия норме” [5, с. 7]. Бэджевые тексты также автоматически приписывают реальности, которую отображают и характеризуют, некую оценочную шкалу с полярными понятиями хорошо/плохо, нравственно/безнравственно, приемлемо/неприемлемо, однако эта шкала разительно отличается от общепринятой, потому что создатели бэджей нарочито принижают значение общепринятых ценностей и идеалов; все общепринятые морально-этические принципы, нравственные ориентиры, заложенные в обществе с незапамятных времен, переосмысливаются, утрачивают свою значимость и приобретают отрицательную эмоционально-оценочную коннотацию.

Бэджи нередко употребляются как самостоятельные речевые единицы, в основном они не связаны с общим смыслом высказывания, но могут являться цельным выводом или же подчеркивать отдельную мысль, усиливать экспрессивный эффект суждения.

Бэджевые тексты как средства выразительности, в отличие от пословиц и поговорок, которые заключают в себе обобщенный смысл и народную мудрость, и афоризмов, смысл которых является более отвлеченным, нравственно заостренным, чем житейски практическим, основываясь на материале и фразеологизмов, и афоризмов, и пословиц, и просто метких фраз, служат для усиления смысла высказывания, как бы подводят итог под всем сказанным, делают вывод. Однако бэджи зачастую несут определенную нагрузку, выражают отрицательную реакцию на явления окружающей среды, они предназначены для создания как комического, так и иронии, сарказма, что предполагает обличение, высмеивание, отрицательную оценку явлений окружающей действительности.

Заклучение

В бэджевых текстах кристаллизуется человеческий опыт, тонкие и поразительно меткие философские наблюдения, обобщения – все то, чем живет человек, что его волнует в общественной и личной жизни, что составляет содержание его мыслей, чувств, идеалов. Однако, в отличие от афоризмов, которые метко характеризуют различные стороны духовной жизни людей, звучат гимном человеку как венцу природы, поражают силой и ювелирной тонкостью ума, гармонично сочетающего в себе логичные доказательства науки и художественную образность, изящество словесного искусства, бэджевые тексты подчеркивают скептический взгляд их создателей на явления окружающей среды, негативное отношение к общепринятым ценностям, стремятся низвести всеобщие идеалы с занимаемых ими позиций.

В устной речи бэджи в основном используются в качестве готовых речевых формул, которые позволяют высказывать мысли в краткой форме и одновременно несут значительную смысловую нагрузку, а также позволяют передавать необходимую информацию завуалированно, иносказательно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Вальтер, Х.** Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко ; ОЛМА медиагрупп. – СПб. : Нева, 2005. – 574 с.
2. **Береговская, Э.М.** Надпись на значке как вид текста / Э.М. Береговская // Филологические науки. – 2000. – № 6 – С. 68–74.
3. **Богданов, В.В.** Речевое общение : прагмат. и семант. аспекты : учеб. пособие / В.В. Богданов ; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. ЛГУ. – Л. : ЛГУ, 1990. – 88 с.
4. Речь человека в общении / Т.Н. Ушакова [и др.] – М. : Просвещение, 1989. – 238 с.
5. **Артемова, А.В.** Эмотивно-оценочная объективизация концепта “женщина” в семантике фразеологических единиц : (на материале английской и русской фразеологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А.В. Артемова. – Пятигорск, 2000. – 16 с.

Поступила в редакцию 17.02.2012 г.

УДК 82.0

О.П. РУДАЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК СПОСОБ ТРАНСЛЯЦИИ АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ

В данной статье кратко рассматриваются особенности изучения феномена литературной традиции и предлагается взгляд на литературную традицию как на способ трансляции авторской концепции личности. Указывается на то, что на современном этапе развития литературы, когда организующим центром художественного произведения становится личность, литературная традиция может интерпретироваться как одно из средств выражения авторской индивидуальности.

Введение

Будучи одним из основных средств фиксации изменений в мировоззрении личности и в более широком смысле – отображения общественных изменений, художественное произведение не может быть создано вне непосредственного или

опосредованного влияния литературной традиции. Философы считают возможным выделять как особый вид традиции негативную традицию, нацеленную на отрицание ценностей. Применительно к литературному процессу это своего рода авангардистские идеи, связанные с отказом от предыдущего эстетического опыта. Факт существования преемственности и новации свидетельствует о двойственной природе традиции, в том числе и литературной: сохраняя неизменные элементы, она обретает множество исторически новых смыслов. Именно по этой причине проблема литературной традиции как одного из факторов, так или иначе определяющего творческое мышление писателя, остается одной из наиболее актуальных в литературоведении. В частности, речь идет о возрожденной традиции, первоисточниках и аспектах ее переосмысления, литературной традиции в авангарде и т.д. Актуальность проблемы литературной традиции, наличие широкого круга вопросов и обусловили цель данной работы, которая состоит в том, чтобы выявить особенности литературной традиции, позволяющие ей выполнять специфическую функцию – служить средством создания авторской концепции личности.

Основная часть

Природа литературной традиции и механизмы ее функционирования в художественном тексте в разное время и на разном материале, с различными целями рассматривали С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, В.И. Тюпа, Л.В. Пумпянский, Ю.М. Лотман, В.М. Жирмунский и другие теоретики и историки литературы.

Так, например Л.В. Пумпянский подчеркивал прогрессивное значение поздней традиции и открывающуюся через нее возможность глубже осмыслить предшествующий опыт, увидеть его в новом ракурсе и с новых позиций. В работе «Об оде А. Пушкина «Памятник»» (1923) он соотносит русскую и античную поэтическую традицию, указывая, что: «это не первый случай, когда русское произведение поможет понять античное: русская аграрная поэзия, например, бросает новый свет на «Георгики»...» [1, с. 198].

Ю.М. Лотман заостряет внимание на процессе переосмысления существующих литературных и культурных традиций. Так, в работе «Поэтический мир Тютчева» (1990) при анализе поэтических текстов он замечает, что для Тютчева характерна «широкая культурная традиция... идущая от Жуковского и немецких романтиков...» [2, с. 573].

Среди зарубежных исследователей, акцентировавших внимание на взаимосвязи традиции и индивидуального творческого начала, следует отметить Т. Элиота. В эссе «Традиция и индивидуальный талант» (1919) он указывает на то, что на определенном этапе роль традиции как механизма трансляции культурного опыта нивелируется: «При этом ссыла на традицию чаще всего приобретает уничижительный оттенок. В других случаях она обретает характер уклончивого поощрения, уподобляя одобряемое произведение некоему успешно проделанному опыту в области археологии» [3, с. 169]. Тем не менее, Элиот четко высказался о значимости литературной традиции для творчества того или иного автора: «А ведь стоит подойти к поэту без предубеждения, как обнаружится, что не только лучшее, но и наиболее индивидуальное в его творчестве коренится там, где сильнее всего утвердили свое бессмертие его предки, поэты прошлого» [там же, с. 170]. Фактически он предложил теоретически важную и плодотворную идею о связи традиции и индивидуального письма не только со стилем современной автору эпохи, но и с предыдущими, к которым отсылают множество компонентов идиостиля писателя.

Нельзя сказать, что при этом не предпринималось попыток указать на ценность литературной традиции не только как фактора трансляции культурного опыта, но и как специфического средства выражения авторской индивидуальности. Так, рассматривая становление категории авторства в работе “Риторика и истоки европейской литературной традиции”, С.С. Аверинцев указывает на роль индивидуального стиля (а не только литературной традиции) в выражении автором своего мировоззрения: “Пока нет рефлексии над индивидуальным стилем, а стало быть, и культуры индивидуального стиля, едва ли можно говорить об “авторстве”, об “авторской литературе”; имеет место лишь прикрепление некоторого имени к некоторому тексту, и с функциональной точки зрения не так уж важно, является ли это имя простой условностью... или отвечает вполне конкретной эмпирической реальности: в обоих случаях дело идет не об авторстве, а об авторитете, не о том, кто выразил в тексте свою индивидуальность, а только о том, кто поручился за доброкачественность текста” [4, с. 223].

Роль традиции в формировании идиостиля писателя и авторской концепции личности становится особенно заметной по той причине, что на современном этапе развития литературы в художественных текстах преобладает персонацентрическая картина мира и организующим центром выступает личность. Выявление особенностей видоизменения функций литературной традиции – это важная задача, которая стоит перед современными исследователями.

В своей работе мы опираемся на концепции А.Н. Андреева, изложенные им в работах “Целостный анализ литературного произведения” (1995) и “Теория литературы” (в 2 ч.) (2004, переизд. 2010). Как известно, литература оперирует образами, являющимися носителями особого типа информации – художественной. В широком смысле художественный образ является специфической формой освоения действительности. Такой точки зрения придерживается Р. Таран в своем диссертационном исследовании “Образ как онтологическая категория” (2006): “Образ является предпосылкой выхода человека из пассивной вовлеченности в действительность и переход к активному ее преобразованию” [5, с. 11]. Художественный мир являет собой образную концепцию реальности. Нам представляется важным подчеркнуть, что при этом создаваемая автором концепция личности отражает как авторскую индивидуальность, так и ориентацию автора на определенную литературную традицию (или комплекс традиций).

Концепция целостности литературного произведения, разработанная А.Н. Андреевым, связана не только с его подходом к анализу природы художественного образа, но в том числе и с вопросами о его статусе в литературе. Хотя автор не затрагивает вопрос о традиции как литературоведческой категории непосредственно, однако ряд положений работ позволяет объяснить те глубинные связи между литературной традицией и авторской концепцией личности, являющейся квинтэссенцией мировоззрения писателя.

По мнению А.Н. Андреева, восприятие художественного образа носит и интуитивный, и рациональный характер: “Итак, образ неразложим. Восприятие его может быть только целостным: как переживание мысли, как чувственно воспринимаемая сущность” [6, с. 62]. Данное обстоятельство связано с тем, что природа литературного образа также носит двойственный характер: “Образ – это особый способ воспроизведения и познания действительности, своего рода чувственно воспринимаемый индивидуальный “представитель” определенных предметов, явлений” [6, с. 54].

При создании концепции личности в художественном произведении писатель оперирует именно такими образами. Они, как считает А.Н. Андреев, и “являются содержанием по отношению к тексту (внешней форме); по отношению к духовному содержанию произведения образы выступают уже как форма” [6, с. 58]. Образная концепция реальности, создаваемая автором в литературном произведении через концепцию личности, основана и на интуитивном, и на рациональном (т.е. целостном) ее постижении. Через чувственную (т.е. по природе своей субъективную) природу образа автор выражает собственную индивидуальность. Взаимосвязь может быть выстроена по следующей схеме: образ – это то средство, с помощью которого передается индивидуальное мировоззрение; но при этом компонентом индивидуального мировоззрения будет являться традиция.

“Копирование” элементов литературной традиции (по природе своей интуитивное) в их первозданном виде невозможно. Очевидно, что так или иначе, но такое “копирование” всегда будет носить следы видоизменений, привнесенных и внешними факторами, и непосредственно в художественном произведении индивидуальным творческим сознанием того или иного автора. Только целостное постижение реальности становится для автора условием выражения и своей индивидуальности, и фактором осознания традиции как некоего канона, и в то же время способом отнестись к инновации, привносимые непосредственно им самим. Полагаем, что органичное соединение общетрадиционного и индивидуального есть сознательная демонстрация автором своей включенности в литературную традицию, не только национальную, но общемировую. Он рассматривает то или иное литературное произведение как потенциальную модель для создания текста лишь постольку, поскольку оно “включено” в приоритетную для него литературную традицию – вне зависимости от механизма функционирования традиции в художественном тексте. Восприятие литературного произведения также основано на приоритетной для читателя системе ценностей, во многом определяемой бытующей в обществе традицией.

В кандидатской диссертации Н. Налегач “Пушкинская традиция в поэзии И. Анненского” (2000) рассматриваются несколько основных механизмов функционирования традиции в художественном тексте. Указывая на то, что “функциональное значение литературных воздействий может быть различным”, автор выделяет такие механизмы взаимодействия с традицией, как реминисценция, заимствования на уровне идей и концепций, внелитературное влияние, подражание, глубокое творческое освоение (последний – термин С. Бушмина). Вместе с тем подчеркивается, что только глубокое творческое освоение предшествующей и живой традиции – та единственная форма, которая позволяет автору проявить собственную индивидуальность, оставаясь в русле литературной традиции: “Данное наблюдение позволяет говорить о литературной традиции как “диалоге” с предшествующей культурой. “Диалог” этот, с одной стороны, неизбежен, но с другой – предполагает момент осознанной избирательности в наследовании предшествующей традиции, творческое ее обогащение” [7, с. 11].

Очевидно, что дефиниция социальной традиции как механизма трансляции культурного опыта может быть применена и для объяснения природы литературной традиции, однако это лишь один из аспектов рассматриваемой проблемы. Литературная традиция в гораздо большей степени подвержена качественному видоизменению, ведь художественное творчество – непрерывный процесс, а духовный и социальный опыт личности требует различных форм его отображения. Это означает, что автор как субъект традиции оказывает на ее функционирование

непосредственное влияние (внутри созданного им художественного произведения). А. Андреев и А. Селиванов в “Русской традиции” (2006) отмечают важность индивидуального сознания по отношению к традиции: “В ходе оценки человек формирует мировоззренческую картину мира, в котором он живет, разную в различных традициях” [8, с. 56]. Функция литературной традиции, таким образом, принципиально изменяется. Следование литературной традиции и ее творческое усвоение становится средством, с помощью которого автор создает образную концепцию реальности и отражает в художественном тексте свое мировоззрение.

Литературная традиция может рассматриваться в том числе и как канон. Но при этом предполагается, что следование ему позволяет автору в рамках накладываемых им ограничений, как ни парадоксально, в наибольшей степени проявить собственную индивидуальность. Момент повторяемости, свойственный традиции, в данном случае выполняет функцию упорядочивания. Л. Марьина в статье “Виртуальный модус культуры: текст как специальная форма выражения авторского сознания” (2000) указывает на главную черту эстетического сознания человека – целостность: “Смысл и назначение эстетического сознания состоит в том, чтобы обеспечить каждому человеку достижение внутренней гармонии между разнородными сторонами жизни, сводить воедино чувственные и рационально-интеллектуальные аспекты существа человека” [9, с. 109]. Тем самым подчеркивается важность целостного восприятия предшествующего культурного опыта, позволяющего автору органично соединить традицию и индивидуальное начало в художественном произведении.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, отметим, что через традицию автор получает возможность более выпукло и емко представить концепцию личности, а следовательно, собственное мировоззрение. Отсюда следует, что функция литературной традиции как раз состоит в том, чтобы быть и креативным механизмом, и стилеобразующим фактором, и фактом, оттеняющим индивидуальное письмо, и компонентом этого письма. Традиция содержит огромный потенциал форм, которые определяют бесконечное многообразие концепций личности при условии, что творческая индивидуальность писателя и его авторская инициатива при постижении реальности будет органично соединять два компонента: рациональный (литературная традиция) и чувственный (индивидуальное мировосприятие).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Пумпянский, Л.В.** Об оде Пушкина “Памятник” / Л.В. Пумпянский // Классическая традиция. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 197–210. – [Язык. Семиотика. Культура].
2. **Лотман, Ю.М.** Поэтический мир Тютчева / Ю.М. Лотман // О поэтах и поэзии. – СПб. : Искусство-СПб, 2001. – С. 565–595.
3. **Элиот, Т.** Традиция и индивидуальный талант [Электронный ресурс] / Традиция и индивидуальный талант. – М. : Директ-Медиа, 2007. – Режим доступа : <http://www.biblioclub.ru/book/36243/>. – Дата доступа : 1.02.2011.
4. **Аверинцев, С.С.** Риторика и истоки европейской литературной традиции / С.С. Аверинцев. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 447 с. – [Язык. Семиотика. Культура].
5. **Таран, Р.А.** Образ как онтологическая категория : автореф. дисс. ... канд. философ. наук : 09.00.01 / Р.А. Таран ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2006. – 19 с.
6. **Андреев, А.Н.** Теория литературы : учебник : в 2 т. / А.Н. Андреев. – Минск : Издательство Гривцова, 2010. – Ч. 1 : Художественное произведение. – 200 с.

7. **Налегач, Н.В.** Пушкинская традиция в поэзии И. Анненского [Электронный ресурс] : автореф. дисс. ... канд. филолог. наук : 10.01.01 / Н.В. Налегач ; Кемеровский гос. ун-т. – Томск, 2000. – 223 с. – Режим доступа : http://annensky.lib.ru/names/nalegach/nalegach_dis.pdf. – Дата доступа : 15.09.2011.
8. **Андреев, А.П.** Русская традиция / А.П. Андреев, А.И. Селиванов. – М. : Алгоритм, 2004. – 320 с.
9. **Марьина, Л.П.** Виртуальный модус культуры: текст как специальная форма выражения авторского сознания [Электронный ресурс] / Виртуальный модус культуры: текст как специальная форма выражения авторского сознания // Виртуальное пространство культуры : материалы научной конференции, 11-13 апреля 2000 г. / Санкт-Петербургское философское общество. – СПб., 2000. – С. 108–111. – Режим доступа : http://anthropology.ru/ru/texts/maryina/virtual_39.html. – Дата доступа : 28.01.2011.

Поступила в редакцию 16.11.2011 г.

УДК 821.161.1.0

Ю.Н. ПАСЮТИНА

РОМАННЫЙ ГЕРОЙ: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ (на примере творчества М.А. Шолохова)

Работа посвящена выявлению типологии романного героя на материале творчества М.А. Шолохова. Исходя из того, что литература развивается в трех парадигмах (связывают которые два полюса): социо-, индивидо- и персоноцентрической – в зависимости от того, что становится предметом изображения – индивид или личность, выделяются социоцентрический, индивидоцентрический и персоноцентрический типы романских героев.

В статье рассматриваются особенности, характерные черты каждого из типов. Анализируются персонажи произведений М.А. Шолохова “Поднятая целина”, “Тихий Дон” в соответствии с предлагаемой типологией.

Введение

Роман – многогранный и многоликий жанр. Не случайно многие вопросы, связанные с ним, окончательно не решены. Так, до сих пор ведутся споры о том, что же понимать под термином “роман”. Существуют различные формулировки данного понятия: “эпос нового времени” (Гегель), “эпос частной жизни” (В.Г. Белинский), “эпопея обезбоженного мира” (Г. Лукач), “большая эпическая форма с многолинейным сюжетом, охватывающим судьбы ряда действующих лиц” (В.В. Кожин) и др. Однако все они не дают полного ответа на этот вопрос, и поэтому правомерно обратиться к мнению М.М. Бахтина, который утверждает, что “охватывающей” формулы для определения романа невозможно дать, так как “это – вечно ищущий, вечно исследующий себя самого и пересматривающий все свои сложившиеся формы жанр”, костяк которого довольно пластичен, из-за чего исследователям не удается указать ни одного “твердого признака романа без такой оговорки, которая признак этот, как жанровый, не аннулировала бы полностью” [1, с. 290].

Еще одной важной проблемой, непосредственно связанной с определением жанра романа, является выявление типологии романного героя, так как и в этом плане не найден еще единый подход. Существуют работы о типах героев в произведениях отдельных авторов (Пушкина, Толстого, Достоевского), посвящен-

ные отдельным литературным эпохам, однако исследований, достаточно полно раскрывающих типологию романного героя, крайне мало.

Цель нашей работы – предложить типологию романного героя, раскрыть ее основные положения.

Основная часть

Изучением истории и теории романа, романного героя занимались Г.Н. Поспелов, Е.М. Мелетинский, А.Д. Михайлов, П.А. Гринцер, а также некоторые другие, которые полагали, что суть романа – в его ориентации на изображение “эмансипированной” личности, находящейся в разладе с нормами и требованиями окружающей среды. Не случайно Лукач называет романного героя нелепым “чудаком”, “искателем”, “вопрошающим героем, заблудившимся в мнимой действительности” [2, с. 69].

М.М. Бахтин в докладе “Роман как литературный жанр”, позднее опубликованном под названием “Эпос и роман (О методологии исследования романа)”, говорит о “существенном обновлении образа человека в литературе”, заключающемся в преодолении характерных для других жанров “завершенности и овнешненности” героя, в наделении образа идеологической инициативой, показе его субъективности и, наконец, создании “становящегося человека” [1, с. 292].

Г.К. Косиков в статье “К теории романа” указывает на раздвоенность романного героя – “его разлад с действительностью и вместе с тем глубокую общность между ними, что и создает специфическую проблемность романа” [3, с. 37].

Интересны рассуждения Н.Д. Тamarченко, который, основываясь на установлении сюжетных функций персонажа, различает героя поступка, не совпадающего со своей сюжетной ролью, и героя сознания, не совпадающего с миром своим сознанием [4, с. 302].

В.Е. Хализев вводит понятие “самостоянье”, подразумевая под ним относительную независимость человека от установлений социальной среды с ее обрядами, ритуалами, законами. Исследователь выделяет два типа героев: героев, опора которых на самих себя, с одной стороны, – привлекательное “самостоянье”, с другой – источник заблуждений и жизненных поражений, и героев, “самостоянье” которых не имеет ничего общего с отчуждением от окружающего, опорой лишь на себя [5, с. 326].

Литературный герой, в том числе герой романский, в своем развитии прошел несколько этапов: ролевая маска, социально-моральный тип, психологический характер, носитель идеи. Литература всегда имела дело с ценностями и оценками, и этическое начало было для нее внутренним, структурным началом. Неудивительно, что наиболее традиционной и распространенной была типология, которая разделяла героев на положительных и отрицательных.

Обратимся к терминологии, чтобы выяснить понятие “тип”. Под данным термином обычно подразумевают обобщающий образ человеческой индивидуальности, наиболее ярко проявляющий себя в определенном обществе в определенный момент, или, в более широком смысле, – любое воплощение общего в индивидуальном. Необходимо также различать тип как форму, представляющую собой элемент художественной традиции, и тип как факт самой исторической действительности. М. Горький описал появление литературных типов таким образом: выделяются характерные подвиги многих героев, т.е. “абстрагируются”, затем эти черты “конкретизируются” и обобщаются в виде одного героя.

Учитывая сложность природы проблемы, нам представляется возможным выделить социоцентрический, индивидуоцентрический и персоноцентрический типы романых героев.

Следует уточнить, что схожие термины – “социологизм”, “индивидуализм”, “персонализм” – были введены Н.А. Бердяевым, но причислялись они к теме отношений между человеческой личностью и историческим процессом. К примеру, философ считает, что крайний индивидуализм пытается отождествить индивидуальность человека с миром и отвергнуть весь мир вне этой индивидуальности, он принижает человека, не хочет знать вселенского его содержания, что приводит к “опустошению индивидуальности, обеднению ее, умалению ее мирового содержания, т.е. происходит уклон к небытию” [4, с. 37]. Бердяев полагает, что понятия “социологизм” и “индивидуализм” глубоко связаны между собой, так как это две стороны одной и той же разобщенности мира, а “персонализм” – это гармония, не допускающая “примата общества над личностью”, потому что человек являет собой “свободный дух, образ Божий” [6, с. 479].

Современное литературоведение оперирует другими терминами, в частности, А.Н. Андреев предложил разделить литературу на социоцентрическую, индивидуоцентрическую и персоноцентрическую в зависимости от того, что становится предметом изображения – индивид, *homo economicus* (ипостась природы), или личность *homo sapiens* (феномен культуры) [7, с. 80].

Типология, которой мы придерживаемся, основана на предложенной выше теории. В связи с этим необходимо разъяснить значение понятий “Авторитарные Идеалы” и “Гуманистические Идеалы”, которые, по А.Н. Андрееву, являются “полюсами, порождающими различные общественные идеалы и конфликты между ними” [7, с. 79]. Авторитарные идеалы представляют собой своеобразный авторитет, на основе которого формировалась и развивалась личность (родители, государство, власть), в то время как гуманистические идеалы создают духовно и нравственно свободную личность, сознающую свою относительную независимость. Соотношение описанных идеалов и образует определенные типы романного героя.

Известно, что литература социоцентрического толка ориентирована на удовлетворение интересов общества, ключевым словом здесь является социум, его ценности и потребности, а это значит, что авторитарные идеалы преобладают. Личность “обезличивается”, ее содержанием становятся сугубо общественные по своему характеру ценностные установки.

Следовательно, в центре таких произведений – герой, персонаж героической ориентации. Уже само слово “герой” носит социоцентрический характер, так как самое важное для героя – служить долгу. Он без остатка растворяется в интересах социума, и в этом видится его смысл жизни. Героическая личность горда своей причастностью к сверхличному содержанию миропорядка и равнодушна к собственной самобытности. Именно таковы персонажи Гомера, произведений классицизма, романов социалистического реализма.

Вспомним героев романа М. Шолохова “Поднятая целина” Нагульнова, Давыдова, которые ради “общего” дела не пожалели никого и ничего. Вот как Давыдов отреагировал на протест Андрея Разметнова “воевать с детишками”: “Жалко стало, что выселяют кулацкие семьи? Подумаешь! Для того и выселяем, чтобы не мешали нам строить жизнь без таких вот... чтобы в будущем не повторялось...”, а Нагульнов и вовсе заявил: “...тысячи станови зараз дедов, детишек, баб... Да скажи, что надо их в распыл... Для революции надо... Я их из пулемета

... всех порежу!” [8, с. 47]. Преданность идеям социализма подчеркивают и слова Давыдова: “...если понадобится, я за партию... я за свою партию, за дело рабочих всю кровь отдам! Всю, до последней капли!” [8, с. 53]

И дело здесь не в том, что у этих героев нет ничего святого, напротив, каждый из них обладает целым рядом положительных характеристик: они смелые, ответственные, решительные, добросовестные. Объяснение лишь одно – сотни и тысячи таких Нагульновых, Давыдовых не могли себе позволить остаться вне того времени, когда строилось “счастливое” будущее, в которое так хотелось верить. А долг настоящего героя, гражданина своей страны – помочь своей родине.

Не сразу люди приняли советскую власть, не хотели вступать в колхоз и потому чинили различные препятствия: резали скот, прятали “семфонд”. Неудивительно, что Макар Нагульнов, сердцем болеющий за “мировую революцию”, призывал не “нежничать” с врагами: “...надо непременно расстрелять двоих-троих гадов за скотину! Кулаков надо уничтожить!” [8, с. 89]. Этим же объясняется и его жестокость по отношению к Баннику, который предпочел бы высыпать хлеб свиньям, чем отдать “чужедам”: “...застрелю как вредного гада, а потом пойду за тебя в тюрьму хоть на десять лет! Я тебе не дам над Советской властью надругиваться!” [8, с. 138] Безоговорочно поверив в правоту советской власти, в необходимость колхозов, Нагульнов был разочарован статьей Сталина, согласно которой “закружилась Макарова голова от успехов” [8, с. 164]. Теперь, по его словам, Нагульнов лежал в грязи “ниц лицом, столченный, сбитый с ног долой” [8, с. 165]. Настоящим ударом для него стало исключение из партии: “Куда же я без партии? И зачем? Нет, партбилет я не отдам! Я всю жизнь свою вложил... всю жизнь... прикажи ребятам... Меня тогда на распыл надо... Мне жизнь тогда без надобностей, исключите и из нее...” [8, с. 199]

Такие герои, как Нагульнов, – люди долга, они озабочены ценностями, актуальными для общества в большей степени, чем для личности. А.Н. Андреев подчеркивает, что герой – почетная, приветствуемая обществом “обезличенность”, это “культ отношений”, в которых нет ничего личного [7, с. 82]. Жизнь героя принадлежит не ему, но социуму, родине, нации и т.д. Это подтверждает завершение романа “Поднятая целина”: Давыдов и Нагульнов погибли во имя будущего. С сожалением автор пишет об их смерти: “...Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшпентала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка... Вот и все!” [8, с. 538].

Особенность героя социоцентрического типа в том, что он идеально соответствует задачам идеологического контроля над умами граждан.

Постепенно авторитарные идеалы уступают место гуманистическим, социоцентрический тип героя – индивидоцентрическому и персоноцентрическому. Человек становится все более независимым, свободным от навязанных ценностей, он мыслит, чувствует, реализует заложенные в нем способности, желания и потребности, хотя, конечно, он не ставит себя полностью автономным от социума. На первый план выходит частная жизнь персонажа, который, концентрируясь лишь на себе, противопоставляет себя социуму – индивидоцентрический герой. В таком романном герое развито эгоистическое начало, так как цель индивида – удовлетворение только своих потребностей, а к интересам общества он относится довольно равнодушно и даже презрительно. Индивид – это уже не герой, но еще и не личность, причем его главной особенностью является отказ от малейшей возможности стать личностью, высшей ступенью своего развития,

поэтому такие герои редко становятся главными в романе. В данном типе героя гуманистические идеалы преобладают над авторитарными. Это герои в основном литературы постмодернизма, но и не только.

Так, в “Тихом Доне” М.А. Шолохова мы встречаемся с Лизой Моховой, которая “рано глянула на изнанку жизни” [9, с. 110]. О ней и о подробностях ее жизни мы узнаем по большей части из дневника убитого казака. Вот как он характеризует ее: “взбалмошная девочка, выдавшая такие виды, о которых я знал лишь понаслышке”, с “уж очень убогим умственным пожитком” и “культом самопочитания”, – остального для нее не существует [9, с. 301].

Лушку Нагульнову из “Поднятой целины” М. Шолохова также можно отнести к героям индивидуалистического типа, так как ее не волнует ни строительство нового общества, “лучшей жизни”, ни духовный и нравственный рост. Она занята только собой, своим благополучием, удачным “устройством” в жизни: “Ни колхозы, ни совхозы, ни сама Советская власть ей и на нюх не нужны! Ей бы только на игрища ходить, поменьше работать, побольше хвостом крутить, вот и вся ее беспартийная программа!” – говорит о Лукерье Макар Нагульнов [8, с. 377]. В конце книги автор убеждает нас в том, что Лушка нашла то, к чему так стремилась: она стала Лукерьей Никитичной, а по словам Разметнова, “толстой бабехой”, причем “очень довольной собой” [8, с. 543].

Индивид живет преимущественно чувствами, в то время как личность – преимущественно сознанием. Индивид – единично-рационально-разумное создание природы, носитель специфическо-индивидуальных черт, а личность – это индивид, не отрицающий значимости общественных отношений. Личность ценна прежде всего не своей особенностью, своеобразием, но богатством содержания и духовной высотой, которые имеют всечеловеческое значение. А.Н. Андреев называет личность “антигероем”, так как без нее социум теряет свою значимость, превращается в начало второстепенное, главная задача которой – “дистанцироваться от социума, не порывая связей с ним” [7, с. 84]. Именно личность является героем персоноцентрического типа, где авторитарные и гуманистические идеалы занимают равные позиции. Другими словами, такой персонаж – гуманистический идеал, его становление, духовный рост становятся главной темой романа.

Героев персоноцентрической ориентации крайне мало, наиболее ярким представителем является Евгений Онегин А. Пушкина.

Не всегда выделенные нами типы романских героев могут существовать в “чистом” виде. Так, героя романа-эпопеи “Тихий Дон” М.А. Шолохова Григория Мелехова нельзя отнести к какому-то одному типу. Этот персонаж не является только социоцентрическим, ведь он прекрасно понимает весь ход истории, разбирается в происходящем: “уж ежели пан плох, то из хама пан во сто раз хуже!.. – Что коммунисты, что генералы – одно ярмо!” [9, т. 3, с. 161]. Григорий болеет душой за свою родную землю, народ, именно этим объясняются его поиски несуществующей “правды для всех”. Следует отметить, что Григорий Мелехов несравненно выше духовно и нравственно не только представителей новой власти, но и всех тех грамотных офицеров-белоручек, среди которых ему приходилось бывать. Он своего рода лишний, ведь до своей, возможно единственно верной правды, Григорий дошел сердцем: “У меня выбор, как в сказке про богатырей: налево пойдешь – коня потеряешь, направо поедешь – убитым быть... И так – три дороги, и ни одной нету путевой...” [9, т. 4, с. 421]. И тем не менее, его нельзя отнести к герою персоноцентрическому, так как, несмотря на все нравственные

поиски, Григорий продолжает быть связанным с почвой, т.е. со своей не безразличной ему родиной, устоями, традициями, без которых немислима его жизнь и судьба. Это особый тип романного героя, возможно, его можно охарактеризовать как социоперсоноцентрический, что предстоит еще теоретически обосновать.

Заклучение

Таким образом, мы предлагаем выделить следующие типы романых героев: социоцентрический, целью которого является бессознательное выполнение критериев и запросов социума; индивидоцентрический, или эгоцентричный, заинтересованный только в своих потребностях, чувствах; персоноцентрический, где философско-эстетической точкой отсчета является личность, ее нравственное развитие.

Необходимо уточнить, что не всегда приведенные выше типы встречаются в "чистом" виде. Так, например, Григорий Мелехов – особый тип романного героя, в котором сочетаются сразу несколько типов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Паньков, Н. М. М.** Бахтин и теория романа / Н. Паньков // Вопросы литературы. – 2007. – № 3. – С. 252–315.
2. **Рымарь, Н. Т.** Введение в теорию романа / Н. Т. Рымарь. – Воронеж, 1989. – 254 с.
3. **Косиков, Г. К.** К теории романа (роман средневековый и роман нового времени) / Г. К. Косиков // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – № 1. – С. 21–51.
4. Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. – Т. 1 : Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М. : Издательский центр "Академия", 2004. – 512 с.
5. **Хализев, В. Е.** Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высш. школа, 2000. – 398 с.
6. **Бердяев, Н. А.** Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 607 с.
7. **Андреев, А. Н.** Теория литературы: личность, произведение, художественное творчество : учеб. пособие для студ. фил. спец. : в 2 ч. – Ч. 1 / А. Н. Андреев. – Минск, 2003. – 177 с.
8. **Шолохов, М. А.** Поднятая целина : роман в 2 кн. / М. Шолохов. – Минск : Нар. асвета, 1978. – 544 с.
9. **Шолохов, М. А.** Собрание сочинений : в 8 т. / М. А. Шолохов. – М. : Художественная литература, 1975. – 8 т.

Поступила в редакцию 12.10.2010 г.

УДК 81'1

Е. Н. ВАСИЛЕНКО

ДИСКУРС КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Статья посвящена описанию и систематизации возможных способов изучения дискурса как лингвистического феномена. Автором осуществляется обзор существующих подходов к интерпретации дискурса, а также предлагается собственная классификация данных точек зрения.

Введение

В современной науке широко используется введенное в 60-х гг. понятие дискурса, который рассматривается как важнейшая форма повседневной жизненной практики человека. Однако содержание данного термина вариативно, о

чем свидетельствует весьма неоднозначное и размытое его понимание во многих гуманитарных науках (история, философия, социология, литературоведение, риторика и др.), предмет которых прямо или косвенно связан с изучением функционирования языка. Актуальность исследования данного феномена не вызывает сомнений. Многозначность термина может объясняться как раз тем фактом, что дискурс является объектом междисциплинарного изучения.

Дискурс как лингвистический феномен получил разностороннее освещение в работах современных исследователей (Б.М. Гаспаров, Т. ван Дейк, Т.М. Дридзе, В.И. Карасик, П. Серио и др.). Тем не менее, до сих пор в лингвистике, к чьей непосредственной компетенции он относится, не существует единого определения понятия “дискурс”.

Основная часть

Патрик Серио, анализируя работы французских ученых, выделяет восемь значений данного термина: 1) эквивалент понятия “речь” (по Ф. де Соссюру), т.е. любое конкретное высказывание; 2) единица, по размерам превосходящая фразу; 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания; 4) беседа как основной тип высказывания; 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такую позицию (по Э. Бенвенисту); 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация; 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например, феминистский дискурс; 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста [1, с. 26-27]. Несомненно, данный список не является исчерпывающим, т.к. в лингвистической литературе сегодня встречается огромное количество определений дискурса.

С известной долей условности в настоящее время можно выделить несколько основных подходов к изучению дискурса, а также к способам разграничения дискурса и текста. Для дифференциации этих двух понятий используются оппозиции функции и структуры, динамики и статики, конкретности и абстрактности, актуальности и виртуальности, процесса и результата. В зарубежной и постсоветской литературе были предприняты попытки классификации всего многообразия представленных точек зрения.

Так, Дебора Шифрин выделяет три основных подхода к определению дискурса. Первый подход определяет дискурс как “язык выше уровня предложения или словосочетания” (“language above the sentence or above the clause”), второй – как “употребление языка” (“language in use”), третий рассматривает дискурс как высказывания (“discourse as utterances”) [2, p. 23-41].

Выделяют также формальную (понимание дискурса как образования выше уровня предложения), функциональную (понимание дискурса как употребления языка, т.е. речи во всех ее разновидностях) и ситуативную интерпретации дискурса (см. работы М.Л. Макарова); существует также понимание дискурса как конкретного коммуникативного события и как совокупности тематически соотнесенных текстов (см. работы В.Е. Чернявской).

Проанализировав существующие мнения, мы предлагаем, достаточно условно, выделить следующие три направления в изучении дискурса: функциональное, герменевтическое и когнитивное. Остановимся на каждом из них подробнее.

1. Функциональное направление, в рамках которого дискурс рассматривается как употребление языка, т.е. как речь.

Показательно в этом отношении определение дискурса, предложенное Р. Бартом: дискурс – это “любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со (вторичными) коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся собственно к языку” [3, с. 443].

К данному направлению можно отнести и точку зрения И.Ф. Ухвановой-Шмыговой, рассматривающей дискурс в качестве деятельности, феномена и функции в треугольнике *функция – репрезентация – деятельность*. По ее мнению, понятие “дискурс” уже, чем понятие “текст”, т.к. “в дискурсе деятельность сужена до ее социально-ориентированных речевых проявлений” [4, с. 11]. Исследовательница рассматривает дискурс в качестве феномена *следа*, оставленного деятельностью, и подчеркивает тот факт, что этот след может быть “прочитан” только с конкретных позиций, только в условиях существующего контекста.

В таком рассмотрении дискурс, очевидно, связывается с понятием текста, которое в рамках следующего направления даже является определяющим по отношению к дискурсу.

2. Герменевтическое (текстологическое) направление, в фокусе которого находится феномен текста и предлагается трактовка дискурса как текста или текстовой деятельности.

Примером такого рассмотрения является точка зрения Т.М. Дридзе, которая считает, что в коммуникативной системе *текст – интерпретатор* текст необходимо рассматривать не как любой отрезок линейно организованного потока речи, а как “систему коммуникативно-познавательных элементов, функционально (т.е. для данной конкретной цели/целей общения) объединенных в единую замкнутую, иерархически организованную, содержательно-смысловую структуру общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией) субъекта общения” [5, с. 61]. Сторонники такого подхода считают, что все высказывания текста связаны не только линейной, но и вертикальной когерентностью. Таким образом, текст представляет собой не только совокупность цепочечных микроструктур, но некоторое глобальное единство, макроструктуру.

Текстовая деятельность рассматривается Т.М. Дридзе в качестве вида личностной активности, включающей вербальные и невербальные интеллектуально-мыслительные операции, совершаемые для организации смыслов в ходе общения. На наш взгляд, такое определение текстовой деятельности вполне соответствует значению термина “дискурс”.

Б.М. Гаспаров указывает не только на единство самого текста, но и на единство всех условий, при которых он был создан: “всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан” [6, с. 10].

Несомненно, точка зрения Б.М. Гаспарова показывает, насколько тесно связаны между собой функциональное и герменевтическое направления изучения дискурса, а внимание к обстоятельствам общения подводит нас к выделению третьего направления.

3. Когнитивное (психосоциальное) направление, изучающее дискурс с учетом психосоциальных условий общения. При этом дискурс может быть рассмот-

рен и как речь, и как текст (вспомним известное определение дискурса Э. Бенвенистом как языка, присвоенного говорящим).

Схожую точку зрения находим у Н.Д. Арутюновой в “Лингвистическом энциклопедическом словаре”: дискурс – “связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь»” [7, с. 136-137].

При таком подходе представляется, что “текст” – это понятие собственно лингвистическое, а термин “дискурс” имеет лингвосоциальный характер.

Концепция, разработанная Т.А. ван Дейком, предполагает противопоставление дискурса и текста в оппозиции *актуальность – виртуальность*. Помимо этого, дискурс и текст противопоставлены также как процесс и результат. Текст, по мнению Т. ван Дейка, является фиксированным результатом дискурса и представляет собой ментальный конструкт, который реализуется в дискурсе. “Дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта. Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс [...] не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, т.е. рамками текста или самого диалога. Анализ разговора с особой очевидностью подтверждает это: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию” [8, с. 121-122].

Представители когнитивного направления исследований также противопоставляют дискурс и текст как процесс и результат. Они предлагают рассматривать дискурс как действие, с помощью которого участники могут влиять на мир и друг на друга. В частности, Е.С. Кубрякова определяет дискурс “как такую форму использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями” [9, с. 525].

Исходя из точки зрения представителей данного направления, не стоит противопоставлять понятия “дискурс” и “текст”, так как текст рождается в ходе дискурса. Текст представляет собой продукт процесса речи, заверщенное произведение и является регистрацией коммуникативного акта. При этом подчеркивается различие ракурсов, в которых рассматриваются эти два явления. В частности, дискурс не может изучаться вне учета всех социальных параметров и прагматических факторов, в то время как текст может анализироваться как заверщенное языковое произведение [9, с. 526].

Таким образом, в рамках данной парадигмы исследований дискурс и текст представляют собой взаимосвязанные явления, причем дискурс, на наш взгляд, рассматривается как более широкое понятие, чем текст, который, в свою очередь, является его необходимым компонентом.

Е.И. Шейгал, исследовательница семиотической структуры политического дискурса, предлагает рассматривать дискурс в его реальном и потенциальном

(виртуальном) аспектах. В реальном измерении дискурс определяется как “совокупность дискурсивных событий, текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов” [10, с. 12]. В потенциальном (виртуальном) аспекте дискурс представляет собой семиотическое пространство, которое включает в себя вербальные и невербальные знаки, а также представление о типичных для данного типа коммуникации моделях речевого поведения [10, с. 13].

Таким образом, в рамках когнитивного направления приоритет в изучении дискурса отдается социальной ситуации и человеку, который выступает не просто как “интерпретатор” текста, но как носитель определенных когнитивных установок.

Заключение

Итак, на данном этапе проведенный анализ позволил выделить три основных направления в изучении дискурса как лингвистического феномена: функциональное (дискурс как речь), герменевтическое (дискурс как текст) и когнитивное (психосоциальное), последнее из которых, на наш взгляд, является наиболее перспективным и заслуживает наибольшего внимания ввиду сложности и многогранности самого изучаемого явления. Мы отдаем себе отчет в том, что такая классификация является достаточно условной (равно как и предложенные названия направлений) и только приблизительно очерчивает ситуацию, но, тем не менее, она дает представление об общей картине современных исследований феномена дискурса. Несомненно, мы не претендуем на полноту изложенных трактовок понятия “дискурс”, так как охватить все разнообразие имеющихся точек зрения не представляется возможным.

Что касается самого определения, то, на наш взгляд, представляется правомерным рассмотрение дискурса как единства текста и контекста в самом широком понимании данного слова. Тем самым текст (как устный, так и письменный) выступает как неотъемлемая часть дискурса наряду с контекстом, включающим лингвистические, экстралингвистические и паралингвистические параметры. При этом тексту, в отличие от дискурса, не имеющего временных границ, свойственна завершенность. Преимущество такого подхода (как и его сложность), на наш взгляд, состоит в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает социальный аспект коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Серно, П.** Как читают тексты во Франции. Вступительная статья / П. Серно // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999. – С. 12–54.
2. **Schiffrin, D.** Approaches to discourse / D. Schiffrin. – Cambridge : Massachusetts: Blackwell Publishers. – 1994. – 470 p.
3. **Барт, Р.** Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 442–449.
4. **Ухванова-Шмыгова, И.Ф.** Введение // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов ; под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : БГУ, 1998. – Вып. 1. – С. 1–11.
5. **Дридзе, Т.М.** Социокультурная коммуникация: текст и диалог в семиосоциопсихологии / Т.М. Дридзе // Социокультурное пространство диалога. – М. : Наука, 1999. – С. 58–77.

6. **Гаспаров, Б.М.** Язык, память, образ / Б.М. Гаспаров. – М. : Новое лит. обозрение, 1996. – 351 с.
7. **Арутюнова, Н.Д.** Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энц., 1990. – С. 136–137.
8. **Дейк, Т.А. ван.** Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
9. **Кубрякова, Е.С.** Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры (Язык. Семиотика. Культура.), 2004. – 560 с.
10. **Шейгал, Е.И.** Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.

Поступила в редакцию 21.10.2010 г.

УДК 070+004.378.5(073)

А.А. ГРАДЮШКО

ПЕЧАТНЫЕ СМИ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В МЕДИАСФЕРЕ ИНТЕРНЕТА

Рассматриваются важнейшие тенденции развития интернет-журналистики. Выявляются основные характеристики социальных медиа. Анализируется влияние интернет-технологий на творческую деятельность журналиста. Определяются принципы продвижения интернет-сайтов газет в поисковых системах. Раскрываются некоторые закономерности функционирования интернет-СМИ.

Введение

Доминирующие мировые стратегии развития газетного рынка в последние годы становятся характерными и для медиасферы интернета Могилевской области. Переход на цифровые технологии, развитие мобильной журналистики, продвижение сайтов в интернете – эти вопросы волнуют сегодня журналистское сообщество. Для успеха в жесткой конкуренции с социальными медиа редакторам региональных газет нужно экспериментировать с новыми платформами и типами контента. Это одна из важнейших тенденций рынка интернет-СМИ.

По решению коллегии Министерства информации Беларуси в январе 2010 г. руководителям редакций печатных СМИ было поручено принять меры по актуализации контента, техническому и творческому сопровождению веб-сайтов изданий. В частности, свои сайты сейчас имеют все районные газеты области. Представляется необходимым комплексно исследовать сайты региональных печатных средств массовой информации с целью разработки стратегии продвижения контента посредством его оптимизации для поисковых систем и социальных медиа.

Для внедрения в практику деятельности печатных средств массовой информации Могилевской области кросс-медийных решений и инновационных форм представления контента необходимо разработать приемы трансформации журналистского текста в условиях интернет-среды, а также определить концепцию использования созданного пользователями контента на сайтах СМИ. Детальному рассмотрению названных вопросов, недостаточно изученных ранее, посвящена данная статья.

Основная часть

Для научного осмысления трансформации медийной индустрии немалое значение представляют работы Я.Н. Засурского, Е.Л. Варгановой, М.М. Лукиной, Н.Г. Лосевой, И.Д. Фомичевой и ряда других ученых, которые в своих исследованиях [1] говорят о переходе к принципиально новой парадигме коммуникаций.

Представление контента в интернет-СМИ имеет свою специфику. Не каждая новость, которая есть в газете, должна появиться на сайте. Пользователи интернета не задерживаются на веб-странице подолгу и бегло просматривают контент, не прочитывая его слово за словом. Поэтому в заголовках необходимо использовать глаголы в активном залоге, а также ключевые фразы. Текст нужно писать в новостном формате. То есть все должно быть четко структурировано. Больше глаголов и существительных, меньше прилагательных и образных выражений [2, с. 19]. В частности, наиболее распространенными в интернет-СМИ являются констатирующие заголовки.

Посетители приходят на сайт тремя основными способами: набрав название сайта в браузере, по внешним ссылкам с других сайтов и поисковых систем. По статистике, около 80% пользователей любой поисковой системы не просматривают результаты выдачи далее первой страницы. Поэтому, как свидетельствует анализ литературы, важной стратегией развития интернет-СМИ Могилевской области должно также стать поисковое продвижение (SEO), чтобы попасть в “топ-10” выдачи по определенным ключевым запросам.

Проиллюстрируем важность новых форм представления контента на конкретных примерах (в Могилевской области издаются 27 государственных газет). В феврале 2010 г. в веб-лаборатории Института журналистики БГУ был создан сайт газеты “Маяк Прыдняпроўя” <http://www.bykhov.by/>. За два года на сайт добавлено более 10000 материалов. В настоящее время посещаемость веб-ресурса достигает 400 уникальных посетителей в сутки. Во многом этому способствует продвижение как в поисковых системах, так и в социальных сетях.

По данным статистики ключевых слов Яндекс <http://wordstat.yandex.ru/>, за последний месяц слово “Быхов” вводили в строку поиска 6902 человека. Для поисковой оптимизации сайта это слово часто используется в заголовках, подзаголовках, текстах и др. Проведенный нами мониторинг посещаемости дает основания полагать, что сайт регионального издания может значительно увеличить свою читательскую аудиторию за счет пользователей поисковых систем благодаря специально подготовленным текстам для них.

Продвижение сайта газеты “Маяк Прыдняпроўя” в поисковых системах принесло ощутимый результат: по запросу “Быхов” сайт газеты находится на третьем месте в Яндексе и на четвертом в Google, что обеспечивает стабильный приток посетителей из поисковых систем. Для сайта характерны такие заголовки, как “В Быховском районе женщина похитила у односельчанина пять кур”, “Быховские туристы заняли первое место в открытом первенстве области”, “В СШ № 1 г. Быхова прошел урок мужества” и др. В каждом из них содержатся ключевые слова и глаголы.

Поскольку читатели хотят получать новости “здесь и сейчас”, то есть 24 часа в сутки и 7 дней в неделю, новым стратегическим принципом организации работы редакции интернет-издания становится формула “24x7”, или обновление в режиме реального времени. Такая интернет-газета не имеет ни выходных дней, ни перерывов на обед. Текст дополняется фотографиями, аудио- и

видеоматериалами, слайд-шоу, инфографикой. Появляются новые жанры – онлайн-репортаж, авторский блог, интернет-конференция, мультимедийная статья, подкаст, мультискрипт, аудио-слайд-шоу и др.

Подобные кросс-медийные решения, в частности, реализованы на сайтах районных газет “Горацкі веснік” <http://www.gorkiv.by/>, “Голас Касцюкоўшчыны” <http://www.golk.by/>, “Прыдняпроўская ніва” <http://www.pniva.by/>, “Сцяг Саветаў” <http://www.klichew.by/>, “Ударны фронт” <http://www.udarnyfront.by/>. При этом главным условием, позволяющим удержать позиции на рынке, вне всякого сомнения, остается качественная журналистика, которая становится более гибкой к запросам читателей и новым технологиям.

По каким критериям можно понять, что сайт интернет-СМИ развивается успешно? Показателями эффективности работы веб-ресурса, в частности, являются следующие: посещаемость (трафик); цитируемость (количество упоминаний другими сайтами родственной тематики); активность пользователей (число комментариев, глубина просмотра); количество проиндексированных страниц; количество внешних ссылок на сайт (в том числе с форумов, блогов, социальных сетей); присутствие в Яндекс каталоге.

Для ведущих мировых СМИ сохранение тиражей с каждым годом становится все менее актуальным, в качестве основной стратегии они выбирают увеличение влияния брендов своих изданий в других сферах, повышение уровня цитируемости и качества аудитории [3, с. 15]. Показателем эффективности работы сайта, в частности, является тематический индекс цитирования (ТИЦ). Данный способ оценки сайта проводится поисковой системой “Яндекс”. Технология определения ТИЦ заключается в определении авторитетности интернет-ресурсов с учетом ссылок на них с других сайтов. При этом ТИЦ рассчитывается в диапазоне от 10 до бесконечности по специально разработанному алгоритму.

Проанализировав сайты региональных СМИ Могилевской области, мы выявили, что наибольшие индексы цитирования имеют газеты “Магілёўскія ведамасці” (160), “Бабруйскае жыццё” и “Могилевская правда” (50), “Маяк Прыдняпроўя” и “Ударны фронт” (40). Далее в рейтинге цитируемости следуют “Вестник Могилева”, “Вечерний Могилев”, а у большинства других изданий области ТИЦ не превышает 10.

Достаточно серьезными конкурентами для сайтов районных газет в последнее время стали негосударственные онлайн-СМИ и частные городские порталы, созданные почти в каждом населенном пункте с населением более 15–20 тыс. человек. В частности, к ним можно отнести “Блог Могилева 222”. В этой ситуации крайне важна способность государственных СМИ полноценно конкурировать с частными новостными веб-ресурсами.

Для раскрутки сайта региональной газеты, как показывает анализ литературных источников [4, с. 117], полезно наполнять его различными сервисами: это может быть расписание транспорта, частные объявления, форум, фотогалерея, история города, афиша событий, различные базы данных, рассылка новостей, телепрограмма, рейтинги публикаций, регистрация пользователей и др. Достаточно неплохо зарекомендовала себя также практика организации на сайтах газет конкурсов “Мисс сайт”, “Мистер сайт”, “Наша свадьба” и др. После объявления любого из этих конкурсов посещаемость сайтов значительно увеличивается.

Продвижение СМИ в интернете предусматривает оптимизацию контента не только для поисковых систем, но и для социальных медиа. По мнению исследо-

вателей из Санкт-Петербургского университета И.А. Быкова и О.Г. Филатовой, “социальные медиа сегодня являются серьезным конкурентом традиционным СМИ и становятся самыми посещаемыми ресурсами в интернете (особенно это касается блогов и социальных сетей). Пользователи меняют привычные информационные и развлекательные интернет-сайты на социальные медиа, которые становятся для них главными источниками информации” [5, с. 232].

По нашему мнению, социальные медиа – это новый вид онлайн-СМИ, где любой пользователь сети интернет может участвовать в процессе создания, хранения и распространения социально значимой информации, имеющей периодический характер и адресованной широкой общественности. Подобные ресурсы также именуют “новые медиа”, “интерактивные медиа”, используются термины “народная журналистика”, “гражданские СМИ”, проекты Web 2.0 и др.

Примерная классификация социальных медиа может выглядеть следующим образом: интернет-форумы; блоги, микроблоги (ЖЖ, LiveInternet, Twitter, Jaiku); социальные сети (“В Контакте”, “Одноклассники”, Facebook); службы обмена данными (YouTube, Flickr); подкасты (Russian Podcasting, PodFM); вики во всех формах (Wikipedia, Google Docs); социальные базы данных (LinkedIn, Friendfeed); онлайн-игры (Second Life, World of Warcraft); новостные социальные сайты (Nabrahabr); прочие социальные ресурсы.

Двусторонняя и многосторонняя коммуникация создают интерактивную среду. Интернет выводит на новый уровень коммуникативные функции СМИ. Постоянный контакт с аудиторией рассматривается как самая большая ценность, которая подкрепляется комментариями, форумами, веб-конференциями. Возможность вступить в контакт с читателями позволяет журналистам в полном объеме почувствовать социальные потребности аудитории, приблизиться к максимальному удовлетворению ее информационных запросов. Более того, многие сайты предлагают своим потребителям возможность стать участниками информационного производства.

При этом, как справедливо замечает М.М. Лукина, “у журналистов возникают новые профессиональные обязанности модераторов-организаторов этой многосторонней коммуникации, что помогает им быть активной стороной в организации дискуссий, “держат в русле” предложенные темы для обсуждения, не допускать нецензурных или обидных высказываний” [6, с. 71]. Нередко журналистам приходится внедряться в интернет-сообщества (социальные сети, блогосферу) для распространения той или иной информации, например, размещения анонсов публикаций в социальных сетях.

Пренебрегать мощнейшим потенциалом социальных медиа в плане раскрутки сайта региональных СМИ нельзя. Появление социальных медиа обострило конкуренцию между ними и СМИ, но в то же время конкурент оказался партнером. Новые медиа являются не только новым каналом распространения информации для СМИ, но и средством построения более сложных коммуникационных процессов с аудиторией, установления с ней непрерывного диалога, эффективным способом сплочения аудитории вокруг бренда газеты.

Приведем несколько примеров. По статистике, группа ключевой газеты “Сцяг Саветаў” в социальной сети “В Контакте” в начале 2012 г. насчитывала 255 человек, а газета “Голас Касцюкоўшчыны” имела 41 подписчика. Другие издания Могилевской области неохотно пользуются возможностями продвижения путем социальных сетей. Продвижение в Twitter и в Facebook, к сожалению, пока не очень популярно в регионе, так как жители районных центров хуже

знакомы с этими сетями. Перспективным направлением работы можно назвать привлечение посетителей посредством сервисов “Одноклассники” и Youtube.

Довольно часто, впрочем, региональные газеты создают онлайн-версии лишь для демонстрации своего присутствия в интернете. Многие редакторы СМИ недооценивают значение интернет-технологий. Проблема нередко заключается в том, что трудно найти профессионалов или просто инициативных людей, которые разбираются в специфике интернет-СМИ. Порой за сопровождение интернет-сайта в редакциях отвечают технические редакторы, не имеющие журналистского образования и соответствующей подготовки в сфере веб-журналистики. Это приводит к тому, что содержание сайта не отличается от печатной версии, веб-ресурс копирует на сайте материалы “материнского” издания, и его посещаемость остается невысокой.

Практика показывает, что в последние годы основным вектором развития зарубежных СМИ стало использование социальных сетей в качестве основной площадки для распространения своего контента, а также выбор наиболее подходящих для этого социальных сервисов и работа с пользовательским контентом [7]. Причем влияние социальных медиа нельзя недооценивать, поскольку именно они часто задают повестку дня в современном медиaprостранстве.

Посмотрим, как используются возможности социальных медиа в интернет-журналистике соседней России. Пионером в освоении новых возможностей социальных медиа там стало “РИА Новости”. В 2011 г. агентство открыло около 60 каналов в социальных сетях [8]. Общее количество читателей аккаунтов РИА “Новости” в соцсетях составило более 800 тысяч. Из них: 390 тысяч – в Facebook, 112 тысяч – в Twitter, 279 тысяч – в “В Контакте”, 14 тысяч – в “Одноклассниках”, 1700 – в Google+. Подобный опыт интересен и для газет Могилевской области.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в качестве основных стратегий развития печатных СМИ Могилевской области в медиасфере интернета можно обозначить повышение цитируемости и качества аудитории, техническое и творческое совершенствование веб-сайтов, дальнейшее увеличение присутствия в социальных сетях и продвижение в поисковых системах.

Для повышения влияния сайтов на общественное мнение, увеличения их посещаемости необходимо, чтобы их сопровождением занимались высококвалифицированные интернет-журналисты и специалисты по онлайн-коммуникациям, обладающие системными знаниями в области творческой деятельности веб-журналиста, оптимизации текстов для поисковых систем, продвижения сайтов, интернет-маркетинга.

Динамика развития отрасли показывает, что в течение последних лет в журналистике Могилевской области происходят значительные изменения. Претерпела трансформацию структура источников. Поменялись понятия форматов и жанров, цикл производства информации. Требования к навыкам журналиста стали принципиально другими. Полагаем, что в этом многообразии медийных платформ в век интернета один элемент должен остаться неизменным. Это классическая качественная журналистика.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Интернет-СМИ: теория и практика : учеб. пособие для студ. вузов / М.М. Лукина [и др.] ; под ред. М.М. Лукиной. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 348 с.

2. **Амзин, А.А.** Новостная Интернет-журналистика : учебное пособие для вузов / А.А. Амзин. – М. : Аспект Пресс, 2011. – 142 с.
3. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад / под общ. ред. В.В. Григорьева. – М. : Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2011. – 84 с.
4. Влияние через социальные сети / под общ. ред. Е.Г. Алексеевой. – М. : Фонд “Фокус-медиа”, 2010. – 200 с.
5. **Быков, И.А.** Технологии Веб 2.0 и связи с общественностью: смена парадигмы или дополнительные возможности? / И.А. Быков, О.Г. Филатова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011, Сер. 9. – № 2. – С. 226–237.
6. **Лукина, М.М.** Трансформации журналистского текста в условиях интернет-среды / М.М. Лукина // Вестн. Моск. ун-та. – 2009. – № 3. – С. 54–73.
7. How The LA Times is winning with social media [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://thenextweb.com/socialmedia/2011/08/19/how-the-la-times-is-winning-with-social-media/>. – Дата доступа : 13.02.2012.
8. Участники ФЕАМ-2011 обсудили будущее СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ria.ru/mf_news/20111121/494265299.html. – Дата доступа : 13.02.2012.

Поступила в редакцию 21.02.2012 г.

УДК 811.161.3

Н.У. ФЁДАРАВА

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЫ СА ЗНАЧЭННЕМ ПРЫНЯЦЦА І ЎДЗЕЛУ АДРАСАТА Ў МАЎЛЕНЧЫМ АКЦЕ

У артыкуле на аснове беларускай літаратурнай фразеалогіі (крыніцай фразеалагічнага матэрыялу выступае “Слоўнік фразеалагізмаў” у 2 тамах І.Я. Лепешава [2008]) разглядаюцца такія характарыстыкі сферы адрасата, як уздзеянне выказвання на адрасата (аказанне негатыўнага / пазітыўнага ўплыву), адсутнасць рэакцыі з боку адрасата і тыпы маўленчага рэагавання адрасата на атрыманы стымул (класіфікацыя ажыццяўлялася па семантычнай прыкмеце “згода з выказваннем адрасанта / нязгода з выказваннем адрасанта”).

Уводзіны

Важным элементам культуры зносін з’яўляецца слуханне – працэс успрымання, асэнсавання і разумення маўлення гаворачага, псіхалагічная гатоўнасць да кантакту з іншым чалавекам. Гэта роля належыць адрасату.

Адрасант – гэта той, хто атрымлівае паведамленне, слухач, суб’ядседнік, аўдыторыя, інтэрпрэтатар і інш. [1, с. 209].

З пазіцыі традыцыйнай лінгвістыкі доўгі час прызнавалася, што адрасат з’яўляецца пасіўным суб’ектам камунікацыі [2, с. 53]. Так, Е.В. Ключоў падкрэслівае, што фігура адрасанта разгледжана ў літаратуры, прысвечанай праблемам маўленчага ўзаемадзеяння, найбольш падрабязней, чым фігура адрасата. Аднак сёння адрасат выступае не як “пасіўны рэагент, “спажывец” інфармацыі... сучасная навука прызнае, што адрасат ёсць роля актыўная, якая патрабуе ад выканаўцы, перш за ўсё, дзеянняў, як маўленчых, так і немаўленчых, як у ходзе камунікацыйнага акта, так і за яго межамі” [3, с. 54].

У рамках праграма-, псіха- і кагнітыўнай лінгвістыкі лічыцца, што калі адрасат прымае маўленчы акт і ўдзельнічае ў ім, то галоўнай яго задачай у час зносін

прызнаецца інтэрпрэтацыя маўлення адрасанта (разуменне скрытых сэнсаў і прамога значэння выказвання, дэшыфроўка падтэксту і інш.); акрамя таго, важную ролю адыгрываюць тыпы маўленчага рэагавання адрасата на атрыманы стымул (прамыя і ўскосныя рэакцыі, спосабы ўхілення ад адказу на пытанне і інш.).

Асноўная частка

На матэрыяле беларускай літаратурнай фразеалогіі мы вылучылі фразеалагізмы са значэннем уздзеяння выказвання на адрасата і тыпаў маўленчага рэагавання адрасата на атрыманы стымул.

Разгледзім гэтыя падгрупы больш падрабязна.

1. Уздзеянне выказвання на адрасата

Калі вынік маўленчага акта – уздзеянне выказвання на думкі і пачуцці слухачоў, то такі акт называюць перлакутыўным [4, с. 206]. У тэорыі камунікацыі пад маўленчым уздзеяннем разумеюць рэгуляванне дзейнасці адрасата (атрымальнік інфармацыі) адрасантам (адпраўшчык інфармацыі) [5, с.122].

Аказанне пазітыўнага/негатыўнага ўпыву на адрасата можа змяняцца ў залежнасці ад маўленчай сітуацыі (ашаламіць можна як радасным, так і непрыемным выказваннем). У беларускай фразеалогіі ўстойлівая адзінка *біць пад дых* (нейтр.) замацавала гэтую асаблівасць, метафарычна прыпадабняючы *слова* таму, што можа нанесці рэальную фізічную шкоду слухачу.

Да гэтай групы мы аднеслі фразеалагізмы *адчыніць (расчыніць) акно ў свет* у значэнні “парадай, навіной прыносіць вялікую радасць, палёгку” (нейтр.), а таксама фразеалагізм *не даваць веры (не верыць) сваім вушам* у значэнні “вельмі здзіўляцца, пачуўшы што-небудзь нечаканае” (нейтр.).

Улічваючы, што адной з галоўных мэт гаворачага з’яўляецца імкненне пэўным чынам уздзейнічаць на адрасата, то наяўнасць гэтага раду фразеалагізмаў, нягледзячы на іх нешматлікую прадукцыйнасць, мае важнае значэнне для характарыстыкі сферы адрасата.

2. Тыпы маўленчага рэагавання адрасата на атрыманы стымул

Тыпамі маўленчага рэагавання адрасата на атрыманы стымул з’яўляюцца прамыя і ўскосныя рэакцыі, спосабы ўхілення ад адказу на пытанне, імкненне перапыняць суразмоўцу, перашкаджаць або стымуляваць яго, жаданне скончыць размову або перавесці яе ў іншае рэчышча, жарты ў адказ [6, с. 27].

Праявы маўленчага рэагавання адрасата на аснове фразеалагічнага матэрыялу беларускай мовы мы класіфікавалі па семантычнай прыкмеце “згода з выказваннем адрасанта/нязгода з выказваннем адрасанта”.

Выпадкі, калі слухач згаджаецца з выказваннем прамоўцы, замацаваліся ў фразеалагізмах: *у прынышце* (нейтр.) у значэнні “згаджацца ў цэлым, без падрабязнасцей”; *ісці на вудачку* (нейтр.), *клянуць на вудачку* (неадабр.) у значэнні “даваць сябе падмануць”. У апошніх дзвюх адзінках мы назіраем метафарычнае прыпадабненне прынады для даверлівай рыбы выказванню для даверлівага чалавека.

Нязгода з выказваннем адрасанта шырока адлюстравана ў беларускай фразеалогіі. Тут мы вызначаем наступныя сінанімічныя рады: 1) “аспрэчваць чыё-небудзь выказванне” – *даваць адлуп* (нейтр.), *даваць здачы* (нейтр.); 2) “рашуча не пагаджацца” – *біць у хамут* (неадабр.), *брацца ў рожкі* (неадабр.), *ні ў дугу* (нейтр.), *ні ў якую* (нейтр.), *разяўляць рот* (у 2 зн.) (часцей неадабр.), *раскрываць рот* (у 2 зн.) (часцей неадабр.), *станавіцца на дыбкі* (неадабр.), *ударыць у хамут* (неадабр.), *у дубкі ісці* (неадабр.), *у карані* (у 1 зн.) (нейтр.); 3) “выказаць незадавальненне” – *кідацца ў амбіцыю* (неадабр.).

Відавочна, што вобразная аснова такіх фразеалагізмаў, як *даваць адлуп, даваць здачы*, пабудавана на метафары, калі слова прыпадабняецца дзеянню, якое можна ажыццявіць у адказ на іншае дзеянне (у дадзеным выпадку выказванні).

Што ж датычыцца фразеалагізмаў са значэннем “рашуча не пагаджацца”, прыведзеных раней, то, як зазначае А.В. Даніч, “сэнс эмацыянальнай адзнакі [такіх фразеалагізмаў] зводзіцца да забароны на праяўленне ўсякага роду падабенства з жывёламі, нечалавечага пачатку ў чалавеку” [7, с. 52]. Даследчыца ў гэтай групе вылучае: 1) вобраз каня, які “панёс” альбо артачыцца; 2) сабаку, які “атрымаў” волю; 3) мядзведзя.

На беларускамоўным матэрыяле мы, услед за А.В. Даніч, вылучылі вобраз каня, які “панёс” альбо артачыцца, – *біць у хамут, станавіцца на дыбкі, ударыць у хамут* і – асобна – вобраз казла (барана) – *брацца ў рожкі*.

На думку В.М. Тэлія, падобныя вобразы фразеалагізмаў звязаны з сімвалам дзікага, агрэсіўнага прыроднага пачатку (правобраз звера), а таксама ўвасабленнем інстынктаў і эмоцый у чалавечых паводзінах (у фразеалагізмах замацаваны выпадкі страты суб’ектам кантролю над сваімі пачуццямі і паводзінамі).

Пераважна неадабральныя адносіны (8 з 13) да рэзкай, эмацыянальнай нязгоды з выказваннем, паводзінамі адрасанта характарызуюць беларусаў як людзей стрыманых і спакойных: «у характары беларусаў караніцца схільнасць да бесканфліктнага вырашэння жыццёвых праблем, да кампрамісаў, да таго, каб заўсёды была “згода”» [8, с. 105]. Такую ж думку выказвае і А.В. Даніч: “Нарматыўны канон моўнай асобы беларусаў падкрэслівае недапушчальнасць непакорных, неасцярожных паводзін у тым выпадку, калі гэта можа прынесці шкоду сабе і людзям, якія акружаюць” [7, с. 52].

Асобна вылучаюцца фразеалагізмы са значэннямі: “дзякаваць за добрае пажаданне, каштоўную думку”: *на добрым слове (дзякаваць)* (нейтр.); “перапыніць, не даць адрасанту скончыць выказванне”: *на паўслове* (нейтр.); “моўчкі зносіць крыўду, абразу, нанесеную адрасантам”: *глытаць (праглынуць) жабу (жаб)* (нейтр.), *праглынуць (горкую) пілюлю* (нейтр.), *сапці ў дзве дзіркі* (нейтр.); “позна апраўдвацца” – *махачь (размахваць) пасля бойкі кулакамі* (неадабр.), якія азначаюць розныя тыпы маўленчых актаў.

Так, напрыклад, фразеалагізм *на добрым слове (дзякаваць)* зафіксаваў элементы этыкетнага кшталту: згодна з правіламі этыкету за аказаную паслугу, добрыя словы і іншыя праявы ветлівасці прынята гаварыць “дзякую!” Н.І. Фарманоўская зазначае, што камунікацыйныя намеры гаворачых могуць адлюстроўвацца ў мове не толькі прама (тыпу “прашу вас”), але і ўскосна (напрыклад, “дзякую”): “такое выказванне, нават ізаляванае ад кантэксту, слухач распазнае менавіта як падзяку” [9, с. 66-71].

Сярод беларускіх фразеалагізмаў сустрэліся адзінкі са значэннем рэакцыі на скаргі з боку гаворачага. Да такіх фразеалагізмаў мы аднеслі: *выціраць (уціраць) слёзы* (неадабр.), *паддаваць духу (пары)* (у 1 зн.) (нейтр.).

Фразеалагізм *выціраць (уціраць) слёзы* замацаваў аднасць маўленчых і немаўленчых паводзін чалавека, які суцяшае таго, хто плача (і словамі, і жэстамі).

Беларуская фразеалогія замацавала таксама выпадак адсутнасці рэакцыі на выказванне з боку адрасата, які па сваёй семантыцы супрацьпастаўляецца раней разгледжаным групам: *ні ачарніць ні абяліць* у значэнні “прамаўчаць, ніяк не рэагуючы на чыё-небудзь выказванне” (нейтр.).

Цікава, што апазіцыя “чорны/белы”, якая існуе амаль ва ўсіх народах свету, заўсёды адлюстроўвае палярнасць значэнняў, таму, улічваючы, што кожны чалавек надзелены спектрам адмоўных і станоўчых рыс характару, можна меркаваць,

што такі тып маўленчых паводзін з'яўляецца нормай, што, дарэчы, і замацавалася ў адсутнасці эмацыянай прыкметы фразеалагізма.

Заклучэнне

Такім чынам, можна зрабіць вывад, што ў беларускай літаратурнай фразеалогіі знайшлі адбітак уздзеянне выказвання на адрасата (0,4%), а таксама тыпы маўленчага рэагавання адрасата на атрыманы стымул (найбольш значныя з іх: згода з выказваннем адрасанта – 4,1%, нязгода з выказваннем адрасанта – 1,8%).

З улікам таго, што сфера адрасата ўвогуле ў беларускай літаратурнай фразеалогіі замацавана даволі сціпла (8,3% ад 724 адзінак са значэннем маўленчых паводзін чалавека ўвогуле), можна сцвярджаць, што разгледжаныя характарыстыкі складаюць амаль палову (3,9%) ад агульнай колькасці фразеалагізмаў сферы маўлення адрасата і маюць важнае значэнне для выяўлення ролі і ўплыву адрасата ў час зносін.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Бадмаев, Б.Ц.** Психология обучения речевому мастерству / Б.Ц. Бадмаев, А.А. Малышев. – М. : ВЛАДОС, 1999. – 224 с.
2. **Михальская, А.К.** Основы риторики. 10–11 класс : учебник для общеобразовательных учреждений / А.К. Михальская. – 2-е изд., с изм. – М. : Дрофа, 2001. – 496 с.
3. **Клюев, Е.В.** Речевая коммуникация : учеб. пособие для университетов и вузов / Е.В. Клюев. – М. : ПРИОР, 1998. – 224 с.
4. **Введенская, Л.А.** Русский язык и культура речи : учеб. пособие для вузов / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Кашаева. – 8-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д : Феникс, 2003. – 544 с.
5. Основы теории коммуникации : учебно-методическое пособие для студентов специальности 350400 “Связи с общественностью” / сост. Ж.В. Николаева. – Улан-Удэ : ВСГТУ, 2004. – 273 с.
6. Праграма па спецыялізацыі “Мовазнаўства” (моўная семантыка і прагматыка) : вучэб. праграма для студэнтаў па спецыяльнасці 1-210501 “Беларуская філалогія” / пад рэд. А.Я. Міхневіч [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2005. – 32 с.
7. **Данич, О.В.** Менталитет белорусов и русских (отражение в мифологии, фольклоре и фразеологии) : учеб.-метод. пособие / О.В. Данич. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2004. – 84 с.
8. Беларусазнаўства : навук. дапаможнік / пад рэд. П. Брыгадзіна. – Мінск, 1997. – 118 с.
9. **Формановская, Н.И.** Речевой этикет и культура общения : науч.-попул. изд-е / Н.И. Формановская. – М. : Высш. шк., 1989. – 159 с.

Паступіў у рэдакцыю 21.06.2011 г.

УДК 811. 161. 1'367-626-1

Е.В. КИСЕЛЬ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ И ХАРАКТЕРИЗАЦИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ

Статья является актуальным для современной лингвистики исследованием семантики личных местоимений. Рассматривается проблема формирования у личных местоимений значения в речи и художественном тексте. Основное внимание уделено конструкциям, в которых местоимения являются подлежащим, а существительные – сказуемым. В основном анализируются ситуации, когда при помощи местоимений прямо называется/характеризуется объект или адресат высказывания.

Введение

Вопрос семантики личных местоимений (ЛМ) относится к дискуссионным вопросам современной лингвистики. Некоторые лингвисты (в их числе А.М. Пешковский, А.А. Реформатский) ограничивают значение ЛМ функцией субститута, т.е. указательной функцией: “они хотя и существуют для именованного, но именуется уже поименованное как указания на именованное, а не как собственно название” [1, с. 47]. Однако, по справедливому замечанию Т.И. Сильман, “слова неполнозначной лексики, в частности, местоимения, лишь при условии чередования с полнозначной лексикой превращаются в субститут” [2, с. 82]. Иными словами, для того чтобы “активизировать” указательную функцию местоимений, необходим антецедент – слово или группа слов, на которые указывает ЛМ и которые занимают позицию перед ним. В том случае, если антецедент отсутствует, появляется возможность развития той функции ЛМ, которую Т.И. Сильман именуется “функцией автосемантического обозначения личности внутри акта коммуникации” [2, с. 84].

Основная часть

При отсутствии антецедента особую важность для семантики ЛМ приобретает понятие референта – объекта внеязыковой действительности, о котором идет речь, иными словами, того объекта, который в речи обозначается местоимением. Необходимо отметить, что при функционировании ЛМ в тексте и во время их обращения в устной речи референты будут иметь свои особенности.

“Значение местоимений 1-го и 2-го лица основано на дейктической отсылке к участникам речевого акта, и, таким образом, их референт всегда оказывается известным адресату речи; корректное использование местоимений третьего лица также предполагает известность референта участникам коммуникации” [3, с. 157]. При этом в устной речи референты постоянно изменяются. В художественных, в частности поэтических, текстах складывается иная ситуация: для них характерен один основной референт. Это – “лирический герой” или “лирический персонаж”. Для каждого личного местоимения он будет осознаваться то как “лирическое Я”, то как “лирическое ТЫ” (обобщенный адресат), то как “лирический ОН” – “персонаж произведения”. По мнению Ю. Тынянова, даже то, что мы воспринимаем в лирике как “личность автора”, является не создателем, но жителем созданного мира. Это понятие в какой-то мере объединяет “личность автора” с другими “жителями художественного мира” [4, с. 83].

В связи с этим особый интерес представляет изучение таких конструкций, в которых при отсутствии предворяющего антецедента ЛМ выступает в качестве субъекта, а субстантив – в качестве предиката: *Я ребенок; Я властелин; Я мать, и я люблю детей* (К. Бальмонт). Эти высказывания построены в полном соответствии с конструкциями, которые любой человек с детских лет воспринимает в качестве универсального объяснения сущности какого-либо явления или предмета: “некто, о чем ведется речь, – это...”. Ср. “Яблоко – это плод”.

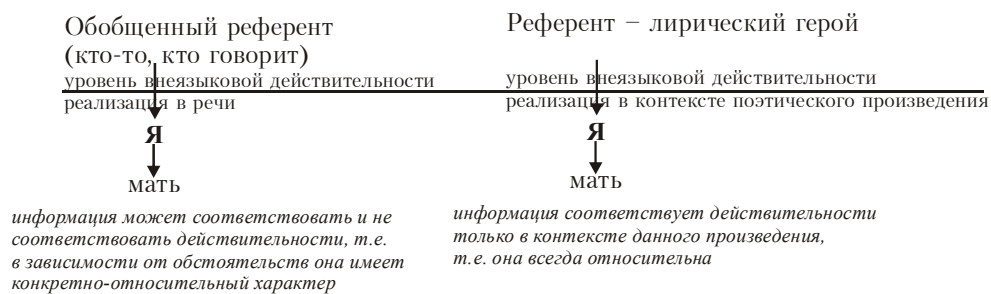
Цель нашей статьи – выяснить, можно ли считать данный тип семантизации личных местоимений средством уточнения, конкретизации их референта, и определить понятия “функциональной семантизации” и “функциональной характеристики” относительно местоимений *я, ты, мы, вы*, употребленных в поэтическом тексте в специфических конструкциях, предполагающих субъективную конкретизацию референта.

Рассмотрим в качестве примера приведенную выше фразу *Я мать, и я люблю детей*. Первое из данных двух высказываний, “Я мать”, может быть реализовано в двух аспектах: непосредственно референтом в устной речи и в контексте поэтического текста. В первом случае обобщенный референт (при отсутствии антецедента) становится более определенным, точнее сказать, воплощается в конкретной языковой форме. Более того, в данном коммуникативном акте референт сам выбирает субститут, которым при необходимости может быть названа личность (правда, скорее после перевода ее в третье лицо). Субститут “мать” в данном случае указывает на семейное положение референта, выполняемую им функцию в первичной ячейке общества.

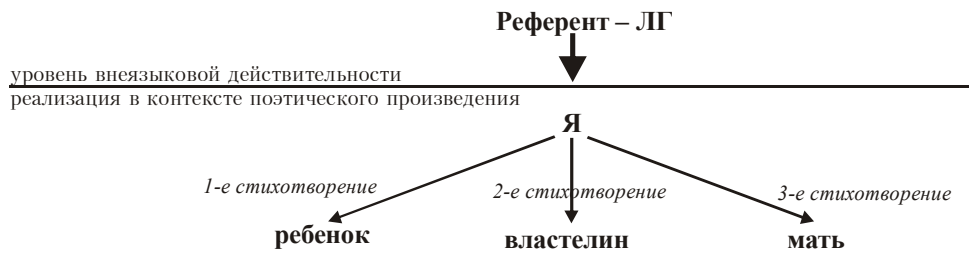
Однако в контексте поэтической реальности ситуация складывается иначе: постоянный референт здесь уже присутствует, и это, как правило, – лирический герой. Субстантив-предикат в тексте стихотворения выступает скорее как эксплициатор “маски”, надетой лирическим героем в конкретном тексте конкретного автора. По мнению Т.И. Сильман, “Лирика... использует семантическую подвижность местоимений для своих специфических целей – для сложной перестройки образа героя – сначала от уровня эмпирической конкретности жизненной ситуации до предельной обобщенности “лирического я” (в зачине стихотворения), а затем – до степени новой конкретности, приобретаемой “лирическим я” с развитием и завершением лирического сюжета на уровне глубокой интроспекции” [2, с. 86].

Необходимо отметить, что для одной и той же фразы, употребленной в устной речи и в поэтическом контексте, будет характерна разная степень объективности, правдоподобия. Так, в устной речи фразу *Я мать, и я люблю детей* может произнести женщина, не обладающая статусом матери или обладающая им, в результате данная информация может соответствовать или не соответствовать действительности (т.е. будет носить конкретно-относительный характер): “представляется, что говорящие в своей повседневной речи исходят из презумпции существования некоторого мира, который... можно назвать “интенциональным” [5, 10]. Поэзия же субъективна по умолчанию, но в контексте данного стихотворения субстантив сообщает объективную информацию о референте – лирическом герое, что подтверждается реалиями текста.

Различия в процессе семантизации можно представить следующим образом:

В речевых ситуациях может быть представлено многообразие референтов. В поэтических произведениях представлено разнообразие образов, в которые перевоплощается референт – лирический герой. Каждый из них равен остальным, и каждый верен только в контексте определенного произведения.

Иными словами, мы видим, что в контексте одного лирического произведения “лирический герой” выступает в роли ребенка, в контексте второго – в роли властелина, в третьем – “перевоплощается” в мать. Подобный тип раскрытия значения ЛМ в поэтическом тексте может быть назван функциональной семантизацией, т.е., *функциональная семантизация личных местоимений* – это такой процесс раскрытия их значения при отсутствии антецедента, при котором на данном отрезке речи или художественного текста происходит субъективная конкретизация референта при помощи субстантива-предиката при местоимении-субъекте.

При функциональной семантизации ЛМ в поэтическом тексте субстантивы не могут квалифицироваться как форма представления референта на языковом уровне: это лишь средство конкретизации референта. Не следует забывать об образности поэтического произведения, которое “отражает душевный мир человека во всей бесконечности его конкретных форм”, превращая, однако, каждый случай индивидуального переживания в своего рода “парадигму переживания” [2, с. 84]. В каждом конкретном поэтическом произведении передаются ощущения лирического героя, показывается его измененное “обличье”, очередная “маска”, однако статус самого “лирического героя” остается неизменным. “Лирический герой” обрывает новыми характеристиками, но при этом не обретает конкретное, одностороннее воплощение в контексте одного произведения, а всего лишь приобретает новую “функцию”, отражением которой в произведении и является предикат-субстантив, выделяемый в процессе функциональной семантизации. В одном лирическом произведении путем функциональной семантизации могут быть выражены совершенно противоположные понятия: *Я – просветленный, я кажусь собой // Но я не то, я остров голубой* (К. Бальмонт) Таким образом раскрывается противоречивая натура лирического героя, его ощущения в данный, конкретный момент.

Довольно часто функциональная семантизация используется для прямого определения рассказчика: *Я так же воздушна, я дева морской глубины; О да, я колдунья влюбленная* (К. Бальмонт). Однако и в этом случае имеет место лишь “перевоплощение” лирического героя в облик рассказчика, “лирического персонажа”. Проследив тенденцию функциональной семантизации местоимения “Я” в творчестве одного поэта, можно выявить все совокупное множество образов, в которые перевоплощается лирический герой в идиостиле автора. Количество данных образов-масок, их содержательные характеристики будут обусловлены индивидуальной манерой письма, убеждениями поэта, особенностями эпохи, в которую он творил, поэтическим течением, направлением или школой, к которым может быть отнесено творчество автора. Исследование функциональной семанти-

зации ЛМ также позволяет выяснить, насколько цельным является обобщенный образ лирического героя, возникающий в творчестве отдельно взятого автора.

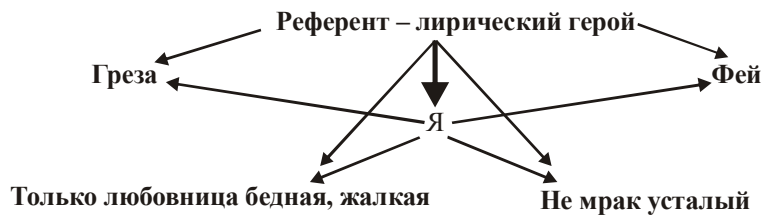
В случае отсутствия антецедента чаще всего реализует возможность развития функции авторсемантического обозначения личности в речи и поэтическом контексте местоимение “я”, поскольку именно оно “...связано со способом выражения так называемого главного героя” [6, с. 13]. Однако не меньшее значение функциональная семантизация имеет для ЛМ 2-го лица: “Как и местоимение Я, ТЫ несет в лирике особую смысловую и художественную нагрузку” [6, с. 16].

И в речи, и в художественном произведении необыкновенно важна личность адресата обращения: “ТЫ – это второй (после “Я лирического героя”) “семантический центр стихотворения”, одно из составляющих его “сюжетной схемы” [6, с. 16]. Адресатом обращения, по сути, может выступать любое живое существо, а также предмет, явление и т.д. В поэтическом произведении при этом возникает обобщенный образ адресата – “Лирическое Ты”, который часто обладает большей конкретностью, чем образ лирического героя. После прочтения стихотворения практически всегда можно сформировать субститут с целью конкретизации референта: “возлюбленная”, “родина”, “друг” и т.д. Функциональная семантизация в таком случае предназначена для более подробного описания референта, актуализации характеристик, присваиваемых ему в контексте данного произведения: *Ты мать, умей, забыв себя, любить; Ты – гений бесконечности; Ты – щенок, дурак!* (К. Бальмонт). Лирический герой акцентирует внимание читателя на каких-либо качествах адресата, при этом он называет эти качества сам, как бы “открывая” их в процессе чтения произведения. Данная информация будет являться субъективной. Подобный эффект возникает именно из-за употребления в замкнутом контексте поэтического произведения, часто наполненном “подсказками”, метафорами, определениями адресата, которые и позволяют в конечном счете сформировать субститут. В живой, устной речи таких подсказок может не существовать. Отвлекаясь от речевой ситуации и рассматривая лишь речевую составляющую общения, мы можем заметить, что в этом случае не всегда можно хотя бы приблизительно сформировать субститут.

Обычно функциональная семантизация может наблюдаться в конструкциях, где местоимение является субъектом, а субстантив – предикатом. Однако эффект функциональной семантизации возникает и при осложнении подлежащего-местоимения распространенным приложением: *И я, искатель вечной Антигоны...* (К. Бальмонт). При этом субстантив играет роль конкретизатора референта. ЛМ 2-го лица нередко семантизируются на уровне постпозитивных обращений.

Конструкции, характерные для функциональной семантизации ЛМ, могут возникать и при наличии в тексте антецедента, предваряющего местоимение. Антецедент (как правило, существительное) может выноситься в заглавие поэтического произведения или упоминаться по тексту перед конструкцией, семантизирующей местоимение: *Я только любовница бедная, жалкая* (“Греза”); *И я не мрак усталый* (“Фей”). В таком случае субститут, образ лирического героя, достаточно ярко очерчен рукой самого поэта и создается другая схема семантизации местоимения.

При наличии в тексте антецедента, предваряющего ЛМ, явление функциональной семантизации может рассматриваться скорее как явление функциональ-

ной характеристики, т.к. в данных конструкциях содержится дополнительная, (а в условиях поэтического контекста – метафоризированная) информация об антецеденте: “греза” выступает еще и как “любовница”, информация о “фее” уточняется тем, что он “не мрак усталый”¹.

Таким образом, функциональная характеристика личных местоимений – это процесс появления на уровне субстантива-предиката дополнительной (характеризующей) информации по отношению к имеющемуся антецеденту.

Функциональная характеристика ЛМ может быть индивидуальным (см. примеры выше) и сопутствующим процессом. При функциональной семантизации редко наблюдается только экспликация субъекта коммуникации. К предикату-субстантиву часто присоединяются элементы, несущие дополнительную информацию: различного рода определения, притяжательные местоимения, генитивы и т.д. Часты также случаи, когда в самом субстантиве заключена информация, характеризующая объект с той или иной стороны: *Я властелин; Сын Земли я и Дня* (К. Бальмонт). Таким образом, к семантизации лирического героя часто присоединяется его характеристика: *Я не прежний веселый полубог вдохновенный; Когда я был мальчиком, маленьким, неясным...; Мы – невольники усилий // Мы не видим орхидей...* (К. Бальмонт).

Явления функциональной семантизации и функциональной характеристики личных местоимений свойственны также и ЛМ 1-го и 2-го лица множественного числа. При этом семантизация местоимения “мы” в речи и в поэтическом контексте обычно проходит с учетом нескольких основных возможных субститутов, которыми можно заменить местоимение: “Актант высказывания (лирический герой)+адресат высказывания” – *Мы с тобою – чудо в чуде* (К. Бальмонт), “Человечество в общем” – *Мы – несколько пенных узорностей, летим все скорей и скорей*, “Люди конкретной эпохи (иногда – конкретной национальности)” – *Мы, дети мгновенья, живем для стремленья...* Разумеется, при функциональной характеристике, когда антецедент прямо называется по тексту, количество субститутов сокращается до предела: *Мы – дети Эфира* (хлопья).

Функциональная семантизация и характеристика местоимения “вы” идет по схеме, свойственной ЛМ “ты”. Основная разница заключается в том, что в тех случаях, когда “Вы” не выступает в значении “Ты”, семантизация может быть представлена в форме перечисления (в основном при обращениях): *Я горько вас люблю, о бедные уроды // Слепорожденные, хромые, горбуны, // Убогие рабы, не знавшие свободы, // Лады, разбитые веселостью волны...* (К. Бальмонт).

¹ В устной речи более часты случаи, когда субстантив-предикат, возникающий в конструкции, характерной для функциональной семантизации, отличен от антецедента: “Мальчик, ты – ученик пятого класса?” Местоимение “ты” связано с двумя субстантивами: “мальчик” и “ученик”. Оба субстантива по-своему конкретизируют референт высказывания, однако субстантив “ученик” здесь призван лишь уточнять первоначально известную информацию “мальчик”.

Заключение

Итак, в определенных синтаксических конструкциях, в основном когда местоимение предстает как субъект, а субстантив – как предикат, полупредикат или изолированный компонент структуры предложения, создаются условия для развития функции автосемантического обозначения личности. Семантизацию ЛМ в таких конструкциях можно назвать функциональной. При наличии предваряющего местоимения антецедента подобные конструкции используются для функциональной характеристики, т.к. несут дополнительную информацию по отношению к референту и уже названному антецеденту. Особенный интерес представляет рассмотрение данных явлений в контексте художественного (поэтического текста), т.к. “разряд местоимений, в узуальной языковой системе не обладающий значительностью, системой стиха выдвигается на первый план, добавочно семантизируется, укрупняется” [5, с. 34]. При помощи исследования конструкций функциональной семантизации и характеристики личных местоимений может быть наиболее лаконично и точно выведен образ лирического героя, или лирического персонажа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Реформатский, А.А.** Введение в языковедение : учебник для филол. фак. пед. интов / А.А. Реформатский. – М. : Просвещение, 1967. – 542 с. : ил.
2. **Сильман, Т.И.** Синтаксико-стилистические особенности местоимений / Т.И. Сильман // Вопросы языкознания. – 1970. – № 4. – С. 81–92.
3. **Шмелев, А.Д.** Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. – М. : Яз. славян. культуры (Кошелев), 2002. – 492 с., [1] л. портр. – (Язык. Семиотика. Культура).
4. **Тынянов, Ю.Н.** Проблемы стихотворного анализа / Ю.Н. Тынянов. – М. : Сов. писатель, 1965.
5. **Селиверстова, О.Н.** Местоимения в языке и речи / О.Н. Селиверстова ; отв. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Наука, 1988. – 151 с.
6. **Мурашева, О.П.** Семантика и функции местоимений в поэтическом тексте / О.П. Мурашева // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 12. – С. 13–19.

Поступила в редакцию 04.05.2011 г.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

- СТРЭНКОЎСКИ**
Сяргей Пятровіч – кандыдат гістарычных навук, першы прарэктар, прафесар кафедры кіравання Мінскага дзяржаўнага інстытута развіцця адукацыі
- КЛІМУЦЬ**
Лада Яраславаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі МДУ імя А.А. Куляшова
- БЫЧОК**
Сяргей Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры ўсходнеславянскай і расійскай гісторыі МДУ імя А.А. Куляшова
- АБРАМЕНКА**
Міхаіл Ягоравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт Гомельскага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта
- ДАВЫДАВА**
Ларыса Анатольеўна – аспірант кафедры гісторыі і культуры Беларусі МДУ імя А.А. Куляшова
- ДЗМІТРУК**
Алена Пятроўна – старшы выкладчык кафедры тэорыі дзяржавы і права Баранавіцкага дзяржаўнага ўніверсітэта
- АЛЯКСЕЙЧЫКАВА**
Наталля Мікалаеўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыка-прававых дысцыплін Магілёўскага вышэйшага каледжа МУС РБ
- КУЛАБУХАВА**
Алена Уладзіміраўна – магістр гістарычных навук, асістэнт кафедры гуманітарных дысцыплін ДУ ВПА “Беларуска-Расійскі ўніверсітэт”
- СТАРАСЦЕНКА**
Віктар Уладзіміравіч – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык кафедры філасофіі МДУ імя А.А. Куляшова
- ЕВАРОЎСКИ**
Валерый Барысавіч – кандыдат філасофскіх навук, загадчык Цэнтра гісторыка-філасофскіх і кампаратыўных даследаванняў Інстытута філасофіі НАНБ
- САСНОЎСКАЯ**
Аксана Анатольеўна – выкладчык кафедры рускай мовы як замежнай, дэкан факультэта навучання замежных грамадзян ВДУ імя П.М. Машэрава
- РУДАЯ**
Вольга Паўлаўна – аспірант кафедры тэорыі літаратуры БДУ
- ПАСЮЦІНА**
Юлія Мікалаеўна – выкладчык кафедры замежных моў ВДУ імя П.М. Машэрава
- ВАСІЛЕНКА**
Кацярына Мікалаеўна – аспірант кафедры беларускай мовы МДУ імя А.А. Куляшова
- ГРАДЗЮШКА**
Аляксандр Аляксандравіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі БДУ
- ФЁДАРАВА**
Наталля Уладзіміраўна – выкладчык кафедры беларускай, рускай і замежнай мовы ДУ ВПА “Беларуска-Расійскі ўніверсітэт”
- КІСЕЛЬ**
Алена Уладзіміраўна – аспірант кафедры рускай мовы БДУ

SUMMARIES

Abramenko M.Y. HEALTH SERVICE IN THE ZONE OF THE MILITARY GROUP "CENTRE" (1941 – 1944).

The article covers everyday life of the Belarusian population living in the zone of the military group "Centre". Health service of the population threatened with constant fear of terror and violence, total destruction and hunger is not featured sufficiently in historiography. The author analyses the system of health service functioning due to the Soviet material resources controlled by the occupation forces. The author draws a well-grounded conclusion that the existing health service was doomed to destruction because the fascist doctrine was based on the physical annihilation of the Soviet people including Belarusians.

Alekseichikova N.N. MOGILEV CITY COUNCIL ARCHIVES OF THE XVI – XVIII: INSIGHT INTO THE HISTORY OF BELARISIAN MATRIMONY.

The article focuses on the study of the Mogilev archives of the XVI – XVIII centuries as they highlight the matrimonial behavior of the Belarusian urban citizens. Archives of city councils in general and Mogilev city council in particular serve as a major source facilitating the research of: 1) property rights of relatives; 2) rights and duties of family members conditioned by property rights; 3) personal relations between relatives; 4) internal family life. Thus such sources contain profound information about matrimonial relations.

Bytchok S.M. FIELD MARSHAL W.KEITEL'S MEMOIRS: INSIGHT INTO WEHRMACHT HIGH COMMAND SYSTEM AT THE BEGINNING OF WORLD WAR II AND MILITARY ACTIONS ON EASTERN FRONT.

This article covers basic geopolitical and other issues in the history of the prewar political crisis in Europe (1938 – 1939), the beginning of World War II (1939 – 1940) and the Great Patriotic War (1941 – 1943) raised in the memoirs of the top military official field marshal Wilhelm Keitel. Until now the memoirs have been given little attention. Thus the author attempts to prove the value of the memoirs in the study of the Wehrmacht High Command history and its role in decision-making at A. Hitler's headquarters regarding the German forces' operations on the Eastern front. The article stresses the current importance of the field marshal's remembrances in the light of the crucial change of the Great Patriotic War conception in modern historiography.

Davydova L.A. "AGRARIAN TERRORISTS" GROUP AS THE PREDECESSOR OF THE SOCIALIST-REVOLUTIONARIES (SR) MAXIMALISTS UNION.

The activity of the "agrarian terrorists" group which was a part of the SR party and supported the tactics of the agrarian terror is examined in the article. The group also functioned on the territory of the Belarusian provinces especially in Minsk and Belostok. The extracts from the "agrarian terrorists" resolutions are quoted which allows tracing the tactics and ideology of the group. The author draws the conclusion that afterwards in 1906 the group of the "agrarian terrorists" (with its leaders M.I. Sokolov, E.I. Lozinsky) together with the so-called "Moscow opposition" (V.V. Mazurin and others) were reformed in the Socialist-Revolutionaries (SR) Maximalists Union which proclaimed terror the main means of their struggle.

Dzmitruk E.P. FORMATION OF THE NATIONAL ASSOCIATION CAMP IN WESTERN BELARUS.

The National Association Camp (in Polish "Obóz Zjednoczenia Narodowego") is a Polish government party of the so-called "pilsudchiki" group which operated on the territory of the Western Belarus in 1937 – 1939. The mechanism of its formation helps to determine not only the structure, the role and functions of the party in the political system, but the actual aims of the government. The concentration of the Polish social

forces, their coordination with the government, the hierarchy of the party facilitated the policy of polonization on the territory of the western Belarus.

Fedorova N.V. BELARUSIAN STANDARD PHRASEOLOGICAL UNITS DENOTING ADDRESSEE'S PARTICIPATION IN COMMUNICATION.

In the article regarding the Belarusian literary phraseology (the source of the phraseological material is "The Dictionary of Phraseological Units" in 2 volumes by I.Y. Lepeshev [2008]) such characteristics of the addressee as the influence on the hearer (negative / positive influence), absence of the hearer's reaction, and types of responses to stimuli (the classification is based on the semantics "agreement / disagreement with the speaker's statement") are considered.

Hradziushka A.A. PRINTED MASS MEDIA OF MOGILEV DISTRICT IN THE INTERNET MEDIA SPHERE.

The article tells about the main tendencies of Internet-journalism development. The major characteristics of social mass media are revealed. The analysis of digital technologies influence on journalists' creativity with some objective laws governing the function of the Internet mass media is given.

Kisel Y.V. FUNCTIONAL SEMANTICS AND CHARACTERIZATION OF PERSONAL PRONOUNS.

The article deals with the investigation of the personal pronouns semantics. Formation of the personal pronouns semantics in speech and fiction is considered in the article. The basic attention is paid to the syntactic constructions "SubjectPronomen – PredicateSubstantive". The author of the article analyses situations when the object or the addressee of the utterance is directly named/characterized by pronouns.

Klimut L.Y. CONSTITUTIONAL REFORM (1834): PRECONDITIONS, ESSENCE, CONSEQUENCES.

The article deals with the Additional Act of 1834 that was formally an amendment to the Constitution of Brazil. The research concentrates on the preconditions, essence and consequences of the reform. The author stresses that the introduction of the Additional Act was directly related to the political struggle in the period of Regency.

Kulabuhova S.V. SOCIAL AND POLITICAL CONDITIONS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN BELARUSIAN PROVINCES BEFORE AND DURING THE REVOLUTION OF 1905 – 1907.

The article tells about social and political conditions of the Russian Orthodox Church in Belarusian provinces before and during the revolution of 1905 – 1907. According to the Russian laws at the beginning of the XX century the Orthodox Church dominated other confessions. The decree of the religious tolerance as well as the Manifesto in the year of 1905 did not shake the position of the Russian Orthodox Church. The government had full control over the church activities. Every serious issue was to be approved by the Emperor or local government. The interests of the Russian Orthodox Church agreed with the interests of the Tsarist autocracy and their common interests were considered the basis of the church and government.

Pasiutsina Y.N. NOVEL HERO: THE PROBLEM OF TYPOLOGY (M. Sholokhov's novels under consideration).

The article deals with the typology of the hero in the novels. The author suggests her own typology of the novel hero where three types of the hero are distinguished. Every type has its distinctive features which the author tries to explain.

Rudaya O.P. LITERARY TRADITION: A MEANS TO CONVEY THE AUTHOR'S CONCEPTION OF PERSONALITY.

The article deals with the peculiarities of literary tradition interpretation. The author stresses the fact that literary tradition can be viewed as a specific means used by the author to render his conception of personality in the text. Nowadays when personality has become the centre of the literary text literary tradition can have a new interpretation as one of the means expressing the author's individuality.

Sosnovskaya O.A. BADGE TEXTS IN COMMUNICATION.

The article deals with the causes and tendencies of badge texts usage. It covers their specific socio-cultural background and peculiarities of functioning in communication. In the article the present-day linguistic and lingua-cultural studies of communicative neologisms are analysed, the range of contemporary socio-cultural realities reconstructed by badges is defined, the dynamics of the worldview evaluation represented by the speech units under discussion is traced.

Starostenko V.V. THE IDEA OF TOLERANCE IN THE BELARUSIAN RENAISSANCE HUMANISM AND THE PROBLEM OF SOCIAL PRACTICES OF RELIGIOUS TOLERANCE.

The article analyses the development of the idea of religious tolerance in the context of the Renaissance humanist and Reformation thought in Belarus during the Renaissance period. The article demonstrates conflicting legislative consolidation and social practices of religious tolerance at the turn of the XVI – XVII centuries. The concept of religious tolerance and freedom of religious self-determination is regarded as a necessary condition to preserve civil peace and harmony in the multi-confessional society.

Strenkovski S.P. POLISH HISTORIOGRAPHY OF SELF-GOVERNING TOWNS IN BELARUS IN LATE XIV – XVIII CENTURIES.

The article highlights some works of the Polish historians, like B. Graitski, P. Scherbich and others, which are grouped according to the period of the research and the schools these historians belong to. The views of the Polish historians of different periods are compared, their common features and contradictions are singled out, their weak and strong points are considered. The articles which allow a comparison of self-governing Belarusian and Polish towns are pointed out. Some controversial points on certain issues which need further investigation are mentioned.

Vasilenko E.N. LINGUISTIC PHENOMENON OF DISCOURSE.

The article is devoted to the description and systematization of different ways discourse as a linguistic phenomenon can be studied. The author reviews the variety of existing approaches to discourse interpretations and suggests her own classification of these standpoints.

Yevarouski V.B. BELARUSIAN ARCHAIC CULTURE: A HISTORICAL-PHILOSOPHICAL RECONSTRUCTION.

The archaic culture is considered a primary basis of GDL the later intellectual influence is grounded on. The parameters of this culture were provided by the system of customary law or the so-called Barbarian code, authenticated by the specific ethnic structures. Arisen in the way of myth desacralisation the traditional culture did not shape its paradigm within the relationship of the earthly and the heavenly characteristic of religion and mythology but according to the barbarian pattern of the everyday life. Archaic consciousness is based on the vivid display of the human potential directed from the centre of the world – his home – through the nearest neighborhood to a far distant world of the entire Universe – the known and the unknown.